МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М.В. ЛОМОНОСОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК 169

ТРУДЫ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

★

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1954

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М. В. ЛОМОНОСОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК 169

ТРУДЫ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1954

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Под редакцией

В. С. МОЛОДЦОВА,
З. Я. БЕЛЕЦКОГО
и Т. И. ОЙЗЕРМАНА

В. А. ФОМИНА

ДИАЛЕКТИКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Советское общество идет к новым успехам по пути постепенного перехода от социализма к коммунизму. Решающим условием прогресса СССР, главной материальной силой, определившей мощное развитие производительных сил страны, являются социалистические производственные отношения, безраздельно господствующие во всем нашем хозяйстве. Социалистические производственные отношения, полностью соответствуя современным производительным силам, двигают их вперед ускоренными темпами. Именно благодаря тому, что социалистические производственные отношения не стоят на месте, а постепенно совершенствуются, они сохраняют значение мощного двигателя развития производительных сил. Стало быть, глубочайшая экономическая причина великих хозяйственных успехов советского народа коренится в том, что у нас утверждены и неуклонно развиваются социалистические производственные отношения — отношения сотрудничества и взаимной помощи свободных от эксплуатации людей, которые трудятся на себя, на свое общество, сознательно, под руководством великой Коммунистической партии и Советского государства, строят коммунизм, опираясь на познанные объективные экономические законы социализма.

Главные задачи дальнейшего развития социалистического производства, коммунистического строительства научно определены в исторических постановлениях XIX съезда партии, сентябрьского, февральско-мартовского и июньского Пленумов ЦК КПСС и решениях сессий Верховного Совета Союза ССР.

* * *

Производство материальных благ является исходным пунктом и определяющей основой всей человеческой истории. В процессе материального производства, как впервые указал Маркс, человек воздействует на внешнюю природу и изменяя ее, в то же время изменяет свою собственную природу. То, что без производства материальных благ, без удовлетворения материальных потребностей людей невозможна общественная жизнь людей, знали, конечно, и до Маркса. Но только Маркс доказал, что общественное производство определяет возникновение и развитие всех сторон общественной жизни.

Домарксовские философы и социологи, затрагивая в той или иной мере вопрос о производстве, рассматривали последнее вне общественных отношений, не видя какой бы то ни было необходимой связи между про-

цессом производства и социальной структурой. То же относится и к буржуазным экономистам, игнорирующим общественный характер производства материальных благ. Только Маркс показал, что производство по самой своей природе есть общественный процесс, общественное производство, и поэтому изображаемое буржуазными экономистами производство изолированного индивида, так называемая «робинзонада», является идеалистической и метафизической абстракцией. Исходя из научного материалистического понимания роли общественного производства, марксизм дал целостное научное материалистическое объяснение всей общественной жизни в ее внутреннем единстве на основе присущих ей объективных экономических законов развития общества, обусловленных развитием производства материальных благ.

Из всей совокупности, из всего многообразия общественных отношений людей Маркс выделил отношения производственные как основные, первоначальные, определяющие все другие стороны общественной жизни. Именно поэтому Ленин называл положение Маркса о производственных отношениях основной идеей всего материалистического понимания истории. Общественное производство означает не только определенное отношение человека к природе, но вместе с тем и определенное отношение человека к человеку.

Общество, какова бы ни была его форма, — всегда есть продукт взаимодействия людей. Люди не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Производство человека вне общества так же нелепо, как и развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой людей. Только через посредство общественных связей и отношений между людьми существует их отношение к природе, имеет место производство.

В знаменитом предисловии к «К критике политической экономии» К. Маркс писал, что в общественном производстве люди вступают в необходимые, от их воли не зависящие производственные отношения, соответствующие тем производительным силам, которыми они располагают. Общественное производство, всегда и везде, есть единство определенных производительных сил и соответствующих им производственных отношений. Производительные силы — содержание процесса общественного производства, производственные отношения — форма развития производительных сил. Стало быть, общественное производство состоит из двух неразрывных сторон, находящихся в диалектическом взаимодействии и отражающих два рода различных отношений.

С одной стороны, это отношение общества к природе в процессе производства материальных благ — производительные силы; это орудия производства и люди, приводящие в движение орудия производства благодаря известному опыту и навыкам к труду, кормящие и одевающие весь мир — важнейший элемент производительных сил. С другой — это определенные отношения и связи, в которые люди вступают друг с другом в процессе производства материальных благ,—производственные, экономические отношения. Производственные отношения включают в себя, во-первых, отношения собственности, во-вторых, отношения между определенными социальными группами, обменивающимися своей деятельностью, в-третьих, отношения распределения производимых в процессе производства предметов, всецело определяемые отношениями собственности.

Люди не свободны в выборе своих производительных сил, которые являются результатом производственной деятельности всех предшествующих поколений и наследуются каждым новым поколением людей как объективная, независимая от воли и сознания людей материально-техни-

ческая основа их деятельности. Но тем менее свободны люди в выборе своих производственных отношений, которые обусловлены уровнем и характером развития производительных сил. Так, например, если на протяжении тысячелетий формой развития производительных сил были рабовладельческие, феодальные, капиталистические отношения, т. е. отношения эксплуатации и господства человека над человеком, то это объясняется не тем, конечно, что люди выбрали себе такого рода производственные отношения. Эти производственные отношения в свое время соответствовали производительным силам и в сущности были единственно возможными. Существование социалистических производственных отношений — отношений взаимопомощи и сотрудничества свободных от эксплуатации и угнетения людей — также не является результатом выбора, «свободной воли», людей; они с объективной необходимостью вызваны к жизни новыми производительными силами, переросшими старые, антагонистические производственные отношения.

Подчеркивая объективно-закономерный характер развития производительных сил и производственных отношений, не следует, однако, забывать, что и производительные силы и производственные отношения создаются и изменяются самими людьми — люди сами творят свою историю. Но они создаются и изменяются ими не произвольно, а в соответствии с объективной необходимостью, закономерностью. Марксистско-ленинское решение проблемы свободы и необходимости, так же как и развитое классиками марксизма-ленинизма научное понимание соотношения стихийного и сознательного в историческом процессе, полностью раскрывают сущность этого взаимодействия между объективной и субъективной стороной исторического процесса, между сознательной деятельностью людей и ее объективными, независимыми от их воли предпосылками и последствиями.

Каково же взаимоотношение производительных сил и производственных отношений, этих основных сторон процесса производства, составляющих в совокупности тот или иной способ производства, определяющий всю общественную жизнь данной исторической эпохи?

Нетрудно понять, что решение этого вопроса является величайшей заслугой основоположников марксизма, не трудно также понять, что исследование соотношения производительных сил и производственных отношений при социализме является важнейшей задачей марксистско-ленинской общественной науки.

Опираясь на экономический общесоциологический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, вскрывающих диалектику взаимоотношения производительных сил и производственных отношений, марксизм дал единственно научное решение этого вопроса.

Маркс открыл закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, доказав, что производительным силам определенной исторической эпохи, формации соответствуют исторически определенные производственные отношения, что вслед за изменением производительных сил происходит и изменение производственных отношений, следствием чего является переход от одного типа производственных отношений к другому, от одной общественно-экономической формации к другой. В условиях классового антагонистического общества этот переход неизбежно носит революционный характер.

Однако из того обстоятельства, что производственные отношения зависят от развития производительных сил, отнюдь не вытекает, что производственные отношения — это пассивное следствие развития производи-

тельных сил, якобы лишь отражающее активность развивающихся производительных сил. В новых производственных отношениях содержатся те стимулы, которые движут мощное развитие производительных сил, совершенствуют их.

Что побуждало, например, русских капиталистов к развитию производительных сил? Их побуждало одно — желание добиться прибыли. С этой целью русские капиталисты строили фабрики, заводы, вводили новшества, используя их для усиления эксплуатации рабочих и тем самым для увеличения своих доходов. Современные капиталисты также стоят за новую технику тогда, когда она сулит им наибольшие прибыли, но они склонны прославлять ремесленный труд, когда новая техника не сулит наибольших прибылей. Стало быть, стимулы развития производства — борьба за прибыль — лежат в производственных отношениях. Забывая о роли производственных отношений, можно прийти к бессодержательной абстракции «рациональной» организации производительных сил, к «самодвижению» производительных сил, что и получилось в антимарксистской схеме Ярошенко.

Весь ход общественного развития служит подтверждением того, что новые производственные отношения соответствуют новой ступени развития материальных производительных сил, активно воздействуют на производительные силы в сторону их развития, являясь главным их двигателем. Но затем они закономерно стареют, отстают от развития производительных сил, начинают терять роль главного двигателя производительных сил и превращаются в тормоз их дальнейшего развития.

Согласно Марксу, соответствие производственных отношений производительным силам никогда не может носить абсолютного характера, поскольку производство развивается непрерывно, изменяются производительные силы, обнаруживается отставание производственных отношений, преодолеваемое их последующим изменением. Характеризуя развитие антагонистических общественных формаций, Маркс подчеркивал, что на известной ступени своего развития материальные производительные силы перерастают старые производственные отношения, вступают в противоречие с существующими производственными отношениями, внутри которых они развились. Из формы развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции.

Проследим это на примере развития капиталистических производственных отношений. Почему они появились? Потому что существовавшие до них феодальные отношения стали препятствовать дальнейшему развитию производства. Феодальные путы мешали новому классу, возникшему в недрах феодального общества, — буржуазии развивать промышленность, торговлю. Стремясь разорвать эти путы, буржуазия подняла массы на революцию против феодальных порядков. В результате буржуазной революции феодальный строй был низвергнут, феодальные производственные отношения были заменены новыми, капиталистическими. Эти новые производственные отношения полностью соответствовали тому уровню развития, которого достигли тогда производительные силы. Вот почему в период после буржуазной революции производительные силы бурно развивались, быстро совершенствовались орудия производства, на более высокий, чем при феодализме, уровень поднялась производительность труда. Капитализм, придя на смену феодализму, сделал общество более богатым.

Таковы были благоприятные последствия того, что буржуазия использовала закон обязательного соответствия производственных отношений

характеру производительных сил, что она заменила отжившие феодальные производственные отношения более прогрессивными — капиталистическими.

Однако прошло некоторое время, и капиталистические производственные отношения утратили свою прогрессивную роль, а их носитель — буржуазия превратилась из передового класса в класс реакционный.

Почему это произошло? Дело в том, что бурный рост производительных сил в период после буржуазной революции привел к тому, что производительные силы достигли более высокого уровня развития, приобрели новый общественный характер. Им стало теперь тесно в рамках капиталистических производственных отношений, их стала сковывать частнокапиталистическая собственность на средства производства, лежащая в основе капиталистических производственных отношений. В силу действия закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил возникла необходимость в замене частнокапиталистической собственности на средства производства общественной собственностью, то есть в замене капиталистических производственных отношений социалистическими.

Но может ли согласиться на такую замену буржуазия? Понятно, нет. Отказаться от частной собственности на средства производства — это значит для буржуазии отказаться от своих богатств, от господства, прекратить свое существование как класса.

Цепляясь за отжившие производственные отношения, буржуазия доводит дело до того, что возникает острейший конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Этот конфликт проявляется в периодических кризисах, империалистических войнах, в разрушении производительных сил. На почве этого конфликта, назревшего внутри капиталистического способа производства, обостряется борьба пролетариата против класса капиталистов. Пролетариат сплачивает вокруг себя всех трудящихся и поднимает их на штурм капитализма. Начинается полоса пролетарских революций, в ходе которых отжившие капиталистические производственные отношения заменяются новыми, социалистическими. Таким образом, теперь пролетариат выступает как класс, использующий закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, как класс, открывающий перед обществом путь дальнейшего развития.

Как бы ни сопротивлялись реакционные классы действию закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, этот закон неотвратимо пробивает себе дорогу. Во всех капиталистических странах зреет могучая общественная сила — революционный союз рабочих и крестьян,—способная преодолеть яростное сопротивление господствующих классов буржуазного общества. Такая сила сложилась и в нашей стране. Под руководством Коммунистической партии русский пролетариат в союзе с крестьянством прорвал фронт империализма, уничтожил на одной шестой части земного шара капитализм и построил социализм. По этому же пути идут трудящиеся стран народной демократии, по этому пути неизбежно пойдут рабочие и крестьяне всех буржуазных стран.

Из сказанного следует, что одни и те же производственные отношения на разных этапах развития производительных сил играют противоположную роль: в зависимости от уровня развития производительных сил они могут и соответствовать и не соответствовать последним. В первом случае они выступают как форма прогрессивного развития производительных сил, во втором случае они являются их оковами. Значит,

развитие производительных сил общества возможно лишь при условии соответствия производственных отношений характеру, состоянию производительных сил. И хотя производительные силы как наиболее подвижная сторона производства идут впереди, «обгоняют» развитие производственных отношений, а производственные отношения отстают от них в своем развитии, это, однако, не означает отрицания действия важнейшего объективного закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

* * *

Исследуя диалектику производительных сил и производственных отношений, классики марксизма-ленинизма гениально вскрыли источник «самодвижения» общественного производства, движущую силу развития производительных сил. Этот источник заключен в диалектическом взаимодействии производительных сил и производственных отношений. Главным двигателем развития производительных сил являются новые, соответствующие им производственные отношения.

Оппортунисты II Интернационала всячески замалчивали вопрос об источнике развития общественного производства. Даже Плеханов, который в области философии был, несомненно, наиболее выдающимся представителем II Интернационала, утверждал, что источником развития производительных сил является географическая среда. Такого рода «натуралистический» подход к вопросу о движущей силе развития производительных сил является весьма грубой ошибкой в духе пресловутого географического направления в социологии. Известно, что Каутский в своей монографии, названной вопреки ее действительному содержанию «Материалистическое понимание истории», утверждал, что движущей силой развития производительных сил является... познание природы. Эта идеалистическая фальсификация исторического материализма необходима была Каутскому для обоснования антимарксистской «теории производительных сил», полностью игнорирующей значение производственных отношений, роль классов и их партий в общественной жизни и отрицающей необходимость замены капиталистических производственных отношений социалистическими. Научная несостоятельность и реакционное политическое содержание оппортунистических попыток найти источник движения производительных сил, абстрагируясь от производственных отношений, неоднократно вскрывалась классиками марксизма-ленинизма, конкретно исследовавшими роль тех или иных, например, капиталистических, производственных отношений в развитии производства материальных благ. Казалось бы, что в свете марксистско-ленинского учения об основных типах производственных отношений и их роли в развитии производства вопрос об источнике движения производительных сил не должен вызывать сомнения.

Тем не менее некоторое время в нашей советской философской литературе имели место попытки найти источник развития производительных сил вне диалектического взаимодействия основных сторон процесса общественного производства. Так, некоторые исследователи утверждали: источник неукротимого движения вперед мы должны искать внутри производительных сил. Такое утверждение, естественно, сводит на нет роль новых производственных отношений в развитии производительных сил, смазывает диалектическое взаимодействие этих основных, неразрывно связанных друг с другом сторон общественного процесса производства.

И. В. Сталин в своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР» подверг уничтожающей критике концепцию экономиста Ярошенко, который в сущности повторил антимарксистские положения Богданова и Бухарина о якобы независимом от производственных отношений имманентном развитии производительных сил путем «рациональной» организации производственного процесса. Экономист Ярошенко утверждал, что переход от социализма к коммунизму не предполагает соответствующего развития производственных отношений, а означает лишь «рациональную» организацию производительных сил, т. е. изменение технического порядка. Согласно этому утверждению получалось, что дальнейшее развитие производительных сил в период постепенного перехода от социализма к коммунизму не связано с производственными отношениями и не вызывает их развития. Тезис о неизменности социалистических производственных отношений выдвигался не одним этим экономистом. Стоит напомнить дискуссию, состоявшуюся на страницах журнала «Под знаменем марксизма» накануне Великой Отечественной войны. В этой дискуссии все те, кто допускал возможность противоречия между производительными силами и производственными отношениями при социализме, были осуждены как якобы не понимающие коренного отличия социализма от капитализма и догматически подходящие к известным положениям исторического материализма.

Между тем полное соответствие производственных отношений характеру производительных сил в СССР нельзя понимать метафизически. В условиях социализма оно заключается в том, что общественному по своему характеру производству соответствует общественная собственность на средства производства. Это соответствие нельзя понимать как отсутствие всякого противоречия между производительными силами и производственными отношениями.

Переход от низшей фазы коммунизма к его высшей фазе потребует совершенствования социалистических производственных отношений и как отношений собственности, и как отношений социальных групп, и как отношений распределения, точнее говоря, именно к этим изменениям в связи с развитием производительных сил и сводится прежде всего этот исторический процесс. Отсюда ясно громадное теоретическое и практически-политическое значение вопроса о диалектике производительных сил и производственных отношений при социализме.

Еще до недавнего времени проблемы диалектики производительных сил и производственных отношений при социализме фактически не существовало для большинства наших экономистов и философов. Это только указывает на необходимость большой работы для ее решения.

Выяснить ее — значит прежде всего подчеркнуть действие закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил в условиях социалистического способа производства, когда его действие приобретает своеобразный, особенный характер. В чем это своеобразие? В том, что при социализме общество впервые в истории получает возможность постоянно обеспечивать полное соответствие производственных отношений характеру производительных сил, планомерно и своевременно развивать, совершенствовать производственные отношения по мере развития производительных сил.

Марксизм учит, что ни одна антагонистическая формация такой возможности не дает. В антагонистическом обществе полное соответствие между производительными силами и производственными отношениями

неизбежно носит временный характер. Рано или поздно оно нарушается, потому что господствующий, эксплуататорский класс цепляется за существующие производственные отношения, во что бы то ни стало старается сохранить их даже тогда, когда они уже отжили свой век и мешают развитию производительных сил. Иначе обстоит дело при социализме.

Социалистический способ производства, победивший в СССР, как и всякий другой способ производства, — это противоречивое единство двух взаимно связанных и в то же время различных сторон — производительных сил и производственных отношений. Особенности развития производительных сил и производственных отношений после социалистической революции связаны с теми преимуществами, которые имеет социалистический базис перед капиталистическим. Они выражаются в свойственных только социализму формах собственности, положении каждой общественной группы в производстве, отношениях распределения и обмена. Эти три элемента производственных отношений дают широчайший простор развитию производительных сил.

Основой социалистического базиса, экономической основой советского общества является общественная социалистическая собственность на средства производства, существующая в двух формах: государственной, общенародной собственности и колхозно-кооперативной собственности. Государственная собственность преобладает по своему удельному весу, играет ведущую роль во всей системе народного хозяйства СССР.

В отличие от капиталистического способа производства, который основан на системе эксплуатации и угнетения, на отрыве производителя от средств производства, наше советское общество является таким обществом, где частная собственность на средства производства, система наемного труда и эксплуатации давно уже не существуют. Социалистический способ производства представляет собой особый способ соединения средств производства, являющихся общественной собственностью, с социалистическими производителями — собственниками этих средств производства.

Отсюда характерная черта новых социалистических производственных отношений, выступающих как отношения товарищеского сотрудничества и взаимной помощи рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, обменивающихся своей деятельностью, не знающих противоположности интересов и в равной мере заинтересованных, чтобы бурно развивалась экономика, обеспечивая неуклонный рост благосостояния народа.

В современных условиях социалистическая общественная собственность — самая прогрессивная форма собственности. Она оказывает могучее воздействие на производительные силы в силу того, что общественный характер производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства, социалистическими отношениями сотрудничества и взаимопомощи народов СССР, равноправными отношениями между мужчиной и женщиной в производстве, братским содружеством социалистических наций, объединенных советским патриотизмом и морально-политическим единством. Все это ярко показывает особый характер производственных отношений при социализме. Распределение, как и производство, при социализме направлено на систематическое повышение материального и культурного благосостояния советского народа.

В диалектике взаимоотношений производительных сил и производственных отношений социализма необходимо подчеркнуть, во-первых, активный характер воздействия новых социалистических производствен-

ных отношений на производительные силы социализма как главный их двигатель вперед и, во-вторых, возможность возникновения несоответствия, противоречия между производственными отношениями и производительными силами в результате отставания производственных отношений от роста производительных сил.

Во всей практике социалистического строительства можно видеть великую активную роль новых производственных отношений.

Социалистические производственные отношения создают высший стимул в развитии и применении техники, науки, порождают подлинную заинтересованность каждого работника в развитии производства, в совершенствовании орудий труда и улучшении его организации, в повышении производительности труда — главного и решающего условия дальнейшего подъема народного хозяйства.

Общеизвестен факт, что всего лишь за 28 лет, которые прошли со времени XIV съезда Коммунистической партии, СССР превратился в передовую индустриальную державу. За это время производство стали возросло в 21 раз, угля — в 19 раз, производство электроэнергии увеличилось в 45 раз. Выпуск промышленной продукции возрос в 29 раз. Наша социалистическая промышленность может теперь производить любые машины, необходимые для народного хозяйства.

Подведена технически совершенная индустриальная база под сельское хозяйство. Только за послевоенные годы направлено в деревню свыше 5 млн. сельскохозяйственных машин и орудий. В настоящее время советский народ успешно выполняет директивы XIX съезда партии, значительно обогнав плановые наметки. Народное хозяйство нашей страны, подчиненное обеспечению непрерывно растущих потребностей советских людей, с каждым годом создает все больше и больше средств производства и предметов потребления.

Этот новый громадный подъем производительных сил возможен в нашей стране лишь благодаря наличию социалистических производственных отношений и, что особенно важно, их соответствию производительным силам, благодаря умелому и полному использованию Коммунистической партией закона обязательного соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил.

Больше того, в практике коммунистического строительства далеко еще не исчерпаны колоссальные возможности, заложенные в колхозном строе и советской торговле, для развития кооперативно-колхозной формы собственности, развития производительных сил в сельском хозяйстве. Именно на это указывают историческое постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» и решение V сессии Верховного Совета Союза ССР.

Ярким проявлением активной роли социалистических производственных отношений является плановое ведение и регулирование народного хозяйства на основе экономического закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства и принципа распределения по труду, опирающихся в свою очередь на основной экономический закон социализма.

Наша партия умело применяет и использует в своей хозяйственной политике и практической деятельности основной экономический закон. Именно в полном соответствии с требованиями основного закона социализма — обеспечение максимального удовлетворения непрерывно растущих материальных и культурных потребностей всего советского народа — партия выдвинула как экономическую необходимость дальнейшего раз-

вития СССР, как главную задачу внутренней политики — задачу создания необходимого достатка продуктов, задачу поднятия темпов развития сельского хозяйства, всех его отраслей. Это показывает, что знание основного экономического закона и закона планомерного развития народного хозяйства дает возможность правильно планировать общественное производство, сглаживать некоторые диспропорции в темпах роста промышленности и сельского хозяйства.

Создание достатка продукции, удовлетворение постоянно растущих потребностей советского народа оказывают и будут оказывать могущественное стимулирующее воздействие на развитие общественного производства, способствуя его всестороннему дальнейшему расширению.

Последовательное внедрение передовых методов в производство, применение научно продуманной системы технической организации труда, направленных на облегчение труда рабочих и колхозников, служат делу подъема культурного и технического уровня рабочего класса и колхозного крестьянства СССР — величайшей производительной силы социализма.

Широкий размах социалистического соревнования, гигантские масштабы, которые принял в нашей стране обмен передовым опытом, внедрение этого опыта в производство, появление новых, все более действенных форм соревнования, помогающих развитию производства, — все это проявление жизненной силы социалистических производственных отношений. Они открыли простор для таких быстрых темпов роста производства, подъема культурно-технического уровня работников, о каких прежде люди и мечтать не могли.

Ярким проявлением заботы партии о трудящихся являются конкретные указания сентябрьского Пленума ЦК КПСС относительно подготовки, подбора и расстановки кадров в МТС и в колхозах, что способствует росту производственной инициативы трудящихся, развертыванию социалистического соревнования, стахановского движения, росту производительности труда, а значит, и росту социалистического производства. Все это подчеркивает эффективное обслуживание общества социалистическим базисом, социалистическими производственными отношениями, их активный характер.

Неотъемлемая составная часть социалистических производственных отношений — новые отношения распределения произведенных продуктов, обеспечивающие беспрепятственное развитие производительных сил.

Осуществление в СССР социалистического принципа распределения, как единственно экономически возможной формы распределения, означающей, что все члены общества живут за счет трудовых доходов, согласно принципу: «от каждого по способностям, каждому по труду», то есть за равный по количеству и качеству труд в одинаковых условиях производства обеспечивается равная оплата (независимо от пола, возраста, расы, национальности),—осуществление этого принципа распределения вполне соответствует периоду перехода от социализма к коммунизму. Эта форма распределения наилучшим образом обеспечивает сочетание общественных и личных интересов трудящихся, создает материальную заинтересованность советских людей в повышении производительности труда. В своих последних постановлениях партия вновь указала на необходимость свято соблюдать принцип материальной заинтересованности работников, являющийся могучим стимулом развития нашего общества.

Социалистическое распределение народнохозяйственного дохода систематически повышает материальный и культурный уровень народа, ибо весь народнохозяйственный доход, весь национальный доход является достоянием трудящихся. Это является постоянно растущим источником, стимулом для расширения производительных сил социализма.

В отношениях распределения и обмена огромную роль играет советская торговля, призванная обслуживать социалистическое общество. Она служит интересам и потребностям нашего народа. В настоящее время товарное обращение приносит советскому обществу громадную пользу, так как оно способствует бурному развитию и укреплению общественного социалистического производства в СССР и связывает его с народным потреблением. Поэтому необходимо шире развертывать товарное обращение как основную экономическую форму связи города и деревни, промышленности и сельского хозяйства, расширять товарооборот и укреплять его всемерно, ибо это в свою очередь является укреплением социалистических производственных отношений.

«Торговля при социализме, — говорил Г. М. Маленков, — есть и надолго останется основной формой распределения предметов потребления между членами социалистического общества, основной формой, посредством которой будут удовлетворяться растущие личные потребности трудящихся» [1].

Партия отвергла оторванные от реальной действительности предложения о замене товарного обращения продуктообменом. Процесс перехода от товарного обращения к продуктообмену — дело будущего. Введение продуктообмена возможно лишь в результате идеально налаженной советской торговли. Продуктообмен потребует неизмеримо более мощного развития промышленности, всех производительных сил страны.

Таким образом, если отношения распределения в условиях современного капиталистического общества в силу резко падающей покупательной способности и обнищания населения тормозят, задерживают рост производительных сил, то социалистический принцип распределения, составляющий неотъемлемый элемент социалистических производственных отношений, обеспечивает небывалый рост производительных сил общества.

Это свидетельствует о том, что социалистический базис как совокупность социалистических производственных отношений, как новая форма собственности на средства производства и вытекающие из нее положение и взаимоотношение социальных групп в производственном процессе, а также новая форма распределения обеспечивают прогресс нашего советского общества, порождают прямую заинтересованность советского народа в непрерывном и всестороннем развитии общественного производства.

Партия направляет усилия советского народа на то, чтобы развивать и полнее использовать производительные силы страны, используя те преимущества, которые содержат социалистические производственные отношения.

* * *

Правильное понимание диалектики взаимоотношения социалистических производительных сил и производственных отношений включает в себя вопрос о противоречиях нашего развития.

---

[1] Г. Маленков. Речь на пятой сессии Верховного Совета СССР, Госполитиздат, 1953, стр. 17.

На нынешнем этапе развития социалистические производственные отношения переживают тот период, когда вполне соответствуют производительным силам. Однако полное соответствие производительных сил и производственных отношений социализма, а также то замечательное коренное единство всех сил, которые существуют в нашем социалистическом строе, совсем не означают, что у нас в СССР нет никаких противоречий. При социализме, указывал Ленин, антагонизм исчезает, противоречия остаются.

Но в условиях социализма эти противоречия выступают не как противоречия враждебных социальных групп, что характерно для капиталистического общества, где противоречия ведут к противоположности, к конфликту между производительными силами и производственными отношениями общества.

Объективными причинами нового характера развития и новых форм преодоления противоречий при социализме является советский строй. В СССР господствует общественная собственность на средства производства, социалистическая форма распределения материальных благ, нет частнокапиталистического присвоения, нет антагонистических классов, нет таких отживающих сил, которые могли бы организовать сопротивление исторически необходимой перестройке производственных отношений.

В отличие от противоречий капитализма, выступающих как противоречия упадка, загнивания капиталистического строя, противоречия социализма — это противоречия, связанные с нашим ростом, нашим продвижением вперед. Они вместе с тем выражают трудности нашего развития. Задача заключается в том, чтобы найти, вскрыть противоречия и вести борьбу за их преодоление, разрешение.

Благодаря наличию единства интересов граждан социалистического общества противоречия, возникающие в ходе развития социалистического производства, не имеют антагонистического характера, не перерастают в конфликты. Преодолеваются эти противоречия не насильственным путем, не в форме взрывов, социальных революций, а постепенно, путем планомерного их разрешения в ходе практической деятельности трудящихся, руководимых Коммунистической партией.

Огромна при этом роль Коммунистической партии Советского Союза, которая, выясняя источники возникновения противоречий при социализме, намечает пути и методы их преодоления, разрешения. Партия вырабатывает на прочной базе марксистско-ленинской теории научную политику развития СССР, проводит конкретные мероприятия, обеспечивающие своевременное приведение отстающих производственных отношений в соответствие с характером развития производительных сил. Политика руководящих органов партии и государства направлена на то, чтобы решительно вскрывать недостатки и преодолевать трудности, чтобы во-время подмечать возникающие противоречия между непрерывно развивающимися производительными силами и отстающими производственными отношениями и не допускать превращения этих противоречий в противоположность, ведущую к конфликту между производственными отношениями и производительными силами общества.

Особенность советского строя состоит в том, что партия и Советское правительство, проводя правильную политику, обеспечивают соответствие между производительными силами и производственными отношениями, этого постоянно действующего фактора социализма. Противоречия в СССР возникают и разрешаются в рамках существующего у нас полного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Это значит, что советский строй не знает антагонистических противоре-

чий. Преодоление существующих неантагонистических противоречий означает дальнейшее развитие социалистического общества, дальнейшее совершенствование социалистических производственных отношений.

Таким путем обеспечивается за производственными отношениями при социализме роль главного двигателя развития производительных сил. В отчетном докладе на XIX съезде партии Г. М. Маленков говорил: «Мы обязаны своевременно подмечать эти противоречия и проведением правильной политики во-время их преодолевать с тем, чтобы производственные отношения выполняли свою роль той главной и решающей силы, которая определяет мощное развитие производительных сил» [1].

Весь исторический путь, пройденный советским обществом, показывает, что достоинства и преимущества советской системы хозяйства таят в себе колоссальные возможности для преодоления трудностей. Советский народ — творец нового социалистического строя — с небывалой активностью, самоотверженностью, энтузиазмом и инициативой обеспечил под твердым руководством партии и государства успешное преодоление противоречий, исторические победы социализма.

Так, например, совсем еще недавно партией было обнаружено, что мелкие колхозы не дают простора применению новой крупной сельскохозяйственной техники, которую деревня получила в последние годы. Появилось противоречие между растущими в колхозах производительными силами (по своему техническому уровню они становились все более высокими) и мелкими колхозами, которые не могли использовать эту высокую технику. Это противоречие было преодолено путем принятых партией мер по укрупнению колхозов. В результате слияния у нас в стране вместо 250 тысяч колхозов сейчас насчитывается 93 тысячи колхозов, призванных полностью использовать новейшую технику.

Своеобразным выражением противоречий нашего общества в современных условиях являются вскрытые нашей партией несоответствие темпов развития тяжелой индустрии и сельского хозяйства, отставание ряда важных отраслей сельского хозяйства. Так, например, сельскохозяйственная продукция за период с 1940 по 1952 год увеличилась на 10 процентов, тогда как промышленная продукция за это время выросла в 2,3 раза. Партия вскрыла причины недостаточного уровня развития сельскохозяйственного производства, подчеркнув при этом, что огромные возможности крупного социалистического сельскохозяйственного производства используются еще плохо. В нашей стране имеется 93 тысячи колхозов, свыше 9 тысяч машинно-тракторных станций и более 4 800 совхозов. Социалистическое сельскохозяйственное производство оснащено первоклассной индустриальной техникой и ведется на современных научных агрономических основах. Это и дает возможность добиться уже в ближайшие годы мощного подъема нашего сельского хозяйства.

Последовательно проводя курс на всемерное развертывание крупной социалистической индустрии, Советское государство не имело возможности обеспечить одновременно высокие темпы развития в тяжелой и легкой промышленности и в сельском хозяйстве. Для этого нужно было создать прежде всего могучую социалистическую индустрию как необходимую предпосылку развития других отраслей. Теперь социалистическая индустрия создана. Быстрое развитие производительных сил нашей страны, движимых вперед социалистическими производственными отношениями,

---

[1] Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 106.

привело к тому, что мы имеем теперь возможность сочетать быстрые темпы развития тяжелой индустрии с форсированным ростом производства предметов потребления.

Партия наметила целый ряд важнейших мер, направленных на преодоление отставания сельского хозяйства.

Большое значение для дальнейшего развития сельского хозяйства, в частности, производства зерна, имеет расширение посевных площадей, главным образом за счет освоения целинных и залежных земель. Уже в 1953 году вспахано свыше 13 миллионов гектар целинных и залежных земель. ЦК КПСС и Совет Министров Союза ССР поставили задачу в 1956 году довести посевы зерновых и других сельскохозяйственных культур на вновь осваиваемых землях до 28—30 миллионов гектар.

В борьбе за быстрый подъем всего сельского хозяйства, за укрепление и дальнейшее развитие колхозов, за сближение государственной и колхозно-кооперативной собственности и усиление всенародной формы собственности партия придает особое значение машинно-тракторным станциям. МТС является материально-технической базой колхозного строя, опорным пунктом социалистического государства в руководстве колхозами. Оснащенные первоклассной техникой МТС выполняют в колхозах около трех четвертей всех сельскохозяйственных работ. Партия опровергла ошибочную точку зрения, согласно которой необходимо распродать в собственность колхозам основные орудия производства, сосредоточенные в машинно-тракторных станциях. Партия показала, что передача машинно-тракторных станций колхозам по существу означала бы ликвидацию МТС как крупнейших государственных индустриальных центров в деревне.

Сосредоточение основных орудий производства сельского хозяйства в руках социалистического государства обеспечивает постепенное возрастание роли государственной собственности в сельскохозяйственном производстве и тем самым все большее сближение государственной и колхозной собственности. Этот путь является единственно возможным для обеспечения высоких темпов развития колхозного производства, так как только государство через развитие МТС способно создать необходимые условия быстрого развития производительных сил в сельском хозяйстве для укрепления колхозов.

Мероприятия сентябрьского, февральско-мартовского и июньского Пленумов ЦК КПСС создают все условия для увеличения колхозной продукции. Недостаточный культурно-технический уровень трактористов, комбайнеров мешал использованию богатой сельскохозяйственной техники, тормозил развитие производительных сил деревни. Партия указала на необходимость усиления деревни опытными специалистами и организаторами сельского хозяйства, способными возглавить работу по широкому внедрению в производство достижений науки и передового опыта и подтянуть на этой основе все отстающие колхозы, совхозы и МТС до уровня передовых.

Под руководством партии советское общество может своевременно выявить противоречия и преодолеть их, умело используя социалистические производственные отношения, которые дают возможность дальнейшего развития таких элементов производительных сил, как орудия производства, как кадры высокой квалификации, механизаторов сельского хозяйства — нового отряда рабочего класса в деревне.

Сегодня, когда непосредственной задачей является всестороннее укрепление социализма, колхозы, социалистические производственные отношения в деревне являются могущественной формой развития, они с

успехом используются для дальнейшего подъема крупного социалистического земледелия. Коммунистическая партия поправила тех, кто считал уже назревшей замену колхозно-кооперативной собственности общенародной собственностью.

В свете того значения, которое приобретает ныне укрепление колхозной формы собственности, опасны взгляды и о национализации колхозной собственности, о превращении ее во всенародную — по примеру того, как это было сделано с капиталистической собственностью, экспроприированной рабочим классом в 1917 году.

Партия призвала советский народ укреплять колхозный строй, колхозно-кооперативную собственность, в полной мере развивать, совершенствовать эту форму социалистической собственности, чтобы подготовить объективные материальные предпосылки будущего постепенного превращения колхозно-кооперативной собственности в общенародную собственность.

С имеющимися частичными диспропорциями в народном хозяйстве, в том числе с несоответствием между производством средств производства и производством средств потребления, связано и другое противоречие — противоречие производства и потребления. Полное соответствие производительных сил и производственных отношений социализма не может устранить важного противоречия между достигнутым на каждой данной ступени развития уровнем производства и неуклонным ростом покупательной способности масс, неуклонным ростом материальных и духовных потребностей советских людей. Это противоречие производства и потребления в условиях социализма носит совершенно иной характер, чем при капитализме. При капитализме рост покупательной способности населения всегда сильно отстает от роста производства, обрекая тем самым общество на неизбежные экономические кризисы.

Противоречие между производством и потреблением в СССР имеет принципиально иной характер. Это противоречие между безграничным ростом потребностей масс и достигнутым в каждый данный период уровнем развития производительных сил.

Нашей партией поставлена как насущная, главная задача — обеспечить крутой подъем производства предметов народного потребления, в полной мере осуществлять социалистический принцип распределения. Партия и правительство наметили конкретную программу, осуществление которой позволит в ближайшие два-три года резко повысить обеспеченность всего населения продовольственными и промышленными товарами. Эта программа опирается на учет тех возможностей, которые существуют в нашем социалистическом производстве, поэтому она реальна и будет выполнена.

К числу важнейших мероприятий по улучшению благосостояния народа, проведенных партией и Советским правительством, относятся: седьмое по счету снижение цен на товары широкого потребления, уменьшение суммы государственных внутренних займов 1953—1954, 1954—1955 годов (вдвое по сравнению с 1952 годом); снижение сельскохозяйственного налога в 1953 году на 43% и в 1954 году — в два раза; выработка гигантской программы подъема сельского хозяйства, ускоренного развития легкой и пищевой промышленности и др. С неотразимой силой эти мероприятия свидетельствуют о том, что советское общество уверенно идет к достатку предметов народного потребления, к высокому подъему материального благосостояния советского народа.

Что может этим фактам противопоставить буржуазный мир в защиту капиталистической системы хозяйства?

Ничего, кроме роста налогов, снижения зарплаты, инфляции, неудержимого падения реальной зарплаты, безработицы миллионов масс трудящихся и постоянной угрозы экономического кризиса.

Масштабы тех экономических задач, которые решает советский народ под руководством Коммунистической партии, свидетельствуют о том, что производительные силы нашего общества растут с огромной быстротой. Неуклонный подъем производительных сил имеет у нас место потому, что социалистическое государство для приведения в соответствие социалистических производственных отношений с непрерывно развивающимися производительными силами опирается на экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Наши производственные отношения неуклонно совершенствуются благодаря умелому и полному использованию Коммунистической партией закона обязательного соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Сознательное использование этого закона в интересах общества — обязательное условие успешного строительства социализма и коммунизма. Деятельность Коммунистической партии Советского Союза являет собой образец научного определения путей движения к коммунизму на основе учета требований закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Благодаря правильной политике Коммунистической партии и Советского государства наша страна имеет все необходимые условия для того, чтобы своевременно подтягивать социалистические производственные отношения до уровня производительных сил, для обеспечения их постоянного активного воздействия на развитие производства.

Развитие производительных сил и производственных отношений в социалистическом обществе протекает на основе учета требований закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. В силу этого в стране социализма не может быть общественных переворотов, хотя преобразование производственных отношений будет представлять собой процесс постепенного коренного перехода от одной экономики — экономики социализма — к другой, высшей экономике — экономике коммунизма.

Ф. И. ГЕОРГИЕВ

ОБ ОБЪЕКТИВНОСТИ ЗАКОНОВ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА

Всякое действительно научное познание является правильным отражением объективных процессов, совершающихся в природе и человеческом обществе. Наука как духовная деятельность людей, отражая эти процессы, открывает определенные законы, которые представляют собой известную систему знаний, имеющих практическое значение в материальной и культурной жизни общества. Знание законов развития внешнего мира позволяет людям сознательно воздействовать на жизненные процессы, строить свою деятельность на основе этих знаний. Вопрос о познании и использовании законов внешнего мира решается в зависимости от всей совокупности условий, в которых развивается наука.

Советский народ, строящий коммунизм под испытанным руководством Коммунистической партии, кровно заинтересован в знании законов развития человеческого общества, в знании конкретных условий постепенного перехода от социализма к коммунизму.

«Наша партия, — говорит товарищ Маленков, — сильна тем, что она руководствуется во всей своей деятельности марксистско-ленинской теорией. Её политика опирается на научное знание законов общественного развития» [1].

Вот почему Коммунистическая партия придавала и придает исключительное значение разработке проблемы закона.

Мы остановимся только на двух вопросах этой проблемы, а именно на основном вопросе философии и его значении для научного понимания закона и на выяснении сходства и различия законов природы и общества.

Каждая наука — математика, физика, химия, биология и т. д. — открывает законы развития в своей области и ставит вопрос о степени точности того или иного закона науки. Но действительно важный, по словам Ленина, теоретико-познавательный вопрос, разделяющий философские направления, состоит не в том, какой степени точности достигли наши знания закономерных связей и могут ли эти знания быть выражены в точной математической формуле. Основной вопрос теории познания состоит в том: является ли источником нашего познания этих связей объективная закономерность природы, или же это свойства нашего ума, яко-

---

[1] Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 98.

бы присущая ему априорная способность. Вот что бесповоротно отделяет материализм от идеализма в понимании закона, закономерности.

Идеализм, отрицая материю как объективную реальность, существующую независимо от воли и сознания людей, борется против понимания законов науки как отражения объективных процессов, совершающихся в природе и человеческом обществе. Идеализм рассматривает закон как результат деятельности сознания, самосознания, разума или слепых, необъяснимых рациональным путем сил, заложенных в самой сущности человека и привносимых им в природу и историю. Именно на отрицании закона как отражения объективных процессов, существующих независимо от сознания людей, сходятся все разновидности идеализма в борьбе против материалистической науки. В самом деле, сказать ли, что закон есть функциональное отношение, или что он есть определенный порядок и связь ощущений, — от этого в сущности ничего не изменится. Вот почему на этом сходятся и Мах и Рассел, Пуанкарэ и Эддингтон, Бор и Гейзенберг, т. е. все, кто отвергает теорию отражения. Особенно рьяно ведут борьбу против объективности законов науки современные апологеты американо-английского империализма. Обслуживая интересы империалистической буржуазии, они пытаются доказать, что всюду господствует индетерминизм, являющийся якобы основой познания и действия, «приспособления» мыслей к действительности и т. д. Закон науки, по их уверениям, — это субъективный способ систематизации данных чувственных представлений, форма организованного опыта, способствующего «бизнесу». Эта глубоко чуждая науке точка зрения оправдывает любую агрессивность, все то, что, как говорит Джемс, «окупается» и «работает». Не познание законов внешнего мира как основы целесообразной деятельности человека, а знание того, как нужно «успешно действовать» и «побивать своих противников», подчинять их своей воле, успешно вести конкуренцию, навязывать другим народам свою волю, — таковы задачи современной буржуазной философии. Другими словами, субъективно-идеалистическое толкование закона направлено на оправдание действия основного экономического закона современного капитализма.

В противоположность различным формам идеализма диалектический материализм единственно научно объясняет сущность закона, раскрывает его объективный характер, ставит и решает все связанные с ним вопросы, имеющие теоретическое и практическое значение.

Одним из таких вопросов является вопрос о так называемом философском и естественно-научном понимании закона. В нашей философской литературе имеет известное распространение неправильное представление о существовании якобы двух понятий материи — философского и естественно-научного. Сторонники этой точки зрения утверждают, что В. И. Ленин дает не только философское, но и естественно-научное определение понятия материи. Понятие закона в естествознании, согласно этой точке зрения, также имеет два значения — философское, охватывающее все исторически возникающие естественно-научные понятия закона, и естественно-научное, изменяющееся, имеющее временное значение.

Известно, что ленинское понятие материи является результатом обобщения человеческой практики и данных всех наук, которые носят всеобщий характер. Ленинское определение материи исходит из того, что «материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя незави-

симо от них»[1]. Это единственно научное определение материи нельзя смешивать с учением о том или ином строении материи (например, о электронах), о новых свойствах материи, а также со старым вопросом теории познания, вопросом об источнике нашего знания, о существовании объективной истины и т. п. Каждая наука изучает определенные формы, свойства, виды, движения материи, и потому, естественно, она вполне компетентна делать (и делает) определенные обобщения, относящиеся именно к этой области знания. По мере развития науки открываемые ею закономерности охватывают все более широкий круг явлений, свойственных различным областям, ибо между науками нет метафизических границ.

Из этого вовсе не следует, однако, что отдельная наука может подменить философию марксизма, претендовать на решение таких вопросов, которые ей совсем не под силу. Не теряя своей специфики, отдельная наука не может дать общего определения материи или закона, так как она не располагает для этого ни фактическим материалом, ни необходимыми научными средствами. Физика может ответить на вопрос, что такое теплота, звук, свет, электричество, магнетизм и т. п., ответить на вопрос, что такое физический закон как специфический закон, но не может ответить на вопрос: что такое закон вообще.

Следовательно, как ни одна частная наука, кроме философии, не может определить, что такое материя или закон, так и философия, изучая наиболее общие законы развития природы, общества и человеческого мышления, не формулирует частные законы, относящиеся к отдельным формам движения материи. И это понятно. Каждый частный закон науки есть результат научного исследования конкретных объективных процессов, результат отражения этих процессов своими средствами и методами. Например, закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства является специфическим законом, действующим в условиях господства социалистического способа производства. Этот закон прямо противоположен закону анархии производства и конкуренции, действующему в условиях капиталистического хозяйства. Или, скажем, законы скорости света и падения тел различны как по своему содержанию, так и по форме. Но во всех этих специфических законах, несомненно, есть общее, которое может обнаружить, вскрыть, сформулировать только философия. Таким общим является то, что все эти законы есть отражение объективных процессов, совершающихся в природе и в обществе независимо от воли людей. Это и есть понятие закона как философской категории, имеющей в своей предпосылке конкретные виды законов отдельных форм движущейся материи. Всякая попытка придать универсальное значение частным законам глубоко порочна.

Каждая наука может делать (и делает) различные обобщения, определения, охватывающие определенный узкий круг специфических явлений, в то время как философия, опираясь на эти конкретные достижения науки и практики, формулирует наиболее общие категории, которые представляют собой результат, итог всей истории познания и изменения мира, обобщение всей человеческой практики. Определения материи, закона, закономерности, времени, пространства и т. п. как общих категорий даются только философией.

Законы науки имеют своим источником объективные законы внешнего мира. Эти объективные законы не зависят от переживаний, рассудка или разума человека. Они существуют сами по себе, и человек может только

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 117.

открыть, познать их в природе и обществе и учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества.

Это значит, что прежде чем говорить об отражении в голове человека объективных процессов, необходимо признать факт их объективного существования. Если мы исходим из того, что законы науки есть отражение объективных процессов, т. е. действительных законов внешнего мира, то тем самым уже признаем различие между отражаемым и отражением, т. е. законами внешнего мира и их отражением в виде законов науки. Мы признаем существование законов природы и тогда, когда еще не было никакого научного познания, не было человека и человечества. Что касается законов науки, то они являются не чем иным, как познанными, т. е. отраженными в голове человека, законами природы и человеческой истории. Отсюда встает задача правильного, адэкватного отражения человеком действительности, законов ее движения, изменения и развития. Это значит, что между законами науки и законами внешнего мира существует коренное сходство. Вот почему законы науки являются не менее объективными, чем те объективные процессы, которые они отражают. Но в то же время между законами науки и законами внешнего мира существует различие. Поэтому совершенно недопустимо отождествлять отражение с отображаемым, законы науки с законами внешнего мира.

Марксистский философский материализм, давая единственно научное решение вопроса о законе, не ограничивается тем, что устанавливает вторичность отражения и первичность отображаемого, а выясняет сходство и различие между ними, дает ему (закону) онтологическое и гносеологическое обоснование, рассматривая эти две стороны вопроса в их органическом единстве. В. И. Ленин говорит о понятии закона как одной из ступеней познания человеком единства и связи, взаимозависимости и цельности мирового процесса. Понятие закона, как и любое другое понятие, развивается, изменяется по мере развития человеческой практики, культуры, оно является обобщенным отражением существенных, необходимых связей и отношений вещей и явлений. Вот почему закон и сущность понятия одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений мира.

Познать закон — значит раскрыть сущность объективных процессов, которые представляют собой и сущность и явление, внутреннее и внешнее, общее и единичное, необходимое и случайное, это значит понять развитие данного процесса в его противоположностях и взаимном проникновении, ибо в собственном смысле диалектика, по словам Ленина, есть изучение противоречия в самой сущности предметов. Не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и сущность вещей также. Сформулировать закон науки — это значит отразить сущность явления, отбросить все, что ее затемняет, освободиться от всего побочного, поверхностного, второстепенного. В то же время необходимо видеть единство сущности и явления, их взаимную связь и взаимопереход. Это значит, что в марксизме нет и не может быть ни кантианского разрыва явления и сущности, ни их метафизического отождествления. Явление есть проявление сущности вещей, которые подчиняются присущим им объективным законам. Именно это марксистское понимание диалектики явления и сущности кладет конец феноменализму, выступающему или в форме трансцендентального критического идеализма, или современного логического позитивизма, или любой другой разновидности идеалистической метафизики.

Подчеркивая единство сущности и явления, диалектический мате-

риализм указывает и на различие между ними. Маркс, как известно, говорил, что если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишней. Это было сказано Марксом в связи с критикой вульгарной политической экономии, которая остается на поверхности явлений, не видит их сущности, их связей и отношений, т. е. действительных экономических законов развития капитализма. Идеалистическая метафизика фальсифицирует внутренние связи и взаимозависимость явлений, их сущность, и тем самым объективный исторический процесс, который представляет собой процесс сложный, противоречивый.

И. В. Сталин в своем труде «Экономические проблемы социализма в СССР» развил вопрос о сущности глубинных процессов, совершающихся в природе и истории, об их познании человеком. Разработка этого вопроса прямо связана с всесторонним выяснением природы закона и овладением им в интересах общества. Вопрос о сущности, законе имеет огромное экономическое и политическое значение в связи с решением вопросов строительства коммунизма в нашей стране, строительства социализма в странах народной демократии, вопросов непримиримой борьбы рабочего класса против империалистической буржуазии в странах капитализма.

Познать закон — значит вскрыть сущность явлений, их тенденцию развития, глубинные объективные процессы, которые определяют ход событий. Но сущность явления необходимо рассматривать как многосторонний противоречивый процесс, который находится в многообразных связях и отношениях. Без этого невозможно вскрыть сущность вещей и те законы, которым они подчиняются.

И. В. Сталин указывает, что рассматривать средства производства при нашем социалистическом строе как товар никак нельзя. При советском строе, где промышленность национализирована, а государство не продает, а распределяет средства производства, сохраняя на них полностью права собственности, средства производства нельзя подвести под категорию товара. Они лишь сохраняют форму товара, но перестают подчиняться закону стоимости.

В области внешнеторгового оборота средства производства, производимые советскими предприятиями, сохраняют все свойства товаров как по существу, так и по форме. Это своеобразие объясняется особым характером социалистических условий. В этих условиях новое содержание и старая форма (товар) не просто существуют, а взаимодействуют между собой; новое, проникая в старое, меняет его природу, его функции, не ломая его формы, а используя старую форму для развития нового. Если не видеть этой диалектики противоречий, то нельзя понять, как в одной области средства производства являются товаром и потому находятся в сфере действия закона стоимости, а в другой — не товаром и поэтому не подчиняются действию закона стоимости. С метафизической точки зрения совершенно необъяснимо, как новое, социалистическое содержание облекается в старые формы, которые по существу изменились коренным образом применительно к потребностям развития социалистического народного хозяйства.

Итак, чтобы правильно понять закон, необходимо исходить из противоречивого характера процесса развития, внутренней связи и взаимозависимости явлений, из отношения изучаемого явления к другим явлениям, строгого различения формы и содержания.

Всякий закон науки отражает действительно существующие причинные связи и отношения вещей, явлений. Причинная обусловленность,

детерминированность процесса развития является важнейшей особенностью всякой закономерности, любого закона. «Для того, — говорит Энгельс, — кто отрицает причинность, всякий закон природы есть гипотеза, и в том числе также и химический анализ небесных тел посредством призматического спектра» [1].

Отрицание причинной взаимозависимости явлений в сущности направлено против объективности закона. Так «физический» идеализм, отрицая материю как объективную реальность, существующую независимо от воли и сознания людей, прямо скатывается к индетерминизму, свободе воли электрона и всякой другой чертовщине. Например, физический «принцип неопределенности» Гейзенберга буржуазные физики называют просто принципом индетерминизма.

Специально придуманное ими понятие «физической реальности» квантовой теории преследует ту же цель. Само определение физической реальности как реальности, которая проявляется через макроприбор, говорит о том, что оно направлено против признания объективной действительности и законов, которым она подчиняется. Следовательно, выступая против причинной зависимости явлений, «физический» идеализм ведет борьбу против закона как отражения объективных физических процессов, существующих независимо от воли людей.

В. И. Ленин еще в «Материализме и эмпириокритицизме» разоблачил идеалистическое истолкование причинности и указал путь развития истинной науки, на котором советская наука добилась значительных результатов.

Так, например, мичуринская биология единственно научно объясняет не только причины изменчивости организмов, но и вооружает агробиологов действенной научной теорией, знанием объективных законов развития и практического изменения растительного и животного мира в соответствии с потребностями социалистического земледелия.

На этом же единственно научном пути достигло огромных успехов материалистическое учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, основанное на принципе детерминизма. Вся сложная условнорефлекторная аналитико-синтетическая деятельность нервной системы рассматривается в этом учении как причинно обусловленная связь организма с условиями его существования. Внешние условия являются определяющей причиной существования и развития организма. Тот или другой агент, по словам И. П. Павлова, закономерно связывается с той или иной областью деятельности организма, как причина со следствием. Без познания причинности невозможно познание закона, который всегда требует не описания, а объяснения внутренних связей и отношений. Познание причин, согласно Павлову, — существеннейшее дело медицины. Только познав все причины болезней, настоящая медицина превращается в медицину будущего, т. е. в гигиену в широком смысле. Такое же важное значение имеет познание причинных отношений и для всех других областей человеческих знаний.

Итак, причинная связь как объективная частичка универсального взаимодействия вещей и явлений органически включается в закономерные отношения последних. Закон всегда есть отражение объективных причинно-следственных связей и отношений. Знание причин возникновения, изменения и развития явлений и процессов позволяет человеку активно воздействовать на них в желательном для него направлении.

---

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, Госполитиздат, 1950, стр. 184

Однако знание причин, как и сущности явлений, еще не означает, что можно сформулировать закон науки, который служил бы руководством к действию. Одно дело, когда идет речь об общих теоретических предвидениях, и совсем другое дело, когда необходимо проникнуть в новые объективные процессы, происходящие в глубинах самой жизни, понять смысл этих процессов, их тенденцию развития и управлять ими. В этом случае выявляется определенная закономерность, заключающаяся в том, что для формулирования закона науки необходима известная степень развития новых процессов. Значит, не всякое научное познание позволяет сформулировать закон, а такое знание, которое отображает известную степень зрелости объективного процесса, проявление определенной тенденции его развития.

Таким образом, для законов науки характерны следующие важнейшие особенности: 1) объективность, т. е. независимость от сознания и воли людей; 2) отражение существенных, необходимых связей и отношений вещей и явлений; 3) отражение причинной взаимозависимости между явлениями; 4) отражение качественной определенности и относительной неизменности в постоянном движении, изменении и развитии; 5) отражение определенной степени развития объективного процесса.

Однако знание общих положений, присущих всем законам природы и общества, не освобождает от изучения специфики законов природы и законов развития человеческого общества.

Известно, что законы природы, будучи объективными, действуют стихийно. Известно также и то, что самый закоренелый идеалист практически знает, что тяжелое тело, сорвавшись с какой-либо высоты, совершенно неумолимо будет лететь вниз, и закон, которому подчиняется это падение, не зависит от воли человека. Каждый знает, что нельзя отменить затмение Солнца или приливы и отливы; нельзя изменить движение Земли по орбите или вокруг своей оси. Однако идеалист извращает эти бесспорные факты, выдавая их за существующие лишь в пределах восприятия.

Диалектический материализм не ограничивается признанием объективности законов, но строго устанавливает специфику природных и общественных явлений и те законы, которым они подчиняются, ибо специфическое, особенное и представляет интерес для науки. Кажется элементарным, что механические, физические, химические, биологические явления и их закономерности изучаются науками о природе, социальные явления объясняются науками об обществе. Но явления общественные существенно отличаются от природных. В природе все происходит стихийно. В обществе действуют люди, одаренные сознанием, волей, ставящие себе определенные цели. Материальные условия, производительные силы и производственные отношения определяют деятельность и желание людей. В этом выражается историческая необходимость, объективная закономерность. Но историческая необходимость осуществляется через деятельность людей, трудящихся масс, борющихся за изменение общественных условий, за утверждение новых форм жизни, новых общественных отношений. Задача общественной науки заключается в том, чтобы открыть и сформулировать те законы, которые лежат в основе исторической деятельности людей, объяснить движущие силы развития общества.

Основоположники марксизма-ленинизма впервые в истории философского познания дали революционному пролетариату единственно научную теорию общественного развития — исторический материализм, который обосновал коренное положение о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, т. е. научно решил основной вопрос мате-

риалистического понимания истории. Именно это положение легло в основу политической экономии и научного коммунизма.

Маркс в «Капитале», исследуя экономический закон движения капиталистического общества, называет этот закон законом природы — Naturgesetz. Это значит, что специфика объективных процессов природы и общества не изменяет, как говорит Энгельс, того факта, что ход истории подчиняется внутренним общим законам. Маркс рассматривает развитие общественно-экономических формаций как естественно-исторический процесс, происходящий независимо от воли людей. Именно это материалистическое понимание истории, в корне подрывающее идеализм, волюнтаризм, основывается на выделении из всех общественных отношений — отношений производственных, как основных, первоначальных, определяющих все другие отношения.

Эту идею Маркса — идею материализма в науке о развитии общества — Ленин назвал гениальной, ибо она ясно и определенно противопоставляет подлинную науку о наиболее общих объективных законах истории субъективной социологии, которая не отличает в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления, не умеет найти объективного критерия для такого разграничения. Именно с позиции этой антинаучной социологии «выходило, — говорит Ленин, — так, что будто общественные отношения строятся людьми сознательно» [1].

В действительности как индивидуальное, так и общественное сознание определяется образом жизни людей. Из того факта, что люди, одаренные сознанием, делают свою историю сообразно условиям и обстоятельствам вовсе не следует, что законы общественного развития являются продуктом сознательной деятельности людей, как это утверждают волюнтаристы.

Ленин, как Маркс и Энгельс, всячески подчеркивая первичность общественного бытия и вторичность общественного сознания, разоблачает волюнтаристское утверждение махиста Богданова о том, что социальная жизнь во всех своих проявлениях есть сознательно-психическая, что социальность нераздельна с сознательностью. Ленин показывает, что люди, вступая в общение между собой, «во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации — *не сознают* того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д. Например, крестьянин, продавая хлеб, вступает в «общение» с мировыми производителями хлеба на всемирном рынке, но он не сознает этого, не сознает и того, какие общественные отношения складываются из обмена» [2].

Значит, существующие в данном обществе материальные отношения определяют все другие отношения людей, в том числе сознание, идеи, теории, политические взгляды, политические учреждения.

Идеологические общественные отношения являются отражением материальных общественных отношений. Из того факта, что люди обладают сознанием, вовсе не следует, что они своей сознательной деятельностью определяют те отношения, в которые они вступают. Даже в период буржуазных революций, когда производительные силы уже созрели для установления новых производственных отношений и уничтожения феодальной формации, буржуазия смогла создать новый экономический строй только потому, что она опиралась на объективный закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 121.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 309.

сил. Значит, дело не в том, что в антагонистических формациях законы общественного развития носят стихийный характер, а в том, что эти законы объективны так же, как и законы природы.

Положение о том, что закон экономического движения является Naturgesetz, подчеркивает именно объективность закона. Этот закон в равной степени действителен как для антагонистических общественных формаций, так и для коммунистической. Поэтому совершенно неправильно говорить о том, что только благодаря сознательному действию советских людей, занятых материальным производством, и возникают экономические законы социализма. Однако эта антимарксистская точка зрения имела широкое распространение как среди наших экономистов, так и среди философов. Даже после опубликования труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» встречаются ошибочные утверждения, что социалистические производственные отношения «складываются, проявляются и реализуются не стихийно, а в форме сознательной деятельности советского народа» (см. автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук Кочкарева «Критика и самокритика — новая диалектическая закономерность развития советского общества», стр. 14).

Однако, всячески подчеркивая объективность законов социалистического общества, как и всякого другого общества, исторический материализм вовсе не отрицает значения субъективного фактора в истории, социалистической сознательности масс в особенности. На всем протяжении своей истории, во всей своей теоретической деятельности Коммунистическая партия придавала исключительно большое значение подготовке субъективных условий, необходимых для эффективного использования объективных законов и условий в интересах трудящихся масс, в интересах пролетарской революции. Партия всегда вела ожесточенную борьбу против меньшевистских и других взглядов на развитие общества как на стихийный процесс, не требующий сознательного вмешательства. Достаточно вспомнить проведенную Коммунистической партией борьбу против струвизма, экономизма, меньшевизма, а также против лидеров Второго Интернационала, проповедовавших «теорию производительных сил», автоматического краха капитализма и т. п., чтобы убедиться в этом.

Для того чтобы сломать старый экономический базис и соответствующую ему надстройку, необходима общественная сила, способная преодолеть сопротивление старых классов, которые сходят с исторической сцены только в результате революции. У нас была бы невозможна Великая Октябрьская революция, если бы не было Коммунистической партии, партии нового типа, партии революции. Именно благодаря ее руководящей, направляющей, организующей силе, ее громадной роли в формировании социалистической сознательности масс в нашей стране было уничтожено капиталистическое рабство. Партия использовала закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. В результате этого был создан новый, социалистический базис и соответствующая ему надстройка. Роль сознательности нашего народа в деле строительства нового общества возросла. «По нашему представлению, — говорит Ленин, — государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно» [1]. Зная законы развития общества, советские люди глубоко осознают объективную необходимость строительства коммунизма в нашей стране. «Коммунизм, — говорит товарищ Маленков, —

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 224.

возникает, как результат сознательного творчества миллионных масс трудящихся. Теория самотёка и стихийности глубоко чужда всему экономическому строю социализма»[1]. Но из признания социалистической сознательности как важнейшего фактора строительства коммунизма вовсе не следует, что законы социалистического общества перестают быть объективными. Исторический материализм, всячески подчеркивая объективный характер законов, в то же время ни в какой степени не стирает качественного различия между антагонистическими общественными формациями и обществом социалистическим.

Основоположники марксизма-ленинизма постоянно указывали на качественное различие между законами природы и законами развития человеческого общества. И. В. Сталин в своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР» указывал, что общественные законы, в частности, законы экономические, в отличие от законов естествознания обладают двумя характерными особенностями. Первая особенность заключается в том, что законы политической экономии недолговечны, они действуют в течение определенного исторического периода. С изменением экономических условий, действующих в данное время, эти законы теряют свою силу, уступают место новым законам, соответствующим новым экономическим условиям.

Другая особенность экономических законов заключается в том, что их открытие и применение в классовом обществе встречают сопротивление отживающих классов. «Использование экономических законов, — подчеркивает И. В. Сталин, — всегда и везде при классовом обществе имеет классовую подоплёку, причём знаменосцем использования экономических законов в интересах общества всегда и везде является передовой класс, тогда как отживающие классы сопротивляются этому делу»[2]. Рабочий класс как самый передовой класс современного общества в союзе с крестьянством, используя закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил в своих классовых целях, уничтожает всякую эксплуатацию человека человеком. Победа социалистического строя создает невиданный в истории человечества простор развитию материального производства, создает все необходимые условия для духовного и физического развития человека. В центре всей своей деятельности Коммунистическая партия ставит человека с его материальными и культурными потребностями.

Подчеркивая классовую подоплеку использования экономических законов, мы из этого не должны делать выводов, что открытие и применение законов естествознания не зависят от интересов господствующих классов.

Действительно, в классовом обществе открытие и применение новых законов естествознания проходят более или менее гладко. Это значит, что эти законы безразличны к классам, но классы не безразлично относятся к ним. Объясняется это тем, что естественные науки, имея своим источником объективные процессы, совершающиеся в природе, прямо, непосредственно связаны с развитием производительных сил. Чем выше уровень развития материального производства, тем больше оно связано с использованием науки. Органически включаясь в процесс производства, наука становится существенным фактором развития производительных сил. Но этого мало. Надо знать, в чьих классовых интересах используется наука, какой цели она служит. А это зависит от характера данного

[1] Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 105.

[2] И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 49—50.

общества, от основного экономического закона этого общества. Прямо противоположная сущность основного экономического закона социализма и основного экономического закона современного капитализма обусловливает и значение науки в социалистическом и капиталистическом обществе. Максимальное извлечение прибыли является целью капиталистического производства. Именно это обстоятельство определяет интересы господствующего класса к естествознанию, имеющие чисто практическую цель, т. е. наживу. Наука, по словам Маркса, приобщаясь к капиталу, становится средством эксплуатации рабочих, средством присвоения прибавочного труда, социальной силой угнетения. Как самостоятельная потенция капиталистического производства, она капитализирована и потому, в качестве такого общественного образования, противостоит рабочим. Каждое научное открытие, изобретение выступает в этих условиях орудием давления на рабочих. Капиталисты используют науку, технические и другие изобретения для борьбы с рабочими, для их вытеснения из производства, образования резервной армии безработных.

В руках современной империалистической буржуазии, особенно американской, наука становится не только средством невиданной эксплуатации рабочего (автоматика, конвейер и т. п.) и разорения большинства населения, но и средством рабойничьего нападения на другие народы (атомное, водородное, бактериологическое и другие виды оружия разрушения).

Значит, основной экономический закон современного капитализма определяет все важнейшие явления капиталистического способа производства, в том числе и такое общественное явление, как наука, характер и степень применения которой в современных условиях обусловливаются указанным законом.

Совершенно противоположную картину мы видим в социалистическом обществе. Новые социалистические производственные отношения, ликвидация самих основ эксплуатации человека человеком, отсутствие кризисов, безработицы, неуклонное повышение материального благосостояния народа коренным образом изменили положение наук в СССР. Если в условиях капитализма, по словам Маркса, реализованная в машине наука выступает по отношению к рабочему как капитал, то при социализме наука, будучи связанной с производством, становится величайшей силой общественного развития, поднятия производительности труда, реализации основного экономического закона, в центре которого стоит человек с его материальными и культурными потребностями.

Обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества — цель социалистического производства; непрерывный рост и совершенствование социалистического производства на базе высшей техники — средство для достижения этой цели.

Наука, реализованная в высшей технике, становится средством достижения цели социалистического производства, средством материального и культурного роста всего общества. Каждое действительно научное открытие в наших условиях становится достоянием социалистической практики, выступает в качестве важнейшего фактора в поступательном движении по пути к коммунизму.

Положение науки при капитализме и при социализме определяет не только ее использование в противоположных целях, но и ее движение вперед. Так, на монополистической стадии развития капитализма, как указывал В. И. Ленин, «исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно и ко всякому другому прогрессу,

движению вперед... *Тенденция* к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает в свою очередь действовать, и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени она берет верх» [1].

Между тем при социалистическом строе новые производственные отношения создают сильнейший стимул и условия для бурного развития науки.

Сделаем самые общие выводы из изложенного: 1) законы природы и человеческого общества объективны, т. е. они не зависят от воли людей; 2) законы науки есть отражение объективных процессов, совершающихся во внешнем мире; они отражают существенные, необходимые внутренние причинные связи и отношения вещей и явлений; 3) законы охватывают идентичное, общее, спокойное в постоянно изменяющихся и развивающихся явлениях и процессах; 4) действие законов, их качественная определенность решающим образом зависят от условий; 5) законы выражают противоречивый характер развития процессов; их действие обусловливается теми связями, в которые они вступают, т. е. законы всегда есть существенное отношение, внутренняя взаимосвязь, выражаемая в движении, изменении и развитии явлений.

Сходство и различие законов природы и общества вовсе не определяются их объективностью, поскольку они все объективны. Открытие и применение законов социальных наук имеют классовую подоплеку, при этом они недолговечны. Законы естествознания относятся непосредственно к материальному производству, технике, техническим изобретениям и т. п., и потому их содержание в отличие от социальных наук не определяется ни базисом, ни надстройкой, т. е. законы естествознания безразличны к классам, хотя классы не безразличны к науке, значит, и к ее законам.

Коммунистическая партия как руководящая и направляющая сила социалистического общества сознательно использует законы науки для хозяйственного и культурного строительства, для решения главных задач строительства коммунизма на современном этапе. Политика нашей партии основывается на объективных законах; она является величайшей жизненной основой нашего общества, условием познания и использования в интересах народа новых законов природы и общества.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 263.

Т. И. ОЙЗЕРМАН

ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИИ В ТРУДАХ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА ПЕРИОДА ФОРМИРОВАНИЯ МАРКСИЗМА

Маркс и Энгельс — основоположники научной идеологии пролетариата — совершили революционный переворот в философии, который был вместе с тем глубочайшим научным предвосхищением пролетарской революции — «величайшей революции всех времен» (Маркс). Возникновение марксизма явилось объективной исторической необходимостью: основоположники марксизма с позиций революционного пролетариата отразили в научно-философской форме прогрессирующее обострение экономических и политических антагонизмов буржуазного общества, назревание предпосылок социализма в недрах капиталистического строя, коренные потребности рабочего движения, нуждавшегося в правильной революционной теории. Эту-то теорию освободительного движения пролетариата и создали Маркс и Энгельс.

Формирование марксизма происходило в период исторической подготовки революции 1848 года, его возникновение отразило своеобразие назревавшей в Германии буржуазной революции. Первые произведения зрелого марксизма — «Нищета философии» и «Манифест Коммунистической партии» — несут на себе, как было отмечено В. И. Лениным, печать революционной ситуации, уже сложившейся в Западной Европе в 1847 году. Революционная ситуация, складывавшаяся в Германии и в других странах Европы в сороковых годах XIX века, выдвигала на повестку дня проблему революции. Центр революционного движения перемещался в это время в Германию. Не случайно уже в своей докторской диссертации (1841 г.), написанной с идеалистических, гегельянских позиций, Маркс выступает буревестником приближающейся буржуазно-демократической революции. Юноша Энгельс в своих письмах к братьям Греберам восторженно говорит о французских революциях 1789 и 1830 годов: «Я жду чего-либо хорошего, — пишет он, — только от того государя, вокруг головы которого свистят пощечины его народа и во дворце которого революцией выбиты стекла» [1].

Философия господствующих эксплуататорских классов осуждала как нечто неразумное стремление изменить действительность и в особенности революционную практику, восхваляла невозмутимое философское созерцание всего существующего, якобы возвышающееся над бурным морем житейским. В противовес этой лицемерной проповеди беспартийности Маркс и Энгельс, став на точку зрения открытой воинствующей проле-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 553.

тарской партийности, обосновывали необходимость революционного коммунистического преобразования мира. Они по-новому поставили вопрос о задачах философии и теории вообще. Вопросы о материальном производстве, борьбе классов, революциях и другие «нефилософские», с точки зрения старой цеховой философии, вопросы приобрели первостепенное значение для нового, созданного Марксом и Энгельсом мировоззрения, призванного стать теоретической основой пролетарской партии. Научный социализм в противоположность социализму утопическому провозгласил необходимость революционного перехода от капитализма к социализму, неизбежность пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Все это указывает на то важнейшее место, которое занимает проблема революции в трудах основоположников марксизма в период формирования их взглядов.

Исходным политическим пунктом развития взглядов Маркса и Энгельса был их революционный демократизм, качественно отличавшийся от младогегельянской идеологии, провозглашавшей «терроризм чистой мысли», но избегавшей всего того, «что, вообще, выходит за границы философии» [1]. Буржуазный радикализм младогегельянства, вопреки присущей ему революционной фразеологии, был глубоко враждебен делу практически революционного выступления против существовавших в Германии реакционных порядков. Неизбежность революции, все более и более очевидная, вызывала страх среди либеральных буржуа. Эти буржуа, радикальные на словах и консервативные на деле, искали мирного выхода из сложившегося критического положения и заранее пытались смягчить грядущие столкновения, которые, по их мнению, угрожали не одной только монархии.

В своем отношении к революции младогегельянцы в сущности следовали за Гегелем, хотя они и не разделяли его преклонения перед монархией. Известно, что Гегель рассматривал государство, как земнобожественное существо, а историю государства — как шествие бога по земле. Поэтому-то он и осуждал революции, видя в них посягательство на божественное, разумное, образующее, по его представлениям, основу всей человеческой жизни и всей истории человечества. Младогегельянцы, правда, кокетничали с якобинизмом, но и они по существу разделяли с Гегелем его суеверную веру во всемогущество государства. Так, например, они противопоставляли союз государства и философии (таков был их либеральный идеал) якобы неразумному, религиозному народу. Политический смысл младогегельянских писаний сводился к проповеди отделения церкви от государства, «образумления» государства, т. е. постепенному превращению сословного, дворянского государства в буржуазное.

Ф. Меринг вполне прав, указывая на пруссофильство младогегельянцев. Б. Бауэр в одном из писем К. Марксу утверждал, что государству «присуще быть разумным». Соратник Бауэра — Л. Буль писал: «Наши намерения могут быть различны, но все мы едины в своем уважении к государству (речь шла о немецком абсолютизме. — *Т. О.*). Все мы желаем, чтобы оно было великим, могущественным, сильным, разумным» [2]. Третий младогегельянец, Ф. Кеппен, занялся в своей книге «Фридрих Великий и его противники» идеализацией Гогенцоллернов. В этой книге он утверждал, что Пруссия незыблемо основывается на принципах Фридриха II в их «современном» развитии.

---

[1] Marx-Engels. Gesamtausgabe, 1 Abt., Zweiter Halbband, S. 250. Письмо Б. Бауэра к К. Марксу.

[2] L. Buhl. Der Beruf der preußishen Presse, 1842, S. 6. Фотокопия ИМЭЛС.

Как известно, Гегель признавал правомерность революции 1789 года во Франции как стране католической, а следовательно, по мнению Гегеля, лишенной истинной религии и истинной свободы. Германия же, утверждал Гегель, благодаря лютеровской реформации еще в XVI веке наилучшим образом осуществила то, что французы сделали в конце XVIII века и притом далеко не лучшим образом. Гегель считал Германию воплощением высшей ступени развития абсолютного духа. Французскую революцию Гегель изображал как низшую стадию саморазвития абсолютного духа, стадию субъективности, когда дух восстает против действительности, не сознавая, что она разумна. С этой точки зрения революция выступала как неизбежное на определенной стадии развития духа заблуждение. Но так как абсолютный дух в разных странах проходит различные ступени своего саморазвития, то повторение революции, совершившейся во Франции, в других странах не является необходимостью. Французская революция, со злорадством утверждал Гегель, началась свержением монархии, но она завершилась ее восстановлением; борьба за свободу породила террор, явившийся, по мысли Гегеля, наглядным доказательством невозможности демократии как длительно существующей формы человеческого общежития.

Выше уже указывалось на то, что даже в первых литературных выступлениях Маркса и Энгельса обнаруживается глубокое сознание необходимости революционного свержения реакционных порядков, господствовавших в Германии. В «Рейнской газете» Маркс отстаивает право народа на революцию, рассматривая последнюю как закономерный продукт и материальное выражение развития народного духа. Разоблачая реакционеров, отвергающих правомерность революций с помощью ссылок на божественное предустановление, Маркс иронически замечает, что английский король Карл I «взошел на эшафот благодаря божественному откровению снизу».

Энгельс в статье «Фридрих-Вильгельм IV, король прусский», опубликованной в Швейцарии, громогласно заявляет о своей враждебности господствующим классам Германии и прусскому государству. Указывая, что Германия находится накануне революционного взрыва, Энгельс прямо призывает к революции. Стоит сравнить это выступление Энгельса с утверждением Прудона (как раз накануне 1848 г.) о том, что эра революций миновала навсегда!

В переписке с А. Руге, предшествующей организации «Немецко-французских ежегодников», Маркс обстоятельно обсуждает перспективы революции в Германии. В этих письмах обнаруживается коренная противоположность между взглядами формирующегося пролетарского революционера и буржуазного радикала. Так, например, в одном из писем Маркс выражает глубокую уверенность в том, что его родина находится накануне революции. Руге, отвечая Марксу, не выступает против революции, он представляется ее сторонником, но горячо утверждает, что революция, увы, невозможна. «Наш народ не имеет будущего...», — восклицает Руге, прикрывая таким образом свой отказ от сознательной, идейной подготовки революции. В ответном письме Маркс, опираясь на анализ исторического развития, критикует эту «надгробную песнь» Руге, противопоставляя его лицемерным, либеральным сетованиям, глубочайшую убежденность в неизбежности революции.

Однако эти письма Маркса, датированные 1843 годом, не отвечают еще на вопрос, видел ли уже в это время Маркс ограниченность буржуазных революций? Ответ на этот вопрос дают статьи Маркса, опубликованные в «Немецко-французских ежегодниках». В этих статьях Маркс вскры-

вает ограниченность буржуазно-демократической программы социальных преобразований, которая всячески идеализируется младогегельянцами. Последние не идут дальше отделения церкви от государства, ликвидации имущественного ценза и прочих антифеодальных преобразований, к которым они сводят все задачи. Упразднение государственной религии является одним из элементов так называемой «политической эмансипации», т. е. буржуазно-демократических преобразований. Является ли политическая эмансипация действительным освобождением человека, как это утверждают младогегельянцы и другие либералы? Маркс категорически отвергает эту идеализацию буржуазно-демократических преобразований, противопоставляя политической эмансипации «эмансипацию человеческую», т. е. в сущности социалистическую революцию. Он указывает, что политическая эмансипация представляет собой прогресс, но лишь в пределах буржуазного миропорядка. Таким прогрессом является, например, уничтожение имущественного ценза при выборах. Однако это «политическое уничтожение частной собственности» нисколько не упраздняет ее фактического господства. Ссылаясь на капиталистические страны Европы и США, Маркс показывает, что в этих буржуазно-демократических странах политическая эмансипация в высшей степени способствовала развитию господства частных собственников, капиталистов, новому угнетению человека.

Анализируя опыт буржуазных революций в Англии и Франции, Маркс показывает, что все они разрушают лишь одну из форм частной собственности, феодальную, устанавливая капиталистическую собственность, лишенную открытых политических привилегий, но господствующую с неменьшим деспотизмом, чем собственность помещика.

Характерно, что в это время противоположность между буржуазной и пролетарской революцией определяется Марксом как противоположность между политической и «человеческой эмансипацией». Терминология эта, конечно, еще не адэкватна предмету, который она обозначает. Выражение «человеческая эмансипация» еще оставляет открытым вопрос о необходимости коренного изменения государственного строя для осуществления социалистических преобразований. Кроме того, в этом выражении обнаруживается влияние фейербаховского антропологизма. Однако, если иметь в виду существо вопроса, то «человеческая эмансипация» у Маркса означает ликвидацию *пролетариатом* частной собственности. Маркс прямо указывает на пролетариат как на единственную общественную силу, способную опрокинуть, разбить материальные силы, враждебные «человеческой эмансипации». Это всемирно-историческое преобразование всей человеческой жизни, говорит Маркс, не может быть достигнуто одним лишь просвещением, развитием сознания, воздействием философии на общественную жизнь: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружия, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [1].

Таким образом, в «Немецко-французских ежегодниках» Маркс формулирует идею всемирно-исторической миссии пролетариата и доказывает необходимость революционного, насильственного осуществления «человеческой эмансипации». Однако, провозглашая необходимость пролетарской революции, Маркс не становится на позиции равнодушного отношения к буржуазной революции и ее задачам. Уже в «Немецко-французских ежегодниках» он указывает на неспособность немецкой буржуазии решить

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 406.

стоящие перед ней демократические задачи. В последующих трудах Маркс и Энгельс, конкретизируя, углубляя и развивая свои положения о социалистической революции, ставят вместе с тем вопрос и об отношении пролетариата к буржуазной революции, требуют участия рабочего класса в ней. Выше уже указывалось, что недостаточно понимать социалистическую революцию как «человеческую эмансипацию» в том смысле, в каком этот термин употребляется в «Немецко-французских ежегодниках», поскольку здесь социалистическая революция противопоставляется политической революции. Между тем и в пролетарской революции основным вопросом является вопрос о власти. Противопоставление человеческого и политического (весьма распространенное в социалистической литературе того времени) препятствовало постановке вопроса о диктатуре пролетариата, т. е. об основном политическом содержании пролетарской революции. Несмотря на гениальное открытие исторической миссии пролетариата — разрушителя капиталистического общества, идея диктатуры пролетариата в то время еще не была высказана Марксом. Но в том же 1844 году в парижской (издававшейся на немецком языке) газете «Вперед» в работе «Критические примечания к статье «Король прусский и социальная реформа» Маркс указывает на политический характер социальной революции пролетариата и, таким образом, вплотную подходит к идее диктатуры пролетариата: «Каждая революция прекращает существование *старого общества,* и постольку она *социальна.* Каждая революция уничтожает *старую* власть, и постольку она имеет характер *политический»* [1].

Трудно переоценить значение этого положения. Оно связывает отрицание экономической основы капитализма с отрицанием его политической основы, в силу чего человеческая эмансипация непосредственно выступает как насильственная революция.

Утверждение Маркса, что человеческая эмансипация представляет не только экономический, но и политический переворот, выдвижение вопроса о власти как решающего было важным шагом вперед на пути к формулированию идеи диктатуры пролетариата, вытекающей из открытия исторической миссии этого класса. В работе «Критические примечания к статье «Король прусский и социальная реформа» Маркс уже исходит из того, что основным вопросом всякой революции является вопрос о власти. Вопрос о власти он считает основным и для социалистического переворота, ибо *«социализм* не может быть осуществлен *без революций»* [2]. Однако, имея в виду в данном случае разрушительные задачи пролетарской революции — *«ниспровержение* существующей власти и *прекращение* старых отношений», — Маркс не ставит еще прямо вопроса о диктатуре пролетариата.

Весьма характерно, что вышеуказанные выводы были сделаны Марксом в полемике с буржуазным радикалом А. Руге и означали бесповоротный разрыв с ним, что и было главной причиной прекращения издания «Немецко-французских ежегодников». Речь шла о силезском восстании ткачей 1844 года. Для Руге, представлявшего буржуазно-демократические преобразования вершиной общественного прогресса, самостоятельное движение рабочего класса, в тенденции проявившееся уже в силезском восстании, казалось бессмысленным и реакционным. Ведь рабочие выступали против капиталистов! Руге готов был признать правомерность рабочего движения лишь в качестве ударной силы немецкой буржуазии.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 20.
[2] Там же.

Маркс в противоположность Руге увидел в рабочем восстании 1844 года выступление против капиталистической системы, вызванное экономическими потребностями рабочих. Маркс увидел в силезском восстании прообраз будущей массовой и сознательной освободительной борьбы пролетариата, закономерно ведущей к социалистической революции. Эти черты, по мнению Маркса, отсутствовали в восстаниях трудящихся предыдущего периода не только в Германии, но даже в Англии и Франции. Разобранные выше теоретические положения Маркса были, несомненно, органически связаны с этой оценкой силезского восстания [1].

На примере силезского восстания мы видим (и это особенно проявляется в дальнейшем, в период революций 1848 г.), что теоретическое обобщение исторического опыта с точки зрения марксизма не имело ничего общего с констатацией уже совершившегося в духе ползучего эмпиризма. С точки зрения буржуазного эмпиризма силезское восстание ткачей было всего лишь голодным бунтом, последним актом отчаяния, бессмысленным хотя бы потому, что победить ткачи не могли. Но с точки зрения диалектического материализма, рассматривающего явления в их развитии на базе внутренних противоречий, силезское восстание и другие рабочие восстания того времени были первыми предвестниками, зародышами, фактическим предвосхищением пролетарской революции. И Гейне, написавший в 1844 году под влиянием Маркса свое знаменитое стихотворение «Ткачи», правильно утверждал в том же году, что «во главе пролетариев в их борьбе против существующего строя стоят самые передовые умы и крупные философы». Поистине необходим был гений Маркса и его способность возвыситься над узким, удушающим мысль буржуазным горизонтом, чтобы в этих незрелых выступлениях незрелого пролетариата прозорливо увидеть грядущее.

В «Экономо-философских рукописях», работа над которыми относится главным образом к 1844 году, Маркс сделал первую попытку экономического и философского обоснования объективной закономерности революционной борьбы пролетариата против капиталистического строя. В этих рукописях Маркс, принимая идею Смита и Рикардо о труде как создателе стоимости, разоблачает буржуазное понимание общественного труда как создающего якобы одни только товары, доказывая, что труд создает самого человека и всю человеческую историю. Лишь благодаря общественному труду происходит развитие и совершенствование человеческих «сущностных сил», т. е. способностей, талантов человека: «Только благодаря (предметно) объективно развернутому богатству человеческой сущности получается богатство субъективной *человеческой* чувственности, получается музыкальное ухо, глаз, умеющий понимать красоту формы, — словом, отчасти впервые порождаются, отчасти развиваются человеческие, способные наслаждаться *чувства*...» [2]. Это положение, по форме выражения напоминающее Фейербаха, в действительности в корне противоположно антропологическому материализму. Фейербах, как известно, объясняет превосходство человеческой чувственности над ощущениями животного природными свойствами человеческого сознания (отступая тем самым в болото идеализма), Маркс видит превосходство человече-

---

[1] Только тем, что Ф. Меринг не разобрался в действительной сущности спора между Марксом и Руге, можно объяснить следующее его заявление: «Более странно то, что Маркс говорит об историческом значении восстания силезских ткачей. Он приписывает ему стремления, несомненно, совершенно чуждые ему. Повидимому, Руге вернее оценил мятеж ткачей, увидев в нем только голодный бунт, лишенный более глубокого значения» («Карл Маркс, его жизнь и деятельность», Соцэкгиз, 1934, стр. 76).

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 627.

ских чувств не в природных свойствах человека, а в исторически складывающейся трудовой, материальной деятельности человека, развивающей и формирующей человеческие чувства.

Противопоставляя буржуазному, ограниченному даже там, где оно констатирует факты, пониманию роли труда социалистическое понимание общественного характера труда, Маркс открывает источник всех социальных антагонизмов в существовании «отчужденного труда», т. е. подневольного, эксплуатируемого труда, производящего частную собственность и, следовательно, свое собственное порабощение. Идея отчуждения, как известно, имела место у Гегеля и Фейербаха. Гегель рассматривал все явления природы и общества как отчужденное бытие абсолютной идеи, сводя всю проблему развития к преодолению этого «отчуждения» в лоне абсолютной идеи. С точки зрения Фейербаха, религия является отчуждением человеческой сущности, для преодоления которого Фейербах пропагандировал «новую» религию, ставящую на место бога самого человека. Маркс подверг уничтожающей критике эти идеалистические концепции, доказывая, что отчуждение продуктов труда рабочего, присвоение их капиталистами являются исторически неизбежной, но вместе с тем преходящей ступенью общественного развития, обусловленной недостаточным развитием производительных сил труда. Таким образом, гений Маркса уже в этот период разоблачает буржуазное понимание частной собственности, товара, как просто вещей, показывая, что в действительности речь идет о вещном выражении общественных отношений. В силу того что частная собственность, товар — не просто вещи, удовлетворяющие определенные потребности индивидов, а выражение общественных отношений между индивидами, существование частной собственности и может быть понято как преходящее. То, что частная собственность есть отчужденная, овеществленная человеческая жизнедеятельность, говорит Маркс, жизнедеятельность, уже не принадлежащая субъекту и существующая лишь в определенном отношении к нему (эксплуатация), указывает на источник социальных антагонизмов, на отрицание, заложенное в самой основе капиталистического способа производства. Маркс вскрывает объективную закономерность революционного движения рабочего класса, указывая, что в движении частной собственности, т. е. экономики, все революционное движение находит свой эмпирический базис.

Буржуазную политическую экономию Маркс изобличает в стремлении увековечить частную собственность и вырастающие на ее основе социальные антагонизмы. Буржуазные экономисты сводят сущность человека к частной собственности и, таким образом, частную собственность рассматривают как сущность человека. Они обедняют, следовательно, человеческую сущность, возвышают частную собственность, игнорируют исторические, национальные особенности развития народов, противопоставляя им развращающую, нивелирующую и уродующую людей частную собственность. Буржуазный характер политической экономии ярко сказывается в том, что, объявив частную собственность атрибутом человека, она не замечает, что люди, создающие все материальные ценности, являются неимущими, а плоды их деятельности, их жизни присваиваются имущими, господствующими классами. Частная собственность порабощает людей; поэтому, как говорит Маркс, уничтожение частной собственности является окончательным освобождением всех человеческих чувств и свойств.

Выделяя пролетариат из всей массы угнетенных и эксплуатируемых, разоблачая буржуазную политическую экономию, цинично освящающую законы капитализма, Маркс обосновывает историческую миссию пролетариата, рассматривает пролетариат как революционное отрицание част-

ной собственности. С глубочайшей верой Маркс называет пролетариев носителями подлинного гуманизма: «...человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с загрубелых от труда лиц глядит на нас вся красота человечества» [1].

В то время как Маркс, находясь в Париже, теоретически обосновывал свои социалистические взгляды, Энгельс, живя в Манчестере, самостоятельно пришел к диалектическому материализму и научному коммунизму. Об этом, в частности, свидетельствовали статьи, опубликованные им в «Немецко-французских ежегодниках». В «Очерках критики политической экономии», впоследствии оцененных Марксом как гениальные эскизы, Энгельс рассматривал основные черты капиталистического строя как закономерные проявления частной собственности на средства производства. Здесь Энгельс дает первую формулировку принципов политической экономии пролетариата. Он показывает, что буржуазная политическая экономия исходит из законов, объективно присущих обществу, в основе которого лежит частная собственность на средства производства. Однако буржуазные экономисты не ставят вопроса о возникновении частной собственности, она представляется им естественным, вечным условием всякого производства. Разоблачая эти буржуазные предрассудки, Энгельс указывает на историческую необходимость новой экономической основы общественного производства.

Во второй своей статье, опубликованной в «Немецко-французских ежегодниках», Энгельс в противовес Т. Карлейлю, критиковавшему капитализм с феодальных позиций, пришел к выводу, что не к аристократам надо обращаться, убедившись в идейном и политическом убожестве буржуазии, а к пролетариям: «...у них нет образования, но нет и предрассудков, у них есть еще силы для великого национального дела — у них есть еще будущее» [2].

Идея Маркса и Энгельса о великой исторической миссии пролетариата была встречена в штыки их буржуазными и мелкобуржуазными современниками, в особенности младогегельянцами. Последние обвинили основоположников марксизма в «некритическом» отношении к «массе». В этой связи один из немецких корреспондентов Маркса сообщал ему: «Бауэр так помешался на критике, что недавно писал мне: должно не только общество привилегированных собственников и т. д., но (до чего никто не додумался) и пролетариат подвергнуть критике...» [3].

Бруно Бауэр и компания свысока судили о пролетариате, как о якобы некритической, неразумной массе. Против этого вздорного реакционного воззрения, столь характерного для трусливой либеральной буржуазии, решительно выступили основоположники научной идеологии пролетариата. «Святое семейство» — первое совместное произведение Маркса и Энгельса — разгромило наголову спекулятивную «критическую критику» (так окрестили свое направление младогегельянцы), прикрывавшую идеалистическими фразами о всемогуществе самосознания, либеральный страх перед практически революционным изменением существовавших в Германии социальных порядков.

Младогегельянцы сознательно сводили все препятствия на пути общественного прогресса к наличию извращенного сознания, которое надлежит преодолеть силой того же сознания.

Они усматривали господство реакции не в самой окружающей действительности, а лишь в сознании людей, которое, по их мнению, необходи-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 661.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 322.
[3] Архив ИМЭЛС. Письмо Г. Юнга К. Марксу от 31 июля 1844 г.

мо превратить в самосознание. Гнет абсолютизма превращался ими в гнет призраков, религии, невежества, а изменение сознания выдавалось за изменение самой действительности. Утверждая, что угнетение, существующее в обществе, коренится в наличии угнетенного сознания, младогегельянцы культивировали иллюзии, будто феодальное государство подавляет свободу лишь вследствие неверного понимания людьми своей функции в государственном организме. Провозглашая абсолютную силу человеческого духа, якобы возвышающегося над экономикой и государством, младогегельянцы по существу проповедовали необходимость приспособляться к существующим условиям, примирение с этими условиями путем изменения сознания, человеческих представлений о них. Если французские просветители требовали изменения действительности согласно принципам разума, то младогегельянцы ограничивались крикливым требованием изменения сознания и принимали действительность такой, как она есть. Они заявляли, что только самосознание самодержавно, абсолютно, безответственно. Материальные силы и политические установления существуют лишь по воле самосознания и бессильны против него. И сам бог — не что иное, как человеческое самосознание, всемогущее и всеблагое. Для того чтобы изменить мир, ничего не надо, кроме деятельности сознания, сознающего свою мощь. Провозглашая невероятную мощь самосознания, превращая его в трансцендентную силу, младогегельянцы наделяли им выдающихся индивидов, противопоставляя их сознание сознанию народа.

Младогегельянцы признавали лишь теоретическую борьбу, которую они противопоставляли практической борьбе, третируя последнюю как проявление грубой чувственности. Они, следовательно, противопоставляли философскую критику действительности, отвергая революцию. Но философская критика, противопоставляемая практической борьбе, свидетельствует лишь о нереволюционности буржуазного радикализма. Это не беспощадная критика, к которой призывал Маркс еще в 1843 г., это — либеральный призыв к «революции сверху», к «легальной революции», вопреки приводящей в ужас буржуа революции народа.

Младогегельянцы считали себя архиреволюционерами, потрясателями вековых устоев. Эта иллюзия, разделявшаяся не только младогегельянцами, но и их противниками справа, впервые была разоблачена Марксом и Энгельсом. Младогегельянцы похвалялись тем, что они апеллируют не к богу, а к человеческому сознанию, объявляя его единственным божеством. Маркс и Энгельс показали, что эта концепция младогегельянцев, объявляющих себя врагами поповщины, в сущности является также поповщиной, так как «на место *действительного индивидуального человека* ставит *«самосознание»*, или же *«дух»*, и вместе с евангелистом учит: «Дух животворящ, плоть же — немощна» [1]. Если раньше Маркс и Энгельс в известной мере разделяли иллюзии младогегельянцев о противоположности «разумного» идеализма фантастическим представлениям религии, то теперь они бесповоротно порывают с этим ошибочным взглядом, формулируя основы материалистического понимания природы и общества.

Младогегельянцы, отвергая сверхприродное существование абсолютной идеи, объявили абсолютным самосознание, но, ставя его над окружающим миром, они нисколько не преодолели религиозного противопоставления неба и земли, духа и материи.

Гегель считал философию бытием абсолютного духа, младогегельянцы,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 23.

преодолевая «непоследовательность» своего учителя, объявляют философствующего индивида (т. е. самих себя) абсолютным духом. Как саркастически говорит Маркс, на одной стороне они изображают массу как якобы пассивный неодухотворенный элемент истории, на другой — самих себя, как элемент активный, от которого-де исходит всякое историческое действие. Таким образом, все дело преобразования общества, по мнению младогегельянцев, сводится к умственной деятельности «критических критиков». Народ, по утверждению этих идеологов немецкой буржуазии, щеголявших революционной фразеологией, способен вдохновляться лишь ложными идеями, его-де не одушевляет истина, в силу чего, как уверял Б. Бауэр, «в массе, а не в чем-либо другом, следует искать истинного врага духа».

Разоблачая антинародный характер идеалистической интерпретации истории как умственной деятельности выдающихся «критиков», действующих вопреки трудящимся массам, Маркс и Энгельс доказывают, что не «критическая критика», а пролетариат является движущей силой современного буржуазного общества. Формулируя основы материалистического понимания истории, Маркс рассматривает современную ему общественную жизнь как естественно-исторический процесс, движущей силой которого является борьба классов — пролетариата и буржуазии. Эти противоположности взаимно обусловливают существование друг друга, являясь разными сторонами противоречивого целого. Буржуазия является консервативной стороной противоречия, стремящейся сохранить существующее положение; пролетариат, напротив, является революционной стороной противоречия, от которой исходит действие, направленное на уничтожение существующего положения, на разрешение противоречия. Развитие частной собственности непрерывно воспроизводит ее собственное отрицание— пролетариат. Это значит, что частная собственность сама выносит себе приговор, пролетариат лишь приводит его в исполнение. Но уничтожая частную собственность, уничтожая свою противоположность — буржуазию, пролетариат тем самым кладет конец и своему собственному существованию в качестве угнетенного, эксплуатируемого класса. В этих глубочайших теоретических положениях Маркса и Энгельса дано диалектико-материалистическое обоснование естественно-исторического характера общественного развития как внутренне противоречивого, в котором каждая из сторон существует благодаря обусловливающей ее противоположности. Вместе с тем вышеизложенное положение Маркса свидетельствует, как отметил В. И. Ленин, об уже почти сложившемся взгляде на революционную роль пролетариата.

Разоблачая буржуазное содержание младогегельянской интерпретации истории, исходным пунктом которой является реакционный идеалистический культ личности, Маркс и Энгельс подчеркивают: рабочие в отличие от «критических критиков» понимают, что нельзя «чистым мышлением» избавиться от хозяев. «Они очень болезненно ощущают *различие* между *бытием* и *мышлением,* между *сознанием* и *жизнью.* Они знают, что собственность, капитал, деньги, наемный труд и тому подобное представляют собой далеко не призраки воображения, а весьма практические, весьма конкретные продукты самоотчуждения рабочих, и что поэтому они должны быть упразднены тоже практическим и конкретным образом...» [1].

Это замечательное положение Маркса и Энгельса не в бровь, а в глаз бьет по современным философствующим прислужникам империалистической буржуазии, таким, например, как неотомисты, утверждающим, что

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 74.

католическая религия преодолевает противоположность между трудом и капиталом и с помощью одной только единоспасающей веры ликвидирует нищету трудящихся.

В противовес идеалистическому шарлатанству младогегельянцев Маркс и Энгельс разъясняют, что от действительных материальных отношений, порабощающих человека, нельзя освободиться мысленно, одним лишь усилием сознания. Уничтожение этих отношений может быть осуществимо лишь революцией, ибо они представляют собой не иллюзии, а объективную реальность, возникающую отнюдь не из сознания, а из экономики. Громя реакционные утверждения господ Бауэров о якобы отрицательной роли народных масс в истории, основоположники марксизма раскрывают революционную роль трудящихся в развитии общества, особенно выделяя пролетариат как класс, в жизненных условиях которого выразилась вся бесчеловечность капиталистического общества. И освободить себя пролетариат не может, не упразднив капиталистического общества, породившего его.

Указывая на историческую миссию пролетариата, Маркс и Энгельс подчеркивают, что они отнюдь не превращают пролетариев в «критических критиков», или в богов. Дело не в том, говорит Маркс, в чем видит свою цель в данный момент отдельный пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, что представляет собой пролетариат как класс, цели и историческое действие которого объективно обусловлены его материальным жизненным положением и всей экономической структурой капиталистического общества.

Необходимо отметить актуальное значение марксовой критики младогегельянцев и для наших дней. Социологические писания так называемой психологической школы социологов в США, человеконенавистнические идейки «социальной психологии», «социологии групп», фрейдизма непосредственно направлены на «обоснование» ненужности, «неразумности» народной борьбы за свободу и социализм. Буржуазные социологи третируют трудящиеся массы как «толпу», способную якобы лишь к разрушению. Многие буржуазные философы типа Д. Сантаяны, Маритена, Тойнби и др. противопоставляют массам «инспирирующую элиту», т. е. верхушку эксплуататоров, выдаваемых за истинных творцов истории. Младогегельянская «критическая критика» находит свое реакционное завершение в фашистском культе «сверхчеловека», который проповедовал Ф. Ницше и проповедуют его современные преемники. Гениальные работы основоположников марксизма, посвященные разоблачению теорий младогегельянцев, глубоко разят человеконенавистничество империалистических варваров.

Немецкие буржуазные идеологи прикрывали свой страх перед французским, революционным путем буржуазно-демократических преобразований националистическими рассуждениями о «грубости», «примитивности» французского народа, об особом пути немецкого развития. Маркс и Энгельс посвятили специальный раздел «критическому сражению» младогегельянцев против французской буржуазной революции. Б. Бауэр отвергал французскую революцию, утверждая, что ее идеи не выходили за пределы тогдашнего социального строя. Этим идеям французского просвещения Бауэр противопоставлял гегельянские конструкции, якобы независимые от социальной обстановки. Маркс осмеивает эти иллюзии либерального бессилия.

«*Идеи* никогда не могут выводить за пределы старого строя: они всегда лишь выводят за пределы идей старого строя. Идеи вообще *ничего не могут выполнить*. Для выполнения идей требуются люди, которые

должны употребить практическую силу» [1]. Отбрасывая идеалистическое истолкование роли сознания, Маркс подчеркивает, что французская революция породила идеи коммунизма (бабувизм), которые предвосхищали новое общество.

Громадное место в истории формирования взглядов Маркса и Энгельса на пролетарскую революцию занимает «Немецкая идеология». Это крупнейший труд Маркса и Энгельса периода становления марксизма, непосредственно предшествующий первым зрелым работам Маркса и Энгельса. Здесь впервые по всем основным вопросам пролетарская идеология противопоставляется буржуазной идеологии вообще, немецкой буржуазной идеологии в особенности. Боевая воинствующая партийность в соединении со строгой научностью—характернейшая черта этого произведения. Если в «Святом семействе» критика домарксовского, в частности, фейербаховского материализма занимала незначительное место, то здесь она дается в развернутом виде. В «Святом семействе» основоположники марксизма, как отмечал Ленин, лишь подходят к идее производственных отношений. В «Немецкой идеологии» дается характеристика исторически сменяющих друг друга форм собственности, являющихся основой производственных отношений. В этом произведении Маркс и Энгельс выдвигают учение о борьбе классов как движущей силе общественного развития, о социальных революциях вообще, о пролетарской революции в особенности. В «Святом семействе» пролетарская идеология выступала в противовес исторически изжившему себя лицемерному буржуазному гуманизму, как теория «реального гуманизма». В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс отказываются от этого отдающего фейербахианством термина и впервые характеризуют свое учение как научный коммунизм.

Завершая в «Немецкой идеологии» разоблачение младогегельянской идеологии, Маркс и Энгельс доказывают, что для уничтожения господства человека над человеком недостаточно сознания, самосознания, человечности и т. п. Для этого необходимо уничтожение частной собственности на средства производства. Однако для ликвидации этой материальной основы человеческого порабощения также недостаточно сознания, самосознания и даже воли. Только при крупной промышленности, подчеркивают основоположники марксизма, становится возможным уничтожение частной собственности. «Немецкая идеология» не исследует еще ближайшим образом этой исторической перспективы, не вскрывает законов возникновения, развития и гибели капиталистического способа производства. Но исходя из того, что «не критика, а революция — движущая сила истории», Маркс и Энгельс уже в это время ставят вопрос о неизбежности революционного перехода от капитализма к социализму. Прежде всего основоположники марксизма раскрывают ограниченный характер буржуазных революций: «...при всех прошлых революциях оставался всегда нетронутым характер деятельности, — всегда дело шло только об ином распределении этой деятельности, о новом распределении труда между иными лицами...»[2]. Это значит, что прежние революции не уничтожили основы эксплуатации, а лишь изменяли ее формы соответственно развитию производительных сил.

В противовес утопическим социалистам, осуждавшим революции за применение насилия, Маркс и Энгельс высоко оценивают значение осуществляемого массами революционного насилия и показывают, что возможность и необходимость его обусловлены наличествующим экономиче-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 147.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 59.

ским базисом общества. Утопические социалисты, будучи идеалистами, воображали, что мера свободы, которую завоевывает каждое поколение, определяется степенью развития самого понятия свободы: с этой точки зрения ограниченность буржуазных революций объясняется отсутствием в этот период развитых идеалов, понятий относительно общественной жизни. В действительности же, как разъясняют Маркс и Энгельс, люди освобождались всякий раз настолько, насколько это позволяли им существующие производительные силы. «В основе всех происходивших до сих пор освобождений лежали, однако, ограниченные производительные силы; их недостаточное для всего общества производство делало возможным развитие лишь при том условии, что одни лица удовлетворяли свои потребности за счет других...» [1].

Обосновывая возможность и необходимость коммунистической революции определенным, сравнительно высоким уровнем развития производительных сил, Маркс и Энгельс вскрывают тем самым экономические предпосылки уничтожения эксплуатации человека человеком.

Характерно, что хотя в это время Маркс и Энгельс уже проводили различие между общественно-экономическими формациями, тем не менее в «Немецкой идеологии» они подчеркивают не столько специфические антагонизмы буржуазного общества, сколько антагонистические противоречия, свойственные всей так называемой цивилизации. Необходимость пролетарской революции еще не выводится непосредственно из анализа развития капитализма; ее источником Маркс и Энгельс считают прогрессирующее обострение противоречий, свойственных всей истории развития частной собственности. Социалистический идеал обосновывается, таким образом, всей историей человечества, материалистическим пониманием всего исторического процесса. Это отнюдь не является свидетельством незрелости марксистской теории, поскольку социализм действительно означает конец всей предистории человечества и начало его действительной истории. Впоследствии Энгельс раскрыл этот тезис в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Однако в «Немецкой идеологии» не исследуются еще непосредственные экономические предпосылки социализма, созревающие в недрах капитализма. Это было осуществлено в последующих произведениях.

«Немецкая идеология» полностью разоблачила мелкобуржуазную «теорию» о надклассовой природе государства, которая, как известно, являлась одним из главных аргументов всякого рода противников революции. Маркс и Энгельс показали, что господство одного класса над другим политически выражается в существовании того или иного типа государства: рабовладельческого, феодального, буржуазного.

При решении вопроса о сущности государства основоположники марксизма считают основным выяснение вопроса: какому классу принадлежит власть, какой класс правит. Вопрос о том, какова форма правления (республика, монархия и т. д.), Маркс и Энгельс считают производным. Отбрасывая идеалистические представления о сущности государства, они определяют последнее как форму, в которой индивиды, принадлежашие к экономически господствующему классу, проводят свои общие интересы. Нетрудно понять, что это разграничение основных типов государств соответственно основным типам производственных отношений (при наличии ранее выдвинутой идеи об исторической миссии пролетариата) вплотную подводит к идее диктатуры пролетарата.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 419.

Государство Маркс и Энгельс определяют как диктатуру экономически господствующего класса, диктатуру, объективно обусловленную антагонистическим характером производственных отношений.

Однако, не ограничиваясь разоблачением природы эксплуататорского государства, Маркс и Энгельс доказывают, что господство одного класса над другим исторически возможно в совершенно новой форме, как переходная ступень к ликвидации классовых различий.

Основоположники марксизма учат, что «каждый стремящийся к господству класс, — если даже его господство обусловливает, как у пролетариата, уничтожение всей старой общественной формы и господства вообще... должен прежде всего завоевать себе политическую власть»[1]. Это положение — не случайное замечание: оно связано со всем содержанием «Немецкой идеологии», в которой Маркс и Энгельс исследуют условия, делающие возможным превращение пролетариата в политически господствующий класс.

Одним из важнейших положений «Немецкой идеологии» является положение о связи социальных революций с развитием производительных сил.

Трудно переоценить значение этой гениальной идеи Маркса и Энгельса! Эта идея вскрывает связь политики и экономики, разоблачает до конца реакционное представление о революциях как верхушечных государственных переворотах, не изменяющих якобы основ общественной жизни, ставит вопрос о революциях на историческую почву. На этой основе Маркс и Энгельс исследуют вопрос о политических предпосылках пролетарской революции, ставят вопрос о необходимости завоевания государственной власти пролетариатом. Революция рассматривается ими не только как средство для завоевания власти, но и как путь социалистического перевоспитания самого пролетариата: «...революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может избавиться от всей старой мерзости и стать способным создать новое общество»[2].

В этом замечательном положении выступает во всем своем величии марксистское понимание необходимости пролетарской революции. В противовес буржуазным концепциям, отвергающим необходимость революций, в противовес мелкобуржуазным теориям, примиряющимся с революциями (поскольку нет иного выхода), Маркс и Энгельс обосновывают величайшее организующее, преобразующее, облагораживающее значение социальной революции пролетариата, доказывают ее неизбежность и необходимость. С этих позиций — материалистической, объективной, исторической оценки революций, — Маркс и Энгельс в последующих своих работах этого периода подходят к оценке буржуазной революции, назревавшей в Германии.

Признавая исторически прогрессивным стремление буржуазии к установлению своего политического господства, Маркс вскрывает специфические условия, отличающие приближающуюся германскую революцию от тех буржуазных революций, которые имели место в прошлом, буквально предвосхищая основные черты немецкой революции 1848 года, в том числе и политическую линию либеральной буржуазии. Маркс указывает, что Германия с опозданием вступила на путь капиталистического развития, и немецкая буржуазия начинает свою борьбу с абсолютной монар-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 24.
[2] Там же, стр. 60.

хией, стремясь установить свою политическую власть в такое время, когда во всех развитых странах буржуазия уже ведет ожесточенную борьбу с рабочим классом. В самой Германии, несмотря на политическое убожество абсолютной монархии и все еще сохранившиеся многообразные полуфеодальные отношения, вместе с тем уже существуют и развиваются противоречия между буржуазией и рабочим классом, проявлявшиеся, например, в силезском и богемском рабочих восстаниях. «Таким образом, немецкая буржуазия очутилась в противоречии с пролетариатом еще прежде, чем она политически конституировалась как класс. Борьба между «подданными» возгорелась прежде, чем государи и дворянство были изгнаны из страны вопреки всем гамбахским песням» [1].

Если контрреволюционное перерождение английской и французской буржуазии явилось результатом победоносных буржуазных революций, подчеркивает Маркс, то в Германии этот процесс происходит *накануне* буржуазной революции. Ввиду этого немецкие буржуа «стараются, поскольку возможно, преобразовать *абсолютное* королевство в *буржуазное* без революции, мирным путем» [2].

Таково стремление буржуазного либерализма. Что же касается радикалов, т. е. той части либеральной буржуазии, которая убедилась в невозможности мирного осуществления буржуазно-демократических преобразований, то они стремятся свести революцию к одной лишь ликвидации королевского деспотизма. Каково же должно быть отношение пролетариата к буржуазно-демократическим преобразованиям? Маркс пишет:

«Рабочие знают, что уничтожение *буржуазных* отношений собственности не может быть достигнуто при помощи сохранения *феодальных* отношений... Они знают, что их собственная борьба с буржуазией начнется лишь в тот день, когда буржуазия сама окажется победительницей... Они могут и должны участвовать в *буржуазной революции,* так как она является необходимым условием для начала *рабочей революции.* Но рабочие ни одного мгновения не могут смотреть на буржуазную революцию как на свою конечную цель» [3]. Признавая, что буржуазная революция необходима не только буржуазии, но представляет историческую необходимость и для пролетариата, ибо завоевание власти буржуазией создает более благоприятные условия для его классовой организации и борьбы, Маркс и Энгельс предупреждают против идеализации буржуазно-демократических преобразований. Подчеркивая, что сознательные пролетарии в ходе буржуазной революции не ставят своей задачей уничтожение капиталистических отношений, Маркс указывает далее, что с победой буржуазии «рабочие образуют политическую партию, боевым кличем которой ни в коем случае не является: монархия или республика, а *господство рабочего класса* или *господство буржуазии»* [4].

И здесь, следовательно, Маркс и Энгельс вплотную подходят к идее диктатуры пролетариата, как внутреннего содержания пролетарской революции.

Указывая на ограниченность буржуазной революции, разоблачая буржуазную идеализацию ее задач, Маркс и Энгельс считают вместе с тем необходимым участие пролетариата в буржуазной революции. Это участие тем более необходимо, что буржуазия стремится максимально

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 218.
[2] Там же, стр. 220.
[3] Там же, стр. 219.
[4] Там же, стр. 210.

сократить объем демократических преобразований, в то время как пролетариат кровно заинтересован в том, чтобы довести до конца буржуазную революцию. С этих позиций основоположники марксизма подвергают критике буржуазного радикала К. Гейнцена, объявившего ожесточенную войну коммунистам, выступавшим в авангарде борьбы за демократию. Гейнцен стремился доказать, что коммунисты раскалывают единый фронт демократии, «уничтожая» таких оппозиционных деятелей, как братья Бауэры, Руге, Прудон. Обвиняя Маркса и Энгельса в том, что они «обращаются не к людям, а к «классам», и «натравливают людей одной профессии на представителей другой», К. Гейнцен выражал тем самым стремление буржуазных радикалов политически изолировать коммунистов и подчинить себе пролетарское движение [1]. С этой целью Гейнцен, так же как и другие буржуазные радикалы, объявлял коммунистов противниками демократии. Разоблачая эту демагогию, Маркс и Энгельс показывают, что они критикуют Гейнцена и ему подобных отнюдь не за то, что они не коммунисты, а за то, что они не являются решительными, революционными демократами.

Коммунисты, пишет Энгельс, «не за то нападают на Гейнцена, что он не коммунист, а за то, что он плохой публицист демократической партии. Они нападают на него не как *коммунисты*, а как *демократы*... Если бы не было никаких коммунистов на земном шаре, то против Гейнцена должны были бы выступить демократы... Пока, следовательно, демократия еще не завоевана, до тех пор коммунисты и демократы борются рука об руку, и интересы демократов являются также интересами и коммунистов» [2].

В этих словах блестяще выражено пролетарское отношение к борьбе за демократические, буржуазные по своему существу преобразования. Вопреки обвинениям Гейнцена Маркс и Энгельс с самого начала своей деятельности на поприще освободительной борьбы пролетариата выступают как решительные враги сектантства и доктринерства. Борьба с либерализмом не только не ведет Маркса и Энгельса к отрицанию значения буржуазно-демократических преобразований, а, напротив, является неотъемлемым звеном той действительной борьбы за демократию, которую ведут великие вожди пролетариата.

Рассматривая вопрос о политической линии пролетариата в буржуазной революции, Маркс подчеркивает, что активное участие в ней рабочего класса не преследует непосредственно цели установления диктатуры пролетариата, поскольку свержение политического господства буржуазии возможно и необходимо лишь на определенном уровне развития производительных сил, создаваемых развитием капитализма.

«Поэтому, — говорит Маркс, — если пролетариат свергнет политическое господство буржуазии, его победа будет лишь мимолетной: она окажется лишь моментом в ходе самой же *буржуазной революции*, моментом, который служит ее дальнейшему развитию, как это было в 1794 г., и победа пролетариата останется таковой до тех пор, пока в ходе истории, в ее «движении» не выработались еще материальные условия, со-

---

[1] Гейнцен в этом отношении не был одинок. В Германии в эти годы издавались буквально десятками всякого рода брошюры и «исследования» буржуазных авторов, обсуждавших проблему пауперизма (так называемый рабочий вопрос) с точки зрения буржуа, стремящихся привлечь пролетариев на свою сторону. Такова, например, книга либерала К. Гагена «Вопросы времени», опубликованная в Штутгарте в 1843—1845 гг., в которой автор заявляет, что «государство должно прежде всего учредить большие предприятия, которые бы имели своей целью дать занятие всем бедным, лишенным средств существования» (K. Hagen. Fragen der Zeit, Bd. 2, Stuttgart, 1844, S. 224.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 188—189.

здающие необходимые предпосылки для устранения буржуазного способа производства, а следовательно — и окончательного падения политического господства буржуазии» [1].

Накануне буржуазной революции в Германии это положение имело громадное значение для выяснения реальной исторической перспективы и мобилизации всех боеспособных, революционных сил для борьбы за демократию. Предупреждая против авантюристического забегания вперед, это марксистское положение вместе с тем подчеркивало, что трудящиеся являются наиболее революционной силой во всех революциях. Оно указывало, что пролетариат всегда и везде стремится уничтожить всякое угнетение и эксплуатацию, и хотя это стремление осуществимо лишь при наличии определенных экономических предпосылок, тем не менее оно всегда является могущественной силой исторического развития. Правда, Маркс не указывает на громадное значение политического господства пролетариата для создания материально-технической и культурной основы социализма, на возможность благодаря этому и в сравнительно отсталой (в экономическом отношении) стране осуществить пролетарскую революцию и построение социализма. Однако нетрудно понять, что эта гениальная идея, выдвинутая и обоснованная В. И. Лениным, предполагала новые социально-экономические условия, отсутствовавшие на той стадии развития домонополистического капитализма.

Таким образом, обосновывая историческую неизбежность пролетарской революции, Маркс и Энгельс указывали, что на повестке дня в 40-х годах XIX века стояла не социалистическая, а буржуазная революция, и соответственно этому ставили вопрос о характере участия пролетариата и его партии в этой революции.

Характерной особенностью формирования марксизма является постоянное размежевание его со всякого рода «попутчиками»: сначала с буржуазным либерализмом, затем с мелкобуржуазной демократией, в том числе и мелкобуржуазным социализмом. Борьба с буржуазной идеологией, которую вели в эти годы Маркс и Энгельс, постоянно завершалась критикой псевдосоциалистических учений, направленных на подчинение пролетариата буржуазии.

Открытие исторической миссии пролетариата требовало выяснения качественного отличия пролетарской идеологии от идеологии непролетарских трудящихся масс, колеблющихся между буржуазией и пролетариатом. Необходимо было разоблачать колебания мелкой буржуазии в сторону буржуазии, вскрыть буржуазную сущность той мелкобуржуазной идеологии, которая противопоставляет себя освободительному движению пролетариата. Высоко оценивая революционный демократизм непролетарских трудящихся масс, Маркс и Энгельс выступали против тех мелкобуржуазных идеологов, которые, отражая консервативную сторону мелкого производителя, проповедовали по существу буржуазную идеологию, облекая ее в социалистическую оболочку.

На заседании организованного Марксом в Брюсселе «Коммунистического комитета сношений» Маркс в марте 1846 года потребовал изгнания из коммунистических групп в Германии активных приверженцев утописта Вейтлинга, проповедовавшего сектантскую линию отказа от участия в массовой политической борьбе и прежде всего в борьбе за демократию. Маркс, Энгельс и их соратники выступили против мелкобуржуазного социалиста народнического типа Г. Криге, подменявшего пропа-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 205—206.

ганду революционного социализма сентиментальной проповедью братания между классами. Г. Криге в издававшейся им в США газете «Народный трибун» пропагандировал «религию любви», якобы призванную совершить социалистический переворот. Присоединившись к влиятельному в тогдашней Америке движению за ликвидацию земельной ренты, Криге объявил наделение трудящихся землей осуществлением коммунистического преобразования общества. Сентиментальные призывы «во имя религии любви накормить голодного, напоить жаждущего, одеть нагого» были решительно осуждены Марксом, Энгельсом и их соратниками как враждебные революционной освободительной борьбе пролетариата.

Энгельс в одном из своих писем из Парижа в брюссельский «Коммунистический комитет сношений» в 1846 году рассказывает о своей борьбе с мелкобуржуазными социалистами, пропагандировавшими преодоление капитализма не путем революции, а через организацию «социалистических мастерских» на основе сбережений рабочих. Разоблачая эти уводившие от классовой борьбы реакционные прожекты, Энгельс противопоставляет им революционный научный коммунизм: отстаивание интересов пролетариата в противоположность интересам буржуазии, уничтожение частной собственности посредством «насильственной демократической революции». Несомненно, что этим термином — насильственная демократическая революция — Энгельс обозначает социальную революцию пролетариата, заменяющую формальную буржуазную демократию подлинной, пролетарской демократией для всех трудящихся.

В «Нищите философии» Маркс вскрывает идейное убожество прудоновских планов реформирования капиталистического строя с помощью дарового или удешевленного кредита, непосредственного продуктообмена и т. п. Прудон, как показывает Маркс, не желает видеть, что в реальных противоречиях капиталистического общества нельзя уничтожить одну «дурную» сторону, сохранив другую — «хорошую». При капитализме богатство порождается эксплуатацией пролетариев, неимущих, избыток— недостатком, богатство в его капиталистической форме неизбежно порождает нищету. Следовательно, нельзя уничтожить нищету, не уничтожив капиталистическое общество. Предложение Прудона об уничтожении «дурной» стороны является лишь буржуазным филантропическим пожеланием. Теория Прудона, таким образом, направлена на то, чтобы затушевать борьбу противоположностей, примирить классовые противоречия в буржуазном обществе. Поэтому, как указывает Маркс, Прудон видит в пролетариате одну только нищету (лишения), не видя в нем революционного класса и отвергая классовую борьбу пролетариата и социалистическую революцию. Эти положения Маркса свидетельствуют о том, что, разрабатывая материалистическую диалектику, Маркс концентрирует свое внимание на обосновании непримиримости противоположностей в антагонистическом обществе, необходимости социальной революции для разрешения противоречий.

Маркс решительно противопоставил мелкобуржуазной прудонистской идее равенства мелких производителей революционную идею уничтожения классов. Но в противоположность утопистам Маркс считал основным политическим условием преодоления классовых различий превращение пролетариата в господствующий класс. Если Прудон и другие мелкобуржуазные идеологи видели в возникновении пролетариата лишь выражение разложения старого общества, то Маркс показывал, что пролетариат порожден прогрессом производительных сил и является по-

этому наиболее производительной и революционной силой общества. Именно поэтому пролетарская революция, разрушая старое, капиталистическое общество, является вместе с тем великой творческой силой; ее задачи не исчерпываются свержением буржуазии, она призвана создать социалистическое общество.

Большое значение для материалистического обоснования марксистской теории революции имела борьба основоположников марксизма против немецких так называемых «истинных социалистов» — идеологов разорявшейся под влиянием капиталистического развития мелкой буржуазии, в значительной мере связанной с полуфеодальной экономикой тогдашней Германии. **«Истинные социалисты» — Грюн, Гесс, Кюльман,** Вейдемейер, Люнинг и др. — утверждали, что Германия не должна идти по английскому и французскому, т. е. капиталистическому, пути и апеллировали к феодальным правительствам с тем, чтобы последние воспрепятствовали росту пролетариата.

Как мелкие буржуа, «истинные социалисты» приходили в ужас от пролетарского движения во Франции и Англии. Они всячески доказывали, что социализм никоим образом не связан с пролетариатом. Пролетарии представлялись этим мелким буржуа народнического толка просто нищими. Носителями истинного социализма они объявляли «духовную аристократию» — интеллигенцию. В эпоху, когда классовые противоречия между пролетариатом и буржуазией уже выступали на первый план, эти люди обращались к капиталистическим магнатам, призывая их стать «социалистическими» благодетелями. Так, поэт К. Бек в стихотворении «К дому Ротшильда», называя Ротшильда царем царей, восклицал:

Стоит тебе захотеть,
И всюду воцарится счастье!

Широко используя гегелевский идеалистический жаргон и фейербаховский антропологизм, «истинные социалисты» утверждали, что социализм якобы вытекает из субстанциональной природы человека, которая и была якобы постигнута немецкой философией. Человек-де представляет нечто единичное, основой которого является общее — род, человечество. Социализм в их понимании есть лишь восстановление нарушенного единства между категориями общего и единичного. Высмеивая эти идеалистические фразы, Маркс и Энгельс указывали, что бесцельная возня с категориями отдельного и всеобщего, представляемая как истинная форма разрешения общественных вопросов, является лишь отражением отсталости и убожества немецкой жизни. Именно в силу отсталости Германии, всячески идеализируемой мелкобуржуазными утопистами, боящимися прогресса, социализм трактовался последними как внеклассовая истина, вытекающая якобы из «человеческой природы» и основанная в конечном счете «на общей первооснове бытия». Объявляя всякого человека социалистом по своей природе, проповедуя всеобщее братство, «истинные социалисты» отвергали классовую борьбу, отказываясь от борьбы за демократические преобразования, убеждая рабочих «не принимать участия в политических революциях».

«Истинные социалисты» были типичными представителями субъективизма в социологии. Они отрицали закономерный характер общественно-исторического процесса, не представляли себе роли и значения экономических отношений и уверяли, что дело социалистического переустройства зависит лишь от одной «доброй воли».

«Истинный социализм»» подменял действительную критику капитали-

стических отношений слезливой проповедью всеобщего братства и сетованиями по поводу страдающего человечества. Немецкие мелкобуржуазные социалисты пытались внушить богатым, что состояние не дает счастья. «Большая часть наших богачей, — утверждал Вейдемейер, — отнюдь не считает себя счастливой». Атрибутом «истинного человека», т. е. социалиста, объявлялась «истинная» частная (мелкобуржуазная) собственность, которая противопоставлялась крупной капиталистической собственности, якобы приносящей несчастье ее владельцам и всему человечеству.

Маркс и Энгельс с революционной непримиримостью выступили против этой мелкобуржуазной идеализации мелкой частной собственности, вскрыв реакционный характер мелкобуржуазных иллюзий и доказав, что мелкобуржуазная частная собственность препятствует дальнейшему развитию производительных сил общества, принижает, уродует духовный облик человека.

Основоположники марксизма до конца разоблачили псевдосоциалистический характер разглагольствований «истинных социалистов», противопоставив их мелкобуржуазным утопиям учение о социалистической борьбе пролетариата, о коммунистической революции как необходимом условии социалистического преобразования общества.

И. В. Сталин, характеризуя работу Энгельса «Принципы коммунизма», указывал, что в ней поставлен вопрос о свержении буржуазии и завоевании диктатуры пролетариата. Постановка этого вопроса Энгельсом представляет громадный теоретический и политический интерес. Энгельс как бы предвидит столь характерные для оппортунистов разглагольствования о противоположности, якобы имеющей место между демократией и диктатурой. Рассматривая буржуазное общество как ограниченную, формальную демократию, Энгельс указывает, что пролетарская революция «создает демократический строй и тем самым, прямо или косвенно, политическое господство пролетариата». Энгельс противопоставляет буржуазной демократии демократию нового типа, осуществляемую лишь благодаря диктатуре пролетариата. Как подчеркивает И. В. Сталин, «Энгельс тогда под «демократией» понимал диктатуру пролетариата» [1]. Этот несомненный факт прямо указывает на генетическую связь идеи диктатуры пролетариата с пролетарской критикой буржуазной демократии слева, с отрицанием буржуазной демократии с позиций последовательного пролетарского демократизма.

«Манифест Коммунистической партии», подытоживший и увенчавший формирование марксизма, в классической форме излагает основы созданной Марксом и Энгельсом науки об обществе. Важнейшим выводом этой науки является, как известно, вывод о необходимости пролетарской революции и диктатуры пролетариата, которая рассматривается как внутреннее содержание этой революции, как политическая основа социалистического переустройства общества.

Весь «Коммунистический манифест» является доказательством необходимости пролетарской революции для социалистического преобразования общества. Разрабатывая теорию классовой борьбы, раскрывая непримиримость классовых интересов пролетариата и буржуазии, прослеживая объективную логику борьбы этих антагонистических классов, Маркс и Энгельс приходят к идее диктатуры пролетариата. Пролетарская революция рассматривается основоположниками марксизма как высшая форма классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Классовая

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 91.

борьба пролетариата неизбежно «превращается в открытую революцию, и пролетариат, путем насильственного низвержения буржуазии, кладет основание своему господству» [1].

Однако «Манифест Коммунистической партии» не ограничивается, как известно, обоснованием пролетарской революции как единственного пути к завоеванию диктатуры пролетариата. «Коммунистический манифест» исходил из того, что Германия находится накануне буржуазной революции. Характеризуя задачи пролетарской партии в этой революции, Маркс и Энгельс указывали, что коммунисты «поддерживают повсюду всякое революционное движение, направленное против существующих общественных и политических отношений... Коммунисты повсюду стремятся к соединению и соглашению демократических партий всех стран» [2].

Это значит, что, подчеркивая последовательно пролетарский характер коммунистической партии, «Коммунистический манифест» предупреждает вместе с тем против сектантского понимания партийных задач пролетариата.

Подводя итоги изложению взглядов Маркса и Энгельса по вопросу о революции в период формирования их учения, мы можем сказать, что они, начиная с первых шагов своей общественно-политической деятельности, понимали демократические преобразования в таком объеме, в каком они враждебны всякому буржуа, выдвигая с самого начала идею народовластия как революционного отрицания существовавших тогда политических порядков. Соединяя в процессе формирования своих взглядов демократическую ненависть к политическому произволу с глубоким исследованием его связи с экономическим угнетением, с частной собственностью, Маркс и Энгельс пришли к разоблачению буржуазной демократии, к открытию исторической миссии пролетариата, необходимости пролетарской революции и диктатуры рабочего класса. Будучи подлинными демократами, стремящимися не к ограничению политического произвола господствующих классов, а к его уничтожению, Маркс и Энгельс вскоре убедились, что для уничтожения всякого угнетения человека человеком недостаточно ликвидировать сословные привилегии, монархию и даже помещичье землевладение. Решение этой величайшей задачи предполагает уничтожение частной собственности, без чего невозможна ликвидация политического господства частных собственников. И выполнить это всемирно-историческое дело может лишь пролетариат, который по своему общественному положению является революционным отрицанием частной собственности. Маркс и Энгельс начинали с признания необходимости революционного уничтожения современного им помещичьего государства и установления народовластия, затем пришли к социалистическому отрицанию частной собственности и выделению из всей массы трудящихся рабочего класса. Соответственно этому революционно-демократическая критика антагонистического общества превратилась в пролетарскую, а революционно-демократическая постановка вопроса об исторических судьбах трудящегося человечества сменилась социалистическим его разрешением.

Основоположники марксизма во всеоружии встретили революционную бурю 1848—1849 годов, ставшую историческим испытанием научной идеологии пролетариата. Уже в этот период марксистская теория обнару-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 494.
[2] Там же, стр. 512—513.

жила такие одной лишь ей присущие черты, как теснейшая связь с революционной практикой, способность осмысливать явления общественной жизни в момент их возникновения, устремленность в будущее, прозорливость, действенность, антидогматичность. Благодаря этому учение Маркса и Энгельса смогло стать уже в конце сороковых годов прошлого века могущественным идейным оружием освободительного движения пролетариата.

А. Д. КОСИЧЕВ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ БОРЬБЫ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА ПРОТИВ БАКУНИЗМА

В конце 60-х—начале 70-х годов прудонизм, ставший, в конечном счете, идейным арсеналом филантропствующих буржуазных радикалов, как идейное течение в рабочем движении был в основном разгромлен марксизмом. Влияние так называемых левых прудонистов, участвовавших в Международном товариществе рабочих — I Интернационале, также было подорвано. Однако на место разгромленного анархизма Прудона выступил бунтарский анархизм Бакунина, опиравшийся на значительные массы мелкой буржуазии города и деревни, разоряемые, пролетаризуемые капитализмом. Опасность бакунизма усугублялась обстановкой, сложившейся в Европе в 70-х годах.

После разгрома Парижской Коммуны в европейских странах установилась жестокая реакция. Французский пролетариат был подавлен. В Германии победило буржуазно-националистическое движение. Развращаемый колониальными сверхприбылями английский пролетариат не проявлял революционной инициативы. Рабочее движение во всех странах подавлялось репрессиями. Интернационал был объявлен вне закона. Эта обстановка благоприятствовала развитию анархизма. Ф. Энгельс указывал, что появление анархистов явилось результатом буржуазной реакции, установившейся после разгрома Парижской Коммуны.

В этих условиях бакунизм проник в ряды рабочего класса и даже в его руководящий штаб — Международное товарищество рабочих. Маскируя свою мелкобуржуазную сущность революционной фразеологией, выдавая пропагандируемую им эклектическую теорию и программу за последнее слово научного понимания истории, клевеща на научный коммунизм, бакунизм разлагал рабочее движение, подчиняя своему влиянию отсталые слои пролетариата. Между тем именно в этот период, когда Парижская Коммуна нанесла первые мощные удары по капитализму, когда начала уже намечаться нисходящая линия капиталистического развития, создавались объективные условия для нового мощного подъема освободительной борьбы пролетариата. Рабочий класс передовых стран Европы был уже грозной революционной силой, перед которой дрожали господствующие классы и с которой вынуждены были считаться буржуазные правительства.

Исходя из строго научной оценки развития капитализма и уровня классовой борьбы, Маркс и Энгельс считали необходимым для рабочего движения переход от экономической борьбы к политической, создание крепких политических партий рабочего класса, вооруженных теорией

научного коммунизма. Вся историческая обстановка повелительно диктовала необходимость полного выделения рабочего класса из буржуазной демократии и вооружения рабочего движения научной теорией и тактикой. Борьба против бакунизма, изгнание бакунистов из Интернационала были актуальной задачей первостепенной важности. Необходимо было, во-первых, осуществить идейный разгром бакунизма и, во-вторых, организационно закрепить эту идейно-политическую победу.

Борьба марксизма с бакунизмом развернулась по коренным вопросам теории и практики научного коммунизма: диктатура пролетариата, политическая борьба, пролетарская партия, роль революционного насилия. Бакунисты были врагами диктатуры пролетариата, дисциплинированной рабочей партии и политической борьбы; все это, по их утверждениям, являлось отрицанием свободы личности. Во имя индивидуалистически понимаемой свободы личности (по сути дела «свободы» мелкого хозяйчика) бакунисты не только отрицали необходимость организованного пролетарского движения, но и всячески стремились разрушить созданную Марксом и Энгельсом международную пролетарскую организацию — I Интернационал.

Маркс и Энгельс считали бакунизм злейшим врагом рабочего движения. Напряженная борьба Маркса и Энгельса против бакунизма была борьбой за исторические судьбы рабочего движения. Враги марксизма, фальсифицируя историю, пытались свести причины, побудившие основоположников марксизма выступить против Бакунина и его сторонников, ко всякого рода личным мотивам. Э. Бернштейн, как известно, изображал Бакунина ревностным сторонником Международного товарищества рабочих. Биограф Бакунина анархист Неттлау утверждал, что в Испании и Италии рабочее движение тех лет обязано всеми своими успехами... Бакунину. Даже Ф. Меринг в своей большой работе о К. Марксе оказался на поводу у буржуазных клеветников и фальсификаторов. В. И. Ленин решительно выступил против этого извращения действительного смысла и значения борьбы Маркса и Энгельса против бакунизма, подчеркнув, что всякая попытка объяснять принципиальную, идейную борьбу личными мотивами — «дело пакостников».

Борьба основоположников марксизма против бакунизма имела громадное значение для развития теории научного коммунизма. В этой борьбе Маркс и Энгельс создали такие выдающиеся работы, как «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих», «Мнимые расколы в Интернационале», «Бакунисты за работой», «Политический индифферентизм», «Об авторитете».

Исключительный интерес представляют критические замечания Маркса на основную работу Бакунина «Государственность и анархия». Они касаются важнейших вопросов научного коммунизма и непосредственно предшествуют знаменитой «Критике Готтской программы». Эти критические замечания Маркса не были известны Ленину, так как они впервые были извлечены из архива и опубликованы лишь в 1935 году. Однако ленинская постановка всех этих коренных вопросов научного коммунизма полностью совпадает с тем, что мы находим в замечаниях Маркса на книгу Бакунина.

Главными очагами бакунизма были экономически отсталые европейские страны (Испания, Италия, Россия), а также страны с преобладанием мелкого производства, разоряемого крупным капиталом (Франция, Швейцария). Именно деклассированные элементы являлись, как неоднократно указывали Маркс и Энгельс, социальной базой бакунизма.

Бунтарский анархизм Бакунина выражал протест мелкой буржуазии против капиталистической и феодально-крепостнической эксплуатации. Так, в частности, обстояло дело в России, где после реформы 1861 года крестьянство, опутанное густой сетью крепостнических пережитков и эксплуатируемое нарождающимся капиталом, разорялось, деклассировалось. Свое идеологическое выражение этот процесс нашел в теориях революционного народничества, одним из элементов которых явился бакунизм. Народники считали, что Россия, минуя капитализм, через крестьянскую общину придет к социализму. Предварительным условием победы «социализма» революционные народники считали крестьянскую революцию, которая должна уничтожить самодержавие и крепостнические отношения.

Народники выдавали буржуазно-демократическую революцию за социалистическую, отождествляя мелкобуржуазные интересы крестьянства с социалистическими требованиями рабочих. Как указывал В. И. Ленин, в этих социалистических теориях народников не было ни грана действительного социализма. Однако по своему объективному содержанию эта теория «крестьянского социализма» выражала стремление широких крестьянских масс беспощадно расправиться с помещичьим землевладением и расчистить пути для свободного развития капитализма. Ленин писал, что «созидательные планы народников — утопия. Но в их созидательных планах есть элемент разрушительный по отношению к средневековью. А этот элемент совсем не утопия. Это — самая живая реальность. Это — самая последовательная и прогрессивная реальность с точки зрения капитализма и пролетариата» [1].

Бакунисты, так же как и народники 70-х годов, утверждали, что Россия готова в любой момент совершить социалистическую революцию. Это идеалистическое представление основывалось на иллюзии, согласно которой крестьянин-общинник по природе своей является социалистом. Так, например, в 1868 году Бакунин утверждал, что русский народ — социалист по инстинкту и революционер по природе.

Из этой установки о возможности немедленного революционного переворота вытекало отрицательное отношение народников и в особенности бакунистов к политической борьбе, к борьбе за демократические, в тех исторических условиях — буржуазно-демократические преобразования. Бакунисты противопоставляли социалистический переворот (экономический переворот, по их выражению) политической революции, которая якобы может лишь уничтожить коммунистические инстинкты крестьянства и направить Россию по капиталистическому пути.

Анархистские воззрения Бакунина имели широкое распространение среди народников 70-х годов. Ленин имел в виду именно бакунистов-бунтарей, когда он писал, что анархизм в России в 70-х годах развился «необыкновенно пышно».

Ленин писал, что «старое русское революционное народничество стояло на утопической, полуанархической точке зрения. Мужика-общинника считали готовым социалистом. За либерализмом образованного русского общества ясно видели вожделения русской буржуазии. Борьба за политическую свободу отрицалась, как борьба за учреждения, выгодные буржуазии» [2].

Анархистские воззрения Бакунина были широко распространены в организации «Земля и Воля», а также в отколовшемся от нее в 1879 году «Черном переделе». Маркс писал о «чернопередельцах», что «эти господа

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 131.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 54.

высказываются против всякой революционной политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай! Пока же они подготовляют этот прыжок нудным доктринерством; так называемые принципы их доктрин вошли в обиход с легкой руки покойного Бакунина»[1].

По поводу этой оценки Марксом теоретической и политической линии чернопередельцев Ленин писал: «Анархические элементы в их взглядах верно схвачены Марксом»[2].

С конца 40-х годов вся деятельность Бакунина была направлена на проповедь радикальной буржуазно-демократической революции. Главными движущими силами такой революции он считал крепостное крестьянство и деклассированные элементы всех слоев общества, ставшие противниками существующего строя.

В 1848 году Бакунин мечтал об анархистской крестьянской войне, о чем свидетельствует его «Воззвание к славянам», а также письмо к Гервегу, в котором Бакунин писал: «Я анархии не боюсь и желаю ее от всей души». Однако в ту пору анархистские воззрения Бакунина еще не сложились. Только во второй половине 60-х годов Бакунин выступает как сформировавшийся анархист. С этого времени Бакунин начинает систематическую пропаганду «социальной ликвидации», т. е. уничтожения государства, которое ему представляется источником всех социальных зол. В своем главном произведении «Государственность и анархия» (1873) Бакунин разделяет все народы Европы на способные и неспособные к «социальной ликвидации». К первым он относит славян, итальянцев, испанцев, ко вторым — англичан, немцев, французов, характеризуя их как утративших дух возмущения, якобы являющийся главным и единственным источником революционной силы народа.

Нетрудно понять, что под «социальной ликвидацией» Бакунин понимает буржуазно-демократическую революцию, направленную против крепостничества, еще существовавшего в значительной мере в славянских и некоторых романских странах. Англичан, французов, немцев, уже совершивших буржуазные революции, Бакунин считал негодными для «социальной ликвидации».

Таким образом, по Бакунину, лишь экономическая отсталость, недостаточное развитие капитализма (и соответственно пролетариата) являются благоприятной экономической почвой для революции.

Главной силой анархической революции Бакунин считал докапиталистическое крестьянство. Основой революции, по Бакунину, является так называемый народный идеал, содержание которого заключается во всенародном убеждении, что вся земля принадлежит крестьянству. Бакунин считал, что крестьянская революция — это «революция специально славянская», а всякая крестьянская революция по своей «природе анархическая и ведет прямо к уничтожению государства». Таково классовое содержание анархистской «социальной ликвидации» Бакунина.

Бакунин выступил в ту эпоху, когда революционность буржуазной демократии в Западной Европе уже отживала свой век, когда определилась социалистическая природа пролетариата, когда марксизм, побеждая домарксовский социализм, широко распространялся в рабочем движении. Этим объясняется столь характерная для анархизма 70-х годов «смесь прудонизма с коммунизмом»[3], отражавшая попытки приспособить проле-

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, 1948, стр. 340.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 336.
[3] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, 1948, стр. 277.

тарское движение к мелкобуржуазному движению. В этом то и заключалась реакционность бакунизма, поэтому Маркс и Энгельс вели с ним ожесточенную борьбу, нисколько не отрицая наличия в бакунизме демократического содержания.

Бакунин, как и многие народники называл себя даже последователем Маркса. В действительности же он извращал марксизм для доказательства невозможности капиталистического развития для России. И в 60—70-х годах он остался таким же утопистом, как и в 40-х годах.

Бакунин совершенно не понимал исторической роли пролетариата и все свои надежды возлагал на полукрепостническое крестьянство. Он по существу отрицал революционные способности пролетариата и, следовательно, возможность пролетарской революции. И тем не менее Бакунин претендовал на разработку научного коммунизма [1]. На деле же вся его теория выражала протест мелкого буржуа против крупной собственности, имеющей своего защитника в лице буржуазного государства, протест против различных государственных повинностей, налогов, поборов, падающих в первую очередь на мелкую буржуазию. Мелкобуржуазное требование «свободного» развития мелкого производства идеализировалось Бакуниным, выдавалось за принцип неограниченной свободы личности, положенный им в основу будущего анархического строя. Эту свободу личности он вслед за Прудоном именует вечной, неизменной, всемирной справедливостью. «Эта всемирная справедливость, — пишет Бакунин, — ...должна послужить основанием нового мира». Она коренится, указывает он, «в сознании каждого человека и даже в сознании детей» [2].

В чем же заключается эта вневременная справедливость? По Бакунину, все дело сводится к получению каждым производителем полного возмещения произведенных им продуктов. При всей своей враждебности лассальянству, Бакунин в сущности повторял лассальянское требование «неурезанного дохода труда», разоблаченное Марксом в «Критике Готтской программы». Социалист, по учению Бакунина, «требует для себя лишь действительный плод своей работы, а от политического республиканца он отличается своим *открытым человеческим эгоизмом:* он живет откровенно и без фраз для самого себя, и знает что, делая это *согласно со справедливостью,* он служит всему обществу, а служа всему обществу, служит самому себе» [3]. В этом утверждении выражен индивидуалистический эгоизм Штирнера и «справедливость» Прудона — альфа и омега бакунинской анархии. Полное возмещение моего труда, а до всего остального мне нет никакого дела, ибо я живу для самого себя — вот суть штирнеровского эгоизма и прудоновской «справедливости». Бакунин открыто выразил прудоновскую «справедливость» в штирнеровском эгоизме, а штирнеровский эгоизм определил как прудоновскую «справедливость».

Бакунинская «философия» анархизма представляет собой откровенный эклектизм, в основе которого лежит субъективный идеализм, прикрытый материалистической фразеологией.

Исторический процесс развития людей, по мнению Бакунина,—это процесс их движения от животного, рабского состояния к человеческой жизни, к свободе. Основными двигателями развития человеческого общества от рабства и подчинения к совершенной свободе и независимости Бакунин считает мысль и протест людей. Человек выделился из животного мира, по мнению Бакунина, благодаря своей силе мысли и своему возмущению.

---

[1] См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, 1948, стр. 270.

[2] М. Бакунин. Избр. соч., т. III, П2.—М., 1920, стр. 145.

[3] Там же, стр. 140.

Эти два элемента — возмущение и мышление — составляют движущую силу истории.

Таким образом, Бакунин является типичным представителем идеалистического понимания истории. Не орудия труда выделили человека из животного мира, не развитие производительных сил составляет движущую основу истории, а ум и протест людей. При таком толковании общественного развития эксплуатация, гнет, государство — лишь плоды невежества и животности. Вера в бога — первое порождение невежества человека, первое его заблуждение. Возникновение государства — второе его заблуждение, причем это второе заблуждение полностью основывается на первом. Покоряясь божественному авторитету, люди должны были покориться и представителям этого авторитета на земле — попам и монахам, чиновникам и законодателям. Всякая преходящая или человеческая власть, говорит Бакунин, исходит непосредственно от духовной или божественной власти.

Используя религиозный фанатизм невежественных масс, государство закабаляет их. Таким образом, государство, по Бакунину, является причиной, а не следствием экономического гнета. Классовые различия, по Бакунину, также порождены государством и такими связанными с ним явлениями, как войны, завоевания. Согласно этой идеалистической теории, государство является источником всех зол: экономического неравенства и эксплуатации. Следовательно, для ликвидации всех этих зол необходимо лишь уничтожить государство, в результате чего человечество сможет перейти от животного рабства к человеческой свободе: «Человек вышел из животного рабства, — пишет Бакунин, — и пройдя через божественное рабство, переходный этап между его животностью и человечностью, идет ныне к завоеванию и осуществлению своей человеческой свободы» [1]. Итак, животное состояние, авторитарная эпоха (божественная и государственная), неограниченная свобода — такова бакунинская периодизация истории, являющаяся перепевом теории Сен-Симона и Огюста Конта о трех стадиях развития человечества. Недаром Бакунин всегда с похвалой отзывался об Огюсте Конте, которого называл великим французским мыслителем.

Движение человечества от животного рабства к анархической свободе Бакунин обосновывает при помощи гегелевского идеалистического «отрицания отрицания»; социальный мир, собственно говоря, человеческий мир или человечество есть не что иное, как высшее развитие, высшее проявление животного мира... Но так как всякий процесс развития приводит в конце концов к логическому отрицанию своих основных предпосылок, то и развитие человечества есть последовательное освобождение от элементов животности.

Но Бакунин не удовлетворяется «уничтожением» государства при помощи гегелевской категории. Он призывает на помощь социальную революцию, которая должна разрушить государство и установить анархию Однако «социальную революцию» Бакунин понимает чисто идеалистически, она не вытекает у него из реальных исторических условий, а коренится, как инстинкт, как абсолютный принцип в каждом человеке. Поэтому Бакунин считает, что революция возможна в любой момент. Характеризуя бакунинскую теорию революции, Маркс писал: *«Воля, а не экономические условия, является основой его социальной революции»* [2].

---

[1] М. Бакунин. Избр. соч., т. II, стр. 156—157.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 188.

Все рассуждения Бакунина построены на том, что до тех пор, пока существует государство — будет существовать эксплуатация и рабство людей. Только уничтожение государства и всех форм авторитета создает действительную свободу личности. На бесконечных повторениях и бесчисленных вариациях этого положения построена вся система бакунинского анархизма.

Бакунинский строй так называемого «коллективистического» анархизма воздвигнут на буржуазно-индивидуалистической основе неограниченной свободы личности. Я могу назвать себя действительно свободным, говорил Бакунин, лишь тогда, когда моя свобода, или, что то же, мое человеческое достоинство, мое человеческое право заключается в том, чтобы не повиноваться никакому другому человеку и руководствоваться в моих действиях лишь моими собственными убеждениями.

Бакунин считает, что неограниченная свобода одного индивидуума является условием столь же неограниченной свободы другого индивидуума. Всякое ограничение личности представляется ему рабством. Он совершенно отказывается от материалистического понимания свободы, предполагающего наличие определенных материальных условий. Свобода, как ее понимает Бакунин, — это в сущности произвол, а не действительная свобода. Бакунин утверждает, что неограниченная свобода имеет в качестве своего условия коллективную собственность, забывая о том, что коллективная собственность является прямым и непосредственным отрицанием индивидуалистического произвола частного собственника.

Коллективная собственность на средства производства предполагает демократический централизм, организованность и дисциплину, наличие определенного авторитета и обязательное подчинение ему. Неудивительно поэтому, что бакунинская коллективная собственность при ближайшем рассмотрении оказывается просто мелкобуржуазной реакционной утопией, «уравненной» частной собственностью. Равенство частных собственников — вот чем в конечном счете оказывается «коллективная» собственность Бакунина.

Маркс и Энгельс подвергли уничтожающей критике анархистские теории Бакунина, вскрыли их теоретическое убожество и обнажили их буржуазную сущность. Маркс писал, что политическая программа Бакунина — это «поверхностно надерганная отовсюду мешанина — *равенство классов* (!), *отмена права наследования* как *исходная точка* социального движения (сен-симонистская чепуха), *атеизм,* предписываемый членам Интернационала как *догма,* и т. д., а в качестве главной догмы (*по-прудонистски) — воздержание от участия в политическом движении*»[1]. Маркс и Энгельс вскрыли эклектический, реакционный характер анархистской теории Бакунина, разоблачили несостоятельность, реакционность лозунга «уравнения классов», представляющего перепевы прудонистской идеи «вечной справедливости». Действительное равенство, как показали Маркс и Энгельс, означает не уравнение, а уничтожение классов. Эта прудоновская «справедливость» и равнозначное ей бакунинское «уравнение классов» являются по сути дела мелкобуржуазной идеализацией капитализма и связанных с ним буржуазно-демократических преобразований.

Буржуазные просветители XVIII века изображали наступающее царство капитала как царство разума, справедливости, равенства. Бакунин в сущности не двигается дальше этих представлений, хоть и предлагает заменить капитализм свободным анархическим строем. Он требовал «сно-

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, 1948, стр. 270.

ва провозгласить этот великий принцип французской революции: каждый человек должен иметь материальные и духовные средства для развития всей своей человечности» [1]. Ему и в голову не приходило, что этот «великий принцип» закономерно не получил осуществления в эпоху буржуазных революций. Не выходя за пределы мелкобуржуазной критики капиталистической собственности, Бакунин неизбежно приходил к утверждению, что все должны быть собственниками с равным имуществом. Такого рода «социалистическая» программа способна, как говорил Маркс, запугать лишь буржуазных кретинов и вселить в буржуазию уверенность в незыблемости частной собственности.

Маркс показал, что требование Бакунина об уравнении классов является программным положением буржуазного социализма о гармонии капитала и труда. *«Уравнение классов,* понимаемое буквально, сводится к *гармонии капитала и труда,* столь назойливо проповедуемой буржуазными социалистами» [2].

Маркс противопоставляет буржуазному требованию Бакунина об уравнении классов пролетарский социализм, в основе которого лежит уничтожение классов и частной собственности на средства производства. «*Не уравнение классов* (бессмыслица, на деле неосуществимая), а, наоборот, *уничтожение классов* — вот подлинная тайна пролетарского движения, являющаяся великой целью *Международного Товарищества Рабочих»* [3].

Исходным пунктом «социалистического» преобразования общества и важнейшим средством «уравнения классов» Бакунин считал уничтожение права наследования. Именно право наследования (и право вообще!) является, по его мнению, основным злом, порождающим экономическое и политическое неравенство. Ликвидация права наследования, по его утверждению, должна привести к уравнению имущества членов общества, а это и есть пресловутое уравнение классов. Бакунин воображал, что концентрация наследств в руках общества будет означать образование общественного фонда (существующего наряду с частной собственностью отдельных индивидуумов): этот общественный фонд должен служить «для образования и обучения детей обоих полов, включая сюда и содержание их от рождения до совершеннолетия» [4].

Не понимая связи политики и экономики, Бакунин считал, что право наследования является всецело созданием государства. На Базельском конгрессе I Интенарционала Бакунин заявил, что право наследования, поскольку оно гарантировано государством, стало «главным условием частной собственности на средства труда». Объявляя государство причиной существования частной собственности, Бакунин утверждал, что именно право наследования является причиной существования государства: достаточно уничтожить это право, и государство перестанет существовать. Бакунин носился с этим рецептом социалистического преобразования общества, как с талисманом, способным чудесным образом разрешить всемирно-историческую задачу. В то время как Маркс и Энгельс, исследуя естественно-исторический процесс общественного развития, вскрыли закономерности, ведущие к революционному преобразованию капитализма в социализм, Бакунин оставался неисправимым утопистом, врагом научного социализма.

Маркс и Энгельс вскрыли характерный для Бакунина разрыв экономики и политики и показали, что право наследования коренится в эконо-

---

[1] М. Бакунин. Избран. соч., т. III, стр. 145.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 398.
[3] Там же.
[4] М. Бакунин. Избран соч., т. III, стр. 146.

мике общества, что оно вытекает из его экономических отношений. Маркс указывал на Базельском конгрессе I Интернационала, что право наследования имеет социальное значение лишь постольку, поскольку оно оставляет за наследником ту власть, которой покойный обладал при жизни, а именно *«власть* при помощи своей собственности *присваивать продукты чужого труда»* [1]. Нанося решительный удар бакунистским догмам, Маркс показал, что не право наследования создает частную собственность, а, наоборот, частная собственность, являющаяся основой буржуазного общества, создает как право наследования, так и возможность присвоения чужого труда.

С научной точностью Маркс установил зависимость политической и юридической надстройки от экономических отношений общества. «Как и все гражданское право вообще, законы о наследовании являются *не причиной, а следствием, юридическим выводом из существующей экономической организации общества,* которая основана на частной собственности на средства производства, т. е. на землю, сырье, машины и пр.» [2].

Диалектико-материалистическое решение вопроса о соотношении экономики и политики позволило Марксу правильно определить задачи пролетариата в его борьбе с буржуазией. Маркс и Энгельс противопоставили идеалистическим фантазиям анархистов о преобразовании общества путем уничтожения права наследования социалистическую революцию пролетариата как единственно реальное средство уничтожения буржуазного общества и освобождения всех трудящихся. «Нам, — говорил Маркс, — надлежит бороться с причиной, а не со следствием, с экономическим базисом, а не с его юридической надстройкой» [3]. Великая цель пролетарского движения — в уничтожении частной собственности на средства производства и ликвидации классов и классовых различий. Эти коренные преобразования общественной жизни, которые рабочий класс и его партия осуществляют на основе пролетарской революции и диктатуры пролетариата, приведут к ликвидации буржуазного права наследования, как и всего буржуазного права в целом, к уничтожению эксплуатации, присвоения чужого труда.

Маркс и Энгельс подвергли решительной критике бакунинское идеалистическое понимание государства и его отношение к капиталистической экономике. Как идеалист, Бакунин ставил на голову действительные отношения и соответственно этому утверждал, что основной причиной возникновения и существования буржуазного общества является государство. Бакунин утверждал, что якобы государство создало капитал, что капиталист обладает своим капиталом только по милости государства. Разоблачая эту мелкобуржуазную иллюзию, отвергавшую важнейшее экономическое содержание социалистической революции, Энгельс писал: «Государственная власть есть не что иное, как организация, которую создали себе господствующие классы — землевладельцы и капиталисты— для того, чтобы защищать свои общественные привилегии» [4].

Разбив «теоретическую» аргументацию Бакунина, Маркс и Энгельс показали, что бакунинская программа уничтожения эксплуатации путем уничтожения государства, поскольку она не касается экономических основ капитализма, в конечном счете увековечивает капиталистическое рабство. Из идеалистического понимания общественного развития, при котором государство объявляется главным злом, а освобождение пролетариата

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 336.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, 1948, стр. 277.

ставится в зависимость от немедленного разрушения государства, логически вытекало отрицание политической борьбы рабочего класса, ибо она рассматривалась анархистами как поддержка буржуазного государства. «Так как для Бакунина государство есть основное зло, то не следует делать ничего, что могло бы поддержать жизнь государства, т. е. какого бы то ни было государства — республики, монархии и т. п. Отсюда — *полное воздержание от всякой политики.* Совершить политический акт, в особенности же принять участие в выборах, — это измена принципу» [1].

Бакунин не видел никакого различия между формами буржуазного государства. По его мнению, буржуазная демократическая республика ничем не отличается от монархии, поскольку всякое государство — абсолютное зло. На этом основании Бакунин полностью отвергал необходимость борьбы за политические свободы и всеобщее избирательное право. Он видел только одну сторону политической жизни буржуазного общества, не понимая того, что все эти институты буржуазного общества могут быть использованы пролетариатом в своих интересах.

Вскрывая всю ограниченность буржуазной демократии, Маркс и Энгельс показали значение буржуазно-демократических свобод для освободительного движения пролетариата. Это научное решение вопроса об отношении между борьбой за социализм и борьбой за демократию имело громадное практически политическое значение.

Разоблачая бакунистов, Энгельс отмечал на Лондонской конференции I Интернационала, что «политические свободы, право собраний и союзов, свобода печати — вот наше оружие; должны ли мы скрестить руки и воздерживаться от политики, если это оружие хотят у нас отнять? Говорят, что всякое политическое действие равносильно признанию существующего положения вещей. Но раз это положение вещей дает в наши руки средства для борьбы против него, то использование этих средств не означает признания существующего положения» [2].

Таким образом, Маркс и Энгельс вскрыли буржуазный характер бакунинских требований об отрицании политической борьбы и показали ее историческую необходимость для победы социалистической революции и диктатуры пролетариата. Отказ от политической борьбы отвечает коренным интересам буржуазии. Аполитичная, безразличная масса рабочих, не вмешивающихся в жизнь буржуазного государства, способствовала бы укреплению политического господства буржуазии. Отказываясь от политической борьбы и не проводя самостоятельной пролетарской политики, пролетариат неизбежно будет идти в фарватере буржуазной политики и останется слепым орудием политических махинаций буржуазии. Давая отповедь бакунистам, Энгельс писал: «Проповедывать рабочим воздержание от политики при всяких обстоятельствах — это значит загонять их в объятия попов или буржуазных республиканцев» [3].

Маркс и Энгельс показали, что политическая борьба — не выдумка мечтателей, не случайное явление, а исторически закономерное развитие освободительного движения пролетариата. Вскрывая соотношение экономической и политической борьбы, Маркс и Энгельс учили, что экономическая борьба является первой ступенью рабочего движения, за которой следует борьба политическая, не отвергающая экономической борьбы, но подчиняющая ее своим основным задачам, конечной цели освободительного движения пролетариата. Отвергая политическую борьбу, Бакунин навязывал пролетариату давно отжившие формы борьбы в то время, ко-

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, 1948, стр. 277.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 660—661.
[3] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, 1948, стр. 278.

гда история уже поставила в порядок дня задачу создания массовых политических партий пролетариата. Известно, что отрицание политической борьбы имеет реакционный характер. Маркс указывал: «Люди, создавшие эту теорию (отрицающую политическую борьбу. — *А. К.*), были добросовестными утопистами, но те, которые сейчас становятся снова на этот путь, уже не являются таковыми; после опыта жестокой борьбы они отказываются от политики и, таким образом, толкают народ в ряды формальной, буржуазной оппозиции...» [1].

Критикуя анархистов, Энгельс указывал, что для рабочего класса общественные дела его страны являются в то же время его собственными делами. Массы рабочих по своей социальной природе, по своему общественному положению политически активны. И потому всех социальных знахарей и проповедников, отвергающих политическую борьбу пролетариата, рабочие неизбежно отбрасывают со своего пути.

В одном из циркулярных писем I Интернационала, разоблачая деятельность бакунистов, Маркс отмечал, что уже в начальный период рабочего движения, когда утопические секты в силу неразвитости рабочего движения занимают монопольное положение, пролетариат относится к ним индифферентно или даже враждебно. Это объясняется сектантской позицией утопистов, связанной с отрицанием политической деятельности. Рабочий класс политически активен по самой своей природе, соответственно тому месту, которое он занимает в системе общественного производства. Исходя из этого, Маркс и Энгельс учили рабочий класс активно участвовать в политической жизни, использовать в борьбе за свое освобождение все средства: стачки, профсоюзы, парламент, прессу и т. д. Эти положения основоположников марксизма сыграли огромную роль в идейном разгроме бакунистов, призывавших рабочих «отвернуться» от буржуазного общества, политически изолироваться и ждать наступления анархистской социальной революции. Запрещая пролетариату использовать политические средства борьбы, имеющиеся при капитализме, бакунисты обрекали рабочих на бездеятельность, на фактическое подчинение либеральной буржуазии. Вместо того чтобы находить в самой действительности пути и средства подготовки и осуществления социального освобождения пролетариата, бакунисты занимались бесплодными фантазиями.

Обосновывая необходимость и неизбежность политической борьбы пролетариата, основоположники марксизма доказывают, что «всякое движение, в котором рабочий класс выступает как *класс* против господствующих классов и пытается победить их путем «давления извне», есть политическое движение» [2].

Политическая борьба пролетариата, по определению Маркса, должна быть направлена не только против существующего буржуазного правительства, но и против буржуазной оппозиции, иначе говоря, против всех фракций господствующего класса. Политическая борьба пролетариата никоим образом не сводится к парламентской деятельности. Идея самостоятельной пролетарской политики, направленной против всех буржуазных партий, пронизывает все выступления Маркса и Энгельса против бакунистов.

Выясняя значение политической борьбы рабочего класса, Маркс и Энгельс указывали, что она не самоцель, а реальное средство освобождения рабочего класса от капиталистического рабства. «Мы хотим уни-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 662

[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма, 1948, стр. 271.

чтожения классов. Каково средство, чтобы добиться этой цели? — Политическое господство пролетариата. И вот, когда это стало яснее ясного, от нас требуют невмешательства в политику! Все проповедники воздержания от политики именуют себя революционерами, и даже революционерами по преимуществу (par excellence). Но революция есть высший акт политики; тот, кто это признает, должен стремиться к таким средствам, к таким политическим действиям, которые подготовляют революцию, которые воспитывают рабочих для революции и без которых рабочие на другой день после битвы всегда будут одурачены Фаврами и Пиа. Политика же, которую следует вести, это — рабочая политика» [1].

С вопросом о политической борьбе неразрывно связан вопрос о политической партии пролетариата. Без политической партии рабочий класс не может вести победоносной борьбы против буржуазии. Как и раньше, в борьбе с прудонистами, так и теперь, в борьбе с бакунистами, Маркс и Энгельс постоянно подчеркивали, что пролетарская партия должна быть самостоятельной, независимой от всех остальных непролетарских партий. «Против объединенной власти имущих классов, — писал Маркс, — пролетариат может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами» [2]. Только имея такую партию, пролетариат может выполнить свои великие задачи: уничтожить эксплуататорские классы, разбить буржуазное государство, установить диктатуру пролетариата и построить коммунистическое общество.

Разоблачая бакунистское отрицание необходимости политической партии пролетариата, Маркс и Энгельс определили задачи и конечную цель пролетарской партии. Маркс писал, что «организация пролетариата в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и ее конечную цель — уничтожение классов» [3]. В период диктатуры пролетариата, в течение которого осуществляется уничтожение классов, пролетариат является единственным политически господствующим классом, партия пролетариата также должна быть единственной правящей партией. Маркс и Энгельс исходили из того, что период диктатуры пролетариата есть период ожесточенной классовой борьбы, ввиду чего наличие враждебных пролетариату партий, представляющих интересы умирающих классов, в корне враждебно делу обеспечения победы социализма.

Практика социалистического строительства, уничтожение эксплуататорских классов и ликвидация враждебных трудящимся партий в СССР полностью подтвердили эти гениальные прогнозы основоположников марксизма. Однако Маркс и Энгельс в условиях домонополистического капитализма не могли еще дать развернутого учения о пролетарской партии, полностью обосновать ее задачи в период диктатуры пролетариата. В. И. Ленин в новую историческую эпоху, мобилизуя рабочий класс на завоевание диктатуры пролетариата, борясь с буржуазной агентурой в рабочем движении, обобщая новый опыт рабочего движения, дал развернутое учение о пролетарской партии.

Маркс и Энгельс были первыми организаторами пролетарской партии как в национальном, так и в международном масштабах. Такой пролетарской партией в международном масштабе был I Интернационал. Проникнув в ряды «Международного товарищества рабочих», бакунисты, как

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 660.
[2] Там же, стр. 677.
[3] Там же.

известно, ставили своей целью развал Интернационала как политической партии рабочего класса. Бакунин считал, что Интернационал является профессиональной, кооперативной организацией всех трудящихся классов: он должен быть не партией, а объединением национальных профсоюзов. Отдельные секции Интернационала должны объединить трудящихся одной и той же профессии. Бакунин утверждал, что в результате такого рода международного объединения профсоюзов «государства перестанут существовать». Тогда на место государств встанет организация Интернационала. В этом и состояла пресловутая «социальная ликвидация», к которой, собственно, сводится вся политика бакунистского анархизма. В этом виде теория Бакунина воспринята и современным анархо-синдикализмом; Бакунина можно считать его духовным отцом.

Изображая будущее общество в виде царства анархии, Бакунин требовал, чтобы Интернационал как прообраз этого будущего превратился в анархическое сообщество, не признающее никакого авторитета, дисциплины, централизации. Никаких подчиненных дисциплине секций! Никакой партийной дисциплины! Никакой централизации сил! Такова была бакунинская установка, направленная на дезорганизацию, разложение и, в конечном счете, уничтожение Интернационала как пролетарской партии.

Маркс и Энгельс повели решительную борьбу с этими анархистскими взглядами. Энгельс отмечал, что как раз теперь, когда рабочие должны всеми силами отбиваться от своих врагов, им предлагают организовываться не в соответствии с требованиями борьбы, а в соответствии с тем, как некоторые фантазеры представляют себе общество будущего. Маркс и Энгельс показали, что без строгой дисциплины, без подчинения меньшинства большинству Интернационал как пролетарская партия существовать не может. Принципы демократического централизма, положенные Марксом в основу первой пролетарской партии, диктовались всем развитием рабочего движения и отвечали коренным интересам пролетариата: без крепкой дисциплинированной партии пролетариат не может победить буржуазию и установить диктатуру пролетариата.

Бичуя анархистов и доказывая необходимость существования Генсовета Интернационала в качестве высшего органа партии в промежутках между конгрессами, Маркс и Энгельс указывали, что буржуазия постоянно будет засылать в Интернационал шпионов, провокаторов и дезорганизаторов рабочего движения, будет создавать полицейские, враждебные Интернационалу секции. Генеральный Совет как центральный комитет партии должен обладать сильной властью и авторитетом, чтобы немедленно разоблачать козни и происки врагов рабочего класса. Бичуя и высмеивая бакунистов, Маркс и Энгельс писали, что если бы все прусские офицеры вступили по приказу свыше в социал-демократическую организацию, чтобы взорвать ее изнутри, то Генсовет (если бы он следовал установкам Бакунина) ни в коем случае не сумел бы воспрепятствовать этому; ведь в таком случае он должен был бы применить столь ненавистные Бакунину авторитет и власть.

Исходя из необходимости укрепления Генерального Совета, Маркс и Энгельс повели решительную борьбу против бакунинского требования превратить Генеральный Совет в корреспондентское и статистическое бюро. Это демагогическое требование бакунистов означало по существу, как разъясняли Маркс и Энгельс, требование ликвидации международного центра рабочего движения; оно обрекало рабочее движение на идейный и организационный разброд, подчиняя его влиянию буржуазной идеологии. Бакунисты демагогически выступали с претензией на защиту инте-

ресов местных секций Интернационала. В действительности же они проповедовали сектантство, противопоставляя его организованному в национальном и международном масштабах рабочему движению. Бакунисты были организаторами всякого рода сект и фракций в I Интернационале. В борьбе с бакунистами Маркс и Энгельс постоянно подчеркивали, что без преодоления сектантства, без создания организационного и идейного единства пролетарской партии невозможно поднять массы на революционную борьбу за социализм. Между тем главная задача Международного товарищества рабочих заключается в том, чтобы «сплотить воедино разрозненные силы мирового пролетариата и стать, таким образом, живым выразителем общности интересов, объединяющей рабочих»[1]. Эти важнейшие указания основоположников марксизма получили свое дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина, в программе и практической деятельности Коммунистической партии Советского Союза.

Выковывая боевую пролетарскую партию, Маркс и Энгельс считали, что партия должна иметь одинаковые для всех своих членов дисциплину и обязанности, в то время как бакунисты устанавливали многоразрядное членство с неодинаковыми правами и обязанностями для своих членов, возрождая давно изжившую себя заговорщицкую организацию и тактику. Выступая против авторитета и дисциплины, бакунистские главари вводили свою фракционную дисциплину, требуя слепого послушания от всех рядовых участников бакунистского альянса. Разоблачая лицемерие и демагогию бакунистов, разрабатывая принципы демократического централизма, Маркс и Энгельс дали пример борьбы за пролетарскую партийность против разрушителей партийной дисциплины, фракционеров и двурушников.

В борьбе против бакунистов Маркс и Энгельс разрабатывали коренные вопросы теории освободительного движения пролетариата. Так, в своем произведении «Бакунисты за работой» Энгельс дал теоретически обоснованную программу деятельности коммунистической партии в период буржуазно-демократической революции. Ленин высоко ценил этот труд Энгельса и неоднократно использовал его в борьбе с меньшевиками для обоснования тактики большевиков в революции 1905 года.

Бакунин совершенно не понимал соотношения между буржуазной и социалистической революцией. Проповедуя немедленный экономический переворот, Бакунин полностью отвергал необходимость буржуазно-демократических преобразований, необходимость участия пролетариата в буржуазной революции. Из того факта, что буржуазная революция не может уничтожить эксплуатации пролетариата буржуазией, он делал оппортунистический вывод о том, что пролетариату незачем бороться за демократию. Маркс и Энгельс до конца разоблачили бакунистскую теорию «социальной ликвидации», которая, отвлекая рабочий класс от участия в буржуазно-демократической революции, обрекает его на пассивное ожидание «тысячелетнего царства» на земле. Высмеивая бакунистов, Маркс писал: «Одним словом, рабочие должны скрестить руки на груди и не тратить своего времени на политическое и экономическое движение. Движение это может дать им только преходящие результаты... Как благочестивые христиане, они должны верить словам попов, отказываться от всех земных благ и думать только о достижении рая. Подставьте на место рая *социальную ликвидацию,* которая в один прекрасный день совершится неведомо где, неведомо как, неведомо кем, — и обман станет ясен целиком и полностью.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 537.

В ожидании этой пресловутой «социальной ликвидации» рабочий класс должен вести себя прилично, как смирное стадо овец»[1].

Маркс и Энгельс доказали, что активное участие пролетариата в буржуазной революции способно обеспечить максимум демократических преобразований, необходимых для классовой организации пролетариата, для подготовки социалистической революции. Энгельс в упоминавшемся выше труде «Бакунисты за работой» писал, что в ходе революционной борьбы за демократическую республику социалисты должны выдвинуть такую «программу мероприятий социального характера, которые можно было немедленно осуществить и которые должны были не только принести непосредственную выгоду рабочим, но последствия которых побуждали бы рабочих к дальнейшим шагам и, таким образом, должны были по крайней мере привести в движение социальную революцию»[2].

Даже в такой отсталой в социально-экономическом отношении стране, как Испания, Энгельс считал возможным не только активное участие пролетариата в буржуазно-демократической революции, но и его руководящую роль в демократической борьбе народных масс. «Испания, — писал Энгельс, — в промышленном отношении настолько отсталая страна, что там еще не может быть и речи *о немедленном* полном освобождении рабочего класса. Прежде чем дело дойдет до этого, Испания должна еще пройти различные предварительные ступени развития и преодолеть целый ряд препятствий. Республика и давала возможность в кратчайший срок пробежать эти предварительные ступени и быстро устранить эти препятствия. Но воспользоваться этой возможностью можно было только путем действенного *политического* вмешательства испанского рабочего класса»[3].

Исходя из того что рабочий класс должен быть руководящей силой в борьбе за демократию в республике, Энгельс считал необходимым участие социал-демократических представителей рабочих во временном революционном республиканском правительстве. Он резко осудил бакунистов, которые, выступая на словах против всякой власти, фактически отдали власть буржуазным республиканцам. Сами бакунисты, войдя, вопреки своим теоретическим догмам, в состав республиканских правительств в Испании, никакой активной роли в них не играли. «Энгельс ставит в упрек бакунистам не их участие в правительстве... —писал В. И. Ленин,— а *недостаток организованности, недостаток энергии участия,* подчинение их руководству господ буржуазных республиканцев»[4]. Так ставил вопрос Энгельс о соотношении буржуазно-демократической и социалистической революции, о роли пролетариата в этой революции, об участии представителей пролетариата в революционном правительстве победившей республики. Это были зародыши теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, созданной В. И. Лениным. Испанские бакунисты во время революции 1873 года, дискредитировав себя проповедью политического индифферентизма, начали проповедь всеобщей стачки. Это, как отмечал Энгельс, явилось последней попыткой бакунистов увлечь за собой рабочие массы. Всеобщая стачка изображалась бакунистами как единственное, универсальное средство осуществления «социальной ликвидации». Отвергая это бакунистское представление о всемогуществе всеобщей стачки, противопоставлявшейся политической борьбе рабочего класса, Энгельс показал, что оно основы-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 91.
[2] Там же, стр. 112.
[3] Там же, стр. 108.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 444.

вается на идеалистическом и волюнтаристическом тезисе об определяющем значении воли в осуществлении социальной революции. Разглагольствуя о всеобщей стачке, бакунисты отбрасывали реальные объективные условия действительного освобождения пролетариата, возлагая все свои надежды на то, что в один прекрасный день все рабочие прекратят работу и будут продолжать забастовку до тех пор, пока буржуазные правительства не капитулируют. Энгельс показал, что надеяться на такого рода всеобщую забастовку, предполагающую невозможную в рамках капитализма идеальную организацию рабочего класса, — значит откладывать освобождение рабочих до греческих календ.

Разоблачая волюнтаристические основы теории всеобщей стачки, как якобы возможной в любой момент без революционной ситуации, Энгельс на первый план выдвигает развертывание «политических событий», имея в виду объективные условия — наличие революционного кризиса.

Энгельс противопоставил всеобщей стачке анархистов вооруженное восстание пролетариата. Он обвинял бакунистов в том, что они призывали рабочих «выступить против вооруженной силы правительства не с оружием, находившимся у них в руках, а... со всеобщей стачкой, т. е. с мероприятием, затрагивающим непосредственно лишь отдельных буржуа, но не их общего представителя — государственную власть!» [1].

В борьбе с бакунизмом Маркс и Энгельс доказали, что политическая борьба рабочего класса, руководимая его партией, неизбежно перерастет в революционный захват государственной власти. Осмеивая анархистское отрицание революционной диктатуры вообще и пролетарской диктатуры в особенности, Маркс писал: «Если политическая борьба рабочего класса принимает насильственные формы, если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру, то они совершают ужасное преступление оскорбления принципов, ибо для удовлетворения своих жалких, грубых потребностей дня, для того, чтобы сломить сопротивление буржуазии, рабочие придают государству революционную и преходящую форму вместо того, чтобы сложить оружие и отменить государство» [2].

Ленин в подготовительных материалах к своей работе «Государство и революция», цитируя эти слова Маркса, заметил: «Очень хорошо!!» [3].

Основоположники марксизма учили, что в ходе политической борьбы пролетариат становится такой силой, которая в состоянии дать отпор не только отдельным группам буржуазии, или отдельным мероприятиям господствующих классов, но способна насильственным путем устранить политическое господство буржуазии. Отвечая Бакунину, который спрашивал, — что значит пролетариат, возведенный в господствующий класс, — Маркс говорил: *«Это значит, что пролетариат, вместо того, чтобы в каждом отдельном случае бороться против экономически привилегированных классов, достиг достаточной мощи и организованности, чтобы в борьбе против них применять общие средства принуждения»* [4]. Идея пролетарского государства вызвала бешеную ненависть бакунистов, ибо эта идея означала самое последовательное отрицание всех разновидностей анархизма и индивидуализма. Бакунисты истерически вопили о том, что пролетариат ни в коем случае, ни при каких условиях не должен брать в руки власть. Болтая о «социальной революции», баку-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 113.
[2] Там же, стр. 88—91.
[3] В. И. Ленин. Марксизм о государстве, 1933, стр. 76.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 188.

нисты не имели никакого представления о ее действительных задачах, о роли пролетариата и его партии в борьбе против буржуазии.

Энгельс со всей силой марксистской аргументации выступил против этой безответственной мелкобуржуазной фразеологии антиавторитаризма. «Я не знаю вещи более авторитарной, — писал Энгельс, — чем революция, и, мне кажется, когда посредством бомб и ружейных пуль навязывают свою волю другим, как это делается во всякой революции, то осуществляется именно акт власти. Недостаток централизации и власти стоил жизни Парижской Коммуне» [1]. Критикуя бакунистов, Энгельс учил, что для революционной борьбы необходимо соединить все силы в один кулак, сконцентрировать их в решающем пункте наступления.

Разоблачая анархистскую концепцию Бакунина, Маркс и Энгельс показали, что историческая необходимость диктатуры пролетариата вытекает из непримиримости классовых интересов пролетариата и буржуазии, из того, что на второй день после победы пролетариата классы и классовые различия не исчезают, не прекращается также ожесточенная борьба буржуазии против пролетариата. Диктатура пролетариата необходима для организации строительства коммунизма. Обосновывая необходимость и определяя задачи диктатуры пролетариата, Маркс писал в своих замечаниях на книгу Бакунина, что *«покуда существуют еще другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старый общественный строй), он должен применять меры насилия, стало быть, правительственные меры; если сам он остается еще классом и если еще не исчезли экономические условия, на которых основывается классовая борьба и существование классов, они должны быть насильственно устранены или преобразованы, и процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен»* [2].

Таким образом, Маркс вскрыл сущность диктатуры пролетариата и показал, что она необходима для подготовки и осуществления ликвидации эксплуататорских классов и устранения экономических причин, порождающих классы и классовые различия. По мысли Маркса, период диктатуры пролетариата не есть мирный период сотрудничества классов и врастания капитализма в социализм: это — период напряженной классовой борьбы, ибо враги пролетариата не исчезают сами собой в результате установления пролетарской диктатуры.

В борьбе с бакунизмом Маркс и Энгельс поставили вопрос об отношении пролетариата к крестьянству в период диктатуры пролетариата. Маркс решительно заклеймил клеветнические утверждения анархистов, будто бы пролетариат, установив свое господство, станет угнетать крестьянство, будто бы крестьянство вообще не пользуется «благорасположением марксистов».

В своих замечаниях на книгу Бакунина «Государственность и анархия» Маркс указывал, что крестьянство может быть союзником пролетариата. Маркс подчеркивал: если крестьянство окажется на стороне буржуазии, это *«будет приводить к крушению всякую рабочую революцию»* [3]. Задача пролетариата состоит в том, чтобы отвоевать трудящееся крестьянство у буржуазии и привлечь его на свою сторону. Как политически господствующий класс пролетариат должен принять все необходимые меры для улучшения условий жизни трудящегося крестьянства, освобо-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 275.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XV, стр. 186.
[3] Там же, стр. 187.

дить его от эксплуатации ростовщиков и кулаков, оказывать ему материальную помощь. Для того чтобы пролетариат, писал Маркс, *«имел какие-нибудь шансы на победу, он должен быть в состоянии mutatis mutandis [с соответствующими изменениями] сделать для крестьян непосредственно по меньшей мере столько же, сколько французская буржуазия во время своей революции сделала для тогдашнего французского крестьянина»* [1]. Пролетариат *«должен в качестве правительства принимать меры, вследствие которых положение крестьянина непосредственно улучшится и которые, таким образом, привлекут его на сторону революции»* [2].

Однако, как подчеркивает Маркс, эти меры с самого начала должны способствовать социалистической переделке крестьянства. С этой точки зрения Маркс подвергал резкой критике мелкобуржуазную, присущую в особенности анархистам идеализацию мелкой частной собственности. Говоря о мерах помощи трудящемуся крестьянству со стороны политически господствующего пролетариата, Маркс указывал, что это должны быть такие *«меры, однако, которые в зародыше облегчают переход от частной собственности на землю к собственности коллективной, так что крестьянин сам приходит к этому хозяйственным путем»* [3].

Следовательно, задача пролетариата заключается в том, чтобы включить крестьянство в строительство социализма и перевести его на рельсы социалистического хозяйства. Меры, при помощи которых пролетариат осуществляет социалистическую перестройку крестьянства и переводит его на путь социализма, не должны носить насильственного характера. На своем собственном опыте, хозяйственным путем крестьянин должен убедиться в преимуществах социалистической системы хозяйства.

Известно, что эти положения Маркса и Энгельса, развитые В. И. Лениным, явились основой программы КПСС по аграрному вопросу. Ныне, когда в СССР успешно осуществлена социалистическая переделка сельского хозяйства, историческое значение вышеприведенных положений Маркса и Энгельса становится особенно очевидным.

Установив, что диктатура пролетариата означает не прекращение, а продолжение (в новых исторических формах) борьбы между пролетариатом и буржуазией, основоположники марксизма пришли к выводу, что период пролетарской диктатуры охватывает целую историческую эпоху. Маркс писал по этому поводу: *«Классовое господство рабочих над сопротивляющимися им прослойками старого мира должно длиться до тех самых пор, пока не будут уничтожены экономические основы существования классов»* [4] Это был сокрушительный удар по анархистским догмам, согласно которым после «социальной ликвидации» немедленно исчезают всякая власть и всякий авторитет. В противовес анархистам Маркс научно доказал, что диктатура пролетариата как политическое выражение его классового господства необходима пролетариату на весь период его борьбы за коммунизм, до окончательной ликвидации классов и причин, порождающих классы и классовые различия. Разоблачая анархистов, требовавших, чтобы государство было «отменено» немедленно, еще до того, как исчезнут социальные отношения, его породившие, Энгельс писал, что пролетарское государство отомрет только после уничтожения условий, делающих необходимым его существование.

Итог напряженной борьбы марксизма с анархизмом по вопросу о госу-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 187.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 192.

дарстве Энгельс подвел в своем письме к Ван-Паттену в 1883 году. Основные выводы Энгельса сводятся к следующим положениям:

а) уничтожение государственной власти является не начальным, а, напротив, конечным, наиболее отдаленным результатом грядущей пролетарской революции;

б) пролетариат должен прежде всего завоевать и утвердить свое политическое господство, установить свою революционную диктатуру и с ее помощью сломить сопротивление буржуазии и осуществить реорганизацию общества;

в) пролетарское государство необходимо рабочему классу для того, чтобы отразить атаки умирающих эксплуататорских классов, парализовать все их попытки реставрации капитализма. Главная задача пролетарского государства состоит в том, чтобы произвести «экономическую революцию общества», т. е. построить новую, социалистическую экономику.

Опыт социалистического строительства в СССР полностью подтвердил эти положения Маркса и Энгельса, получившие свое дальнейшее развитие в трудах Ленина и Сталина.

Таким образом, в борьбе с анархистами основоположники марксизма доказали, что пролетарское государство отомрет лишь после исчезновения классовых различий, на высшей стадии коммунизма. Лишь в бесклассовом обществе, как указывал Маркс, *«не будет государства в нынешнем политическом смысле слова...»* [1]. Но и безгосударственное состояние общества отнюдь не будет означать царства анархии. Коммунизм не имеет ничего общего с анархистским мелкобуржуазным идеалом общественного устройства. Коммунизм, основанный на максимальном развитии крупной промышленности, невозможен без централизации общественной жизни, без сознательного подчинения всех участников общественного производства соответствующим руководящим органам. Государственные функции при коммунизме, как подчеркивает Маркс, заменяются административными функциями.

Маркс указывает, что функции управления при коммунизме будут осуществляться людьми, избранными всеми членами бесклассового общества. *«Характер выборов,* — писал Маркс, — *зависит не от этих названий, а от экономических основ, от экономических связей избирателей между собою, и с того момента, как функции эти* (т. е. функции управления. — *А. К.*) *перестали быть политическими,* 1) *не существует больше правительственных функций;* 2) *распределение общих функций становится вопросом деловым, не дающим никакого господства;* 3) *выборы эти вовсе не носят нынешнего политического характера»* [2].

В противоположность анархистам Маркс и Энгельс доказали, что без определенного авторитета и подчинения ему коммунистическое общество обойтись не может. Но границы авторитета будут определяться исключительно «условиями производства». Выясняя необходимость авторитета в коммунистическом обществе, Энгельс спрашивал: «Предположим, становясь вполне на точку зрения антиавторитаристов, что земля и орудия труда стали коллективной собственностью пользующихся ими рабочих. Исчезнет ли авторитет или же он только изменит свою форму?» [3]. Отвечая на этот вопрос, Энгельс показывает, что экономическое развитие ведет к гигантскому расширению производства, к внедрению в него сложной тех-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 191.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 134—135.

ники, к всесторонней связи всех видов и процессов производства, к подчинению разрозненной деятельности отдельных лиц коллективному и комбинированному действию многих лиц. «Но комбинированная деятельность означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?» [1], — спрашивает Энгельс. Энгельс говорит, что современное производство функционирует на основе сложнейшей техники, которой нет дела «до личной автономии».

Подводя итог своего исследования об авторитете, Энгельс указывает: «Итак, мы видели, что, с одной стороны, известный авторитет, каким бы образом он ни был создан, а с другой стороны известное подчинение, — независимо от какой бы то ни было общественной организации, — обязательны для нас в силу материальных условий, при которых происходит производство и обращение продуктов» [2]. Эти положения марксизма сохраняют свое актуальное значение и в наши дни.

Борьба Маркса и Энгельса с анархизмом представляет яркую страницу в истории марксизма. Анархизм был злейшим врагом марксизма и революционного пролетарского движения в период их возникновения и формирования. Марксизм развивался и закалялся в беспощадной борьбе с анархизмом и в ходе этой борьбы оттачивал свои идеологические и политические принципы, вооружая ими пролетариат для победы социалистической революции и диктатуры пролетариата. Идейно разгромив анархизм, марксизм предохранил пролетариат от его разлагающего влияния и тем сократил исторические сроки социального освобождения пролетариата.

В борьбе с анархизмом Маркс и Энгельс разрабатывали основы пролетарского социализма, в особенности положение о диктатуре пролетариата, вскрыли предварительные условия отмирания государства после победы коммунизма.

Коммунистическая партия Советского Союза, развивая и претворяя в жизнь положения Маркса и Энгельса, окончательно разгромила анархизм и привела народы нашей великой Родины к всемирно-исторической победе социализма.

Изучение истории идейно-политической борьбы Маркса и Энгельса против идеологии анархизма имеет актуальное значение и в настоящее время, поскольку и теперь еще в ряде стран Европы и Латинской Америки влияние анархистов на трудящиеся массы полностью не преодолено.

Маркс и Энгельс, разоблачая Бакунина и его сторонников, показывали, что их революционная фразеология и авантюристические призывы к незамедлительной «социальной ликвидации» прикрывают враждебность анархизма подлинной революционной борьбе пролетариата против капитализма. Современный анархизм всей своей деятельностью и «теорией» наглядно подтверждает эту глубочайшую оценку, данную основоположниками марксизма свыше 70 лет тому назад. Лидеры современного международного анархизма превратились в откровенных сторожевых псов умирающего капитализма, в банду провокаторов и шпионов международной реакции, в агентов американских поджигателей войны. Лопнули, как мыльные пузыри, «сверхреволюционные» фразы анархистских идеологов, и обнажилась в неприкрытом виде буржуазная и контрреволюционная сущность анархизма. Так, например, нынешние лидеры испанского анархизма Диэго Абадде Сантельян, Леваль, Барко объявляют идею революции историческим анахронизмом. Опорочивание идеи пролетарской рево-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 134.
[2] Там же, стр. 136

люции является основным содержанием анархистских писаний идеолога международного и испанского анархизма Гарсиа Прадас, английских анархистов Герберта Рида, Алекса Комфорта и многих других. Идеолог так называемого «положительного анархизма» Петер Гейнц прямо заявляет, что теория классовой борьбы должна быть отвергнута как дискредитирующая... эксплуататорские классы. Смыкаясь с фашистами, нынешние анархисты считают своей главной задачей клевету на марксизм и на освободительное движение пролетариата. Нет такой клеветы, которую бы не возводили на марксизм анархиствующие прислужники империалистической реакции. Изрыгая хулу на диктатуру пролетариата, Советское государство, социализм, современные анархисты воспевают «сверхчеловека», якобы призванного независимо от народа и вопреки народу решить все социальные задачи. К этому сводятся разглагольствования анархистского лидера Эриха Фромма, утверждающего, что кризис современного буржуазного общества... «проистекает от недостаточного индивидуализма». Зоологический индивидуализм современной буржуазии представляется ему недостаточным. Следуя за Гитлером и Геббельсом, он ополчается на буржуазно-демократические принципы, проповедуя царство анархии, которое при ближайшем рассмотрении оказывается фашистской диктатурой.

Таков закономерный конец анархистской «теории» и практики, такова логика классовой борьбы, приведшая анархистов в болото империалистической реакции.

«В силу развития борьбы, — пишет Д. Ибаррури, — анархистские лидеры вынуждены были сбросить с себя маску и, обращаясь к рабочим, кричать из своего контрреволюционного болота, что революция невозможна, что рабочие должны вместе с буржуазией сражаться против коммунистов, осмелившихся ниспровергнуть капитализм и установить диктатуру пролетариата».

Современные факты с новой силой подтверждают все то, что говорили Маркс и Энгельс о реакционной сущности анархизма, еще и еще раз свидетельствуя о величайшей силе научного анализа и предвидения, свойственной великим вождям пролетариата.

И. С. НАРСКИЙ

РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В ПОЛЬШЕ 30—40-х годов XIX века

Буржуазные книги по истории польской философии представляют собой яркий пример того, как космополиты и националисты замалчивали или изображали в извращенном виде все прогрессивное в развитии общественной мысли славянских народов. История социально-политических и философских учений в Польше превращалась ими в историю филиации идеалистических идей, импортированных из Западной Европы.

Уже в XIX веке сложилась антинаучная традиция толкования историко-философского процесса в Польше как «единого потока», представляющего собой последовательную смену четырех этапов: «польской схоластики», «рационализма», «мессианизма» и «польского позитивизма». Эта антинаучная периодизация была направлена на искажение действительного положения вещей.

Буржуазные историки польской философии отрицали существование материализма и атеизма в Польше. Крупнейших представителей польского метафизического материализма конца XVIII века Сташица и Коллонтая они изображали непосредственными предшественниками позитивизма. Всячески извращали буржуазные историки идейную эволюцию выдающихся польских мыслителей XIX века к революционному демократизму в политике, к атеизму и материализму в философии. Типичным для буржуазных историков является заявление В. Лютославского, утверждавшего, что якобы прирожденным мировоззрением каждого «настоящего поляка» является «мессианизм», то есть наиболее изощренный мистицизм националистического пошиба, отводящий Польше особую роль в историческом процессе[1]. П. Хмелевский совершенно исказил философскую эволюцию Мицкевича, объявив, что теоретические взгляды великого польского поэта прошли путь от «реализма» через идеализм к мистицизму; таким образом, Хмелевский отождествил философскую эволюцию великого демократа с путем идейной деградации польской консервативной шляхты.

Крупнейшего польского домарксовского мыслителя XIX века Э. Дембовского буржуазные историки третировали как «неоригинального гегельянца». Стремясь вытравить из истории польской философии малейшее упоминание о борьбе материализма против идеализма, они создали ле-

[1] См. F. Überweg. Grundriss der Geschichte der Philosophie, B. 5. Leipzig, 1928.

генду о том, что философская борьба в Польше 30—40-х годов XIX века сводилась якобы к стычкам между учениками Гегеля и приверженцами официальной католической догмы.

Реакционные польские историки философии и социологии много разглагольствовали о неоригинальности отечественной общественной мысли и о зависимости ее от западноевропейских религиозно-идеалистических течений. Эти рассуждения всегда связывались с пропагандой идейки о «враждебности» польской культуры русской культуре вообще и русской материалистической философии в особенности. Подобные взгляды представляют собой идеологическое отражение политики господствовавших в Польше эксплуататорских классов, опиравшихся в своей борьбе с народом на силы западноевропейской реакции. Буржуазно-помещичьи историки польской культуры всячески скрывали связи передовых политических деятелей, литераторов и ученых Польши XIX—XX веков с прогрессивной русской культурой. «Духовными отцами» польской философии 20—30-х годов XIX века они называли обычно Канта, Шеллинга и Шатобриана. Немецко-фашистский историк Кюне объявил всех польских философов 30—40-х годов XIX века выучениками «германского духа». Польских мыслителей второй половины XIX века определяли как последователей Конта и Спенсера.

Борьба за разгром лженаучных концепций буржуазных историков и за подлинно научное освещение прогрессивных идейных традиций польского народа, которая ведется в настоящее время в Польше, имеет большое общественно-политическое значение. Большой подъем научной работы был вызван отмеченными в Польше юбилеями Коллонтая и Коперника. Перед польскими историками во всеь рост встала задача показать традиции борьбы за социализм и материалистическое мировоззрение, традиции боевого союза польского и русского народов против общего врага— царского самодержавия, капиталистов и помещиков. Для советской философской общественности разработка проблем истории польской философии также представляет значительный интерес.

* * *

В конце XVIII века феодальное государство «Речь Посполита», находившееся в упадке, подверглось неоднократным переделам со стороны феодальных государств: Пруссии, Австрии и царской России. Инициатором разделов Польши выступала агрессивная Пруссия.

Поляки потеряли свою независимость тогда, когда стояли уже на довольно высоком уровне развития, представляя собой формирующуюся нацию. Сразу же после первого раздела Польши началась национально-освободительная борьба польского народа.

Развитию национально-освободительного движения в Польше способствовало сложное переплетение классовой борьбы с борьбой национальной: в западной части Польши, захваченной Пруссией, польского крестьянина и ремесленника угнетали не только польский, но и прусский помещик и купец. Польские крестьяне Западной Галиции, изнывая под панским игом, испытывали, кроме того, тяжелое давление австрийского налогового пресса. Разделы Польши, которым всячески содействовали польские магнаты-антипатриоты, боявшиеся надвигающейся в стране крестьянской революции, вели к консервации феодальных отношений, усиливали позиции трех главнейших европейских феодальных держав. Поэтому борьба за восстановление Польши вела к союзу польской демократии со всеми антифеодальными и революционными силами Европы и носила объектив-

но антифеодальный характер. Значение ее выходило за пределы Польши, поскольку расшатывались устои реакционного Священного Союза. Борьба за восстановление польского государства в середине XIX века, как отмечали Маркс, Энгельс и Ленин, имела общеевропейский прогрессивный характер. «Польша... стала революционной частью России, Австрии и Пруссии... Польша сделалась очагом восточно-европейской демократии уже тогда, когда Германия блуждала еще в низинах конституционной и высотах философской идеологии» [1].

По мере развития польского национально-освободительного движения в стране, как указывал Маркс, сложился патриотический лагерь в составе ремесленников и разночинных элементов, разоряющейся мелкой и средней шляхты и наиболее передовых слоев крестьянства.

Польская буржуазия, развитие которой было замедлено разделами, в первой половине XIX в. не играла значительной роли в национально-освободительном движении. В среде шляхетства союз магнатов с врагами родины вызвал раскол. Часть шляхты примкнула к патриотическому лагерю, однако позиции ее были неустойчивыми.

Уже с самого начала патриотический лагерь в Польше раскалывался изнутри неизбежным антагонизмом между шляхтой и крестьянами. По мере развития и углубления классовой борьбы в стране происходило отпадение от этого лагеря поместной шляхты, которая толковала задачи патриотической борьбы в духе своих узкоклассовых, помещичьих интересов и в конечном счете изменила национально-освободительному движению. Рост революционной активности крестьянства означал расширение массовой, народной базы национально-освободительного движения. Все большую роль в нем начинали играть буржуазно-демократические силы.

Неудачное национально-освободительное восстание 1830—1831 годов послужило переломным пунктом в историческом развитии Польши первой половины XIX века, привело к существенной перегруппировке сил внутри лагеря национально-освободительного движения.

В 30—40-е годы в положении польского крестьянства произошел ряд изменений. Еще по статуту Варшавского герцогства (1807), составленному по указке Наполеона I, крестьяне центральных районов Польши получили личную свободу. Но поскольку земля и весь сельскохозяйственный инвентарь крестьян оставались в собственности помещиков, феодально-барщинные отношения продолжали господствовать в стране. Однако во второй четверти XIX века, в обстановке прогрессирующего разложения феодальных отношений, значительная часть помещиков переходила на своих фольварках к капиталистическим методам хозяйствования. Внедряя на своих землях технические культуры, развивая овцеводство, помещики практиковали перевод крестьян на непосильный оброк, переселение их на худшие земли или же просто сгоняли с занимаемых ими участков. Это вело к дальнейшему обострению классовых противоречий в польской деревне.

Классовая борьба угнетенного польского, украинского и белорусского крестьянства в 40-е годы вступила в новую фазу, приобретая в ряде случаев форму открытых вооруженных выступлений сел и даже целых районов. К 40-м годам XIX века Польша стояла на пороге крестьянской революции.

Уроки восстания 1830—1831 годов ясно показали, что крестьянам бес-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 408.

полезно ждать от помещиков облегчения своего положения. Энгельс писал о восстании 1830—1831 годов, что оно «не было ни национальной революцией (оно исключало три четверти Польши), ни социальной или политической революцией; оно ничего не изменяло во внутреннем положении народа; это была консервативная революция» [1].

Шляхетство, представлявшее собой главную движущую силу восстания, как известно, не только не дало крестьянам земли, но не отменило и барщины, сохранив фактически существовавшее в Польше крепостное состояние. Шляхтичи, руководившие восстанием, преследовали демократические организации и делали все для того, чтобы придать движению националистический и, прежде всего, антирусский характер. В качестве главного лозунга восстания они выдвинули требование присоединения западных частей Белоруссии и Украины к польским территориям.

Реакционной политике руководителей восстания демократические элементы, опиравшиеся на варшавский плебс, не смогли оказать необходимого противодействия. Крестьянские массы не поддержали восстания, обрекая его тем самым на поражение.

История еще раз показала, что союз феодалов и крепостных крестьян невозможен. Энгельс писал: «Как в 1830 году в Польше, так и в 1522 году в Германии дворянство уже не могло привлечь на свою сторону крестьян» [2].

Тем не менее восстание 1830—1831 годов имело некоторое положительное значение. Оно напомнило, что Польша жива, и помешало царскому самодержавию восстановить легитимную монархию во Франции. Восстание послужило исходным пунктом для деятельности польских буржуазно-демократических группировок. В ходе самого восстания левые элементы (Лелевель, Кремповецкий, Ворцель) провозгласили лозунг единства с русскими революционерами: «За нашу и вашу свободу!».

После разгрома восстания Николай I отменил конституцию «Царства Польского». В стране был установлен режим произвола и террора, насильственной руссификации. И. В. Сталин отмечал, что «царско-русские руссификаторы и немецко-прусские германизаторы, мало чем уступавшие в жестокости турецким ассимиляторам, более ста лет кромсали и терзали польскую нацию...» [3]. Период после подавления восстания 1830—1831 годов был одним из наиболее драматических этапов этого угнетения. Перед прогрессивными общественными силами в стране и различными слоями многочисленной и пестрой польской эмиграции, образовавшейся после разгрома восстания, вопрос о судьбах родины встал как один из самых животрепещущих. Ответ на этот вопрос требовал выяснения характера и средств борьбы за будущую свободную Польшу, выяснения того, за какую именно Польшу и с каким знаменем в руках предстоит бороться. Представители различных общественных классов отвечали на этот вопрос по-разному.

Феодальные магнаты, не оставляя мыслей о восстановлении панско-помещичьей Польши, надеялись на уступки со стороны держав, разделивших страну. Когда наступило разочарование в этих надеждах, они принялись обивать пороги правительств западноевропейских государств, пускаясь на всевозможные дипломатические интриги. Так поступала, например, эмигрантская клика А. Чарторийского («отель Ламбер»), которую К. Маркс разоблачил как подсобную силу британской внешней

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 265.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 160.
[3] И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 347—348.

политики. В 40-х годах аристократическая группа польской эмиграции выступила в значительной своей части сторонницей «прусского пути» развития капитализма в сельском хозяйстве и декларировала свое «согласие» на аграрные реформы ограниченного характера.

Во французской эмиграции в 30-х годах образовалось так называемое «Польское демократическое общество», состоявшее из буржуазно-шляхетских групп различного направления. Внутри общества шла постоянная борьба между левым и правым течениями. Лидеры «центра» в «Демократическом обществе» колебались между буржуазно-демократическим и шляхетским решением вопроса, по сути дела притупляя четкую и острую его постановку революционной демократией и объективно давая возможность широко маневрировать представителям помещичьего класса. Считая необходимым использовать движение народных масс, они уповали на общенациональное восстание, возглавляемое дворянством. Крестьянам же, с целью вызвать с их стороны доверие к шляхте, обещано было передать в собственность обрабатываемые ими клочки земли. Таким образом, по этому плану помещичье землевладение в основном сохранялось, а безземельные крестьяне, которых в «Царстве Польском» в середине 40-х годов было свыше полутора миллионов человек, не получали ничего. Правое крыло «Демократического общества» все более сползало на позиции ярого национализма, смыкаясь постепенно с буржуазно-помещичьими либералами. Деятели же левого крыла, такие как Дараш, Ворцель и другие, преодолевая свои шляхетские предрассудки и половинчатость идеологии «Демократического общества», развивались в направлении к революционному демократизму.

Наиболее правильный из возможных в исторических условиях того времени ответ на вопрос о характере и средствах борьбы за освобождение польского народа дали польские революционные демократы, выходящие в эти годы впервые на арену исторической борьбы. Их идеология развивалась на основе развертывающегося крестьянского антифеодального движения в стране. Выразителями революционно-демократического, наиболее высокого этапа польской домарксистской политической и философской мысли были передовые деятели общества «Польский народ» в эмиграции 30-х годов, представители левого крыла «Союза плебеев» в прусской части Польши, П. Сцегенный — глава подпольной повстанческой крестьянской организации в «Царстве Польском» первой половины 40-х годов и группа Э. Дембовского в Краковском восстании 1846 года. Они ставили успех борьбы за восстановление Польши в зависимость от полной ликвидации феодальной земельной собственности в стране и передачи всей земли крестьянам. Маркс высоко оценил эту идею польских революционных демократов [1]. Они хорошо понимали также необходимость тесного союза с российским революционным движением и неустанно напоминали о славных традициях Пестеля и Каховского, Бестужева и Лунина.

Политическая борьба в Польше 30—40-х годов XIX века получила свое отражение в философской борьбе. Идеологи польской революционной демократии развивались в философии в направлении к атеизму и материализму. Э. Дембовский постепенно приближался к диалектическому материализму. Ворцель, Сцегенный и Дембовский подвергли острой критике официальный католицизм — идеологию аристократической реакции в Польше — и мессианизм, представлявший собой мировоззрение феодальных и помещичье-либеральных кругов.

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 383 и 410.

* * *

В 30-х годах XIX века наиболее значительной польской революционно-демократической организацией было эмигрантское общество «Польский народ», состоявшее из двух групп: «Грудзендз» в Портсмуте и «Умань» на острове Джерси. Эти группы образовались из солдат повстанческого войска 1830—1831 годов, которые перешли прусскую границу «Царства Польского» и оказались затем вынужденными предпочесть эмиграцию в Англию принудительным работам в Грауденце (Грудзендз) и Данциге.

Обе эти эмигрантские группы (общины) первоначально входили в состав «Демократического общества» в качестве отдельных его секций. По мере развития сложного процесса размежевания между различными фракциями эмиграции портсмутская секция выступает со все более острой критикой взглядов «Демократического общества» и прежде всего правого его крыла. Главный удар портсмутская секция направляла против апологии частной собственности в работах представителей «Демократического общества». Группа «Грудзендз» выдвинула требование установления общественной собственности на средства производства. В 1836 году группы «Грудзендз» и «Умань» покинули «Демократическое общество», положив начало самостоятельной организации. Главными теоретиками «Польского народа» стали Станислав Ворцель, Зенон Свентославский и Тадеуш Кремповецкий.

Группы «Грудзендз» и «Умань» выражали интересы городской и сельской бедноты, в особенности малоземельных и безземельных крестьян. Теоретики этих групп, такие как Кремповецкий и Ворцель, стояли на позиции соединения польского национально-освободительного движения с крестьянской аграрной революцией.

В конце 30-х годов революционно-демократические устремления общества «Польский народ» ослабели: все чаще его деятели обращались к прямой поповщине и мистике (З. Свентославский). Этому в значительной мере способствовал отрыв эмигрантских групп от жизни родины, от практической борьбы польского крестьянства за свои интересы. Весьма отрицательно сказался на эволюции идеологии «Польского народа» выход Кремповецкого и Ворцеля из организации «Польский народ», вызванный, в частности, их отрицательным отношением к религиозному мистицизму и сектантским настроениям, укоренившимся среди многих членов этого общества. Если раньше выдвигавшийся представителями «Польского народа» принцип «христианского братства» противопоставлялся буржуазному принципу «естественного права» и использовался для обоснования требования обобществления средств производства, то теперь этот принцип стал приобретать чисто сектантский религиозный характер.

Однако революционно-демократические идеи, развитые обществом «Польский народ» в лучшие годы его существования, проникали в Польшу и получали там распространение. «Польша подымется не через шляхту, а через простой народ» — этот призыв общества «Польский народ» был подхвачен в Польше группами Сцегенного и Дембовского.

Документы общества, которые относятся к 30-м годам, проникнуты глубоким чувством ненависти к помещикам. От этих документов веет духом классовой борьбы.

В первом манифесте общины «Грудзендз» говорилось: «Наша родина — это польский простой народ. И она никогда не совпадала с родиной шляхты, а если и было какое отношение между краем шляхты и краем польского народа, то оно имело, бесспорно, характер противоречия, кото-

рое возникает между убийцей и его жертвой. Море крови на целом свете разделяет шляхту и простой народ» [1].

Деятели «Польского народа» критиковали правое крыло «Демократического общества», в частности, за реформистско-либеральные надежды его на разрешение социального вопроса. Подчеркивая, что «нужду вызывают имущие, а терпят ее неимущие», теоретики «Польского народа» различали классы по их имущественному положению. Поэтому они формулировали свое требование ликвидации частной собственности на землю и предприятия неточно, как «уравнение социальных условий». Однако это требование отнюдь не было реформистским пожеланием «уравнения классов». Разрешить социальный вопрос революционные демократы «Грудзендза» намеревались, как было подчеркнуто в обращении «Польского народа» к секции «Демократического общества» в Фонтенбло, при помощи меча. Основная масса общины «Грудзендз» стояла на позиции революции крестьян и городской бедноты против буржуазных и феодальных эксплуататоров.

Глубокая разграничительная линия между «Польским народом» и правым крылом «Демократического общества» проходила, однако, не только по вопросу о средствах социального преобразования. Как указывали польские революционные демократы, «Демократическое общество», обещая передать крестьянам те участки, которые они ныне обрабатывают, хочет «оставить в неприкосновенности обширные поля панов».

Показывая антидемократизм и либерально-шляхетский характер такого решения вопроса, деятели «Польского народа» писали: «Если за панами останутся их обширные земли, то крестьяне-загродники и прочие несчастные жители Польши будут немилосердным образом обречены на нужду или на голодную смерть» [2]. В обращении к секции «Демократического общества» в Вимутье общество «Польский народ» подчеркивало, что землю следует у помещиков отобрать и сделать общественным достоянием.

Если правое крыло «Демократического общества», как указывалось, выражало взгляды сторонников прусского пути развития капитализма в Польше, то сравнительно более левые его элементы [3] идеализировали буржуазно-демократический строй и прославляли североамериканские порядки. Разоблачая буржуазный характер взглядов ряда представителей «Демократического общества», деятели «Польского народа» писали, что «Демократическое общество» стремится утвердить «промышленно-купеческое сословие... Этим путем оно ведет к росту эксплуатации и тирании и к преобразованию аграрной Польши в Польшу промышленную; а это создаст сильную касту денежного мешка, аристократию картофеля и сыроварен, панов-промышленников и лавочников...» [4].

К секции «Демократического общества» в Авранше общество «Польский народ» обратилось со следующим обвинением: «Вы хотите бороться со шляхтой, используя простой народ как орудие, а потом хотите это орудие сокрушить и растоптать так, как это сделали нынешние господа во Франции, мещанская каста...» [5].

---

[1] „Lud polski w emigracji", 1835—1846, Iersey, 1854, стр. 4.

[2] Там же, стр. 107. Загродники — одна из категорий польских крестьян середины XIX века, не имевших в своем пользовании пахотной земли.

[3] Здесь не имеются в виду те деятели левой группировки в «Демократическом обществе», которые в середине 30-х годов перешли в ряды «Польского народа», как сам Ворцель.

[4] „Lud polski w emigracji", стр. 60.

[5] Там, же, стр. 23.

Многие представители «Польского народа», защищая интересы трудящихся масс, выступали против идеализации буржуазной идеологии «лафайетизма и вашингтонизма», против прославления порядков США, страны «бессердечных спекулянтов, граждан купеческой Речи Посполитой». Станислав Ворцель в одном из документов общины «Грудзендз» адресовал лидерам «Демократического общества» следующие обличающие слова: «Вы, чья доктрина — право человека, идеал — эгоизм, цель — индивидуальное счастье, ступайте в страну реализованной вашей программы, в Соединенные Штаты Америки, влейтесь в ее демократические массы... вы будете вместе с этими массами принимать законы об умерщвлении голодной смертью краснокожих, о превращении негров в скот» [1].

Изменив делу социального освобождения польского народа и скатываясь к буржуазно-шляхетскому либерализму, деятели правого крыла «Демократического общества» обнаруживали себя как ярые националисты. Теоретики «Польского народа», бичуя национализм деятелей «Демократического общества», писали: «Национальный принцип по мысли обращения «Демократического общества» является ...выражением духа определенного класса жителей Польши, владеющих землей по наследству и эксплуатирующих простой народ... Ваша народность, паны, — это претензии каждого из вас на тот или другой определенный кусок земли, на котором вы в общее ярмо запрягаете и человека и вола, чтобы они вместе трудились ради вашего удовольствия...» [2]. Патриотические и интернационалистские идеи «Польского народа» получили наиболее яркое выражение в трудах Станислава Ворцеля.

По своим философским убеждениям деятели «Польского народа» были идеалистами. Выступая против материализма, они ошибочно отождествляли его с буржуазным мировоззрением, с идеологией ненавистной им Жиронды. Прямое возрождение идеологии Жиронды деятели «Польского народа» видели в «Демократическом обществе». В действительности философские и социологические взгляды теоретиков «Демократического общества» были весьма расплывчатыми. Они располагались в широком диапазоне между католической религией и концепцией «естественного права», заимствованной у французских просветителей XVIII века, но потерявшей свое революционное содержание и приспособленной к потребностям шляхетско-буржуазного либерализма.

Позиция общин «Польского народа» по отношению к официальной католической церкви и Ватикану, несмотря на религиозные настроения многих их представителей, была враждебной, хотя они и называли себя зачастую «верующими католиками».

«Скажем же ему (простому народу. — *И. Н.*), — писали они, — что если хочешь добиться своего действительного возрождения, то прежде всего сокруши узы, наложенные на твой разум фанатизмом, который навеян ксендзами» [3]. Стоит ли брать в расчет болтовню об «исправлении» богачей под влиянием религии, замечал С. Ворцель, ведь это влияние сводится к тому, что богач «оттолкнет от своих дверей бедняка и отправится в великолепный костел слушать, как платный проповедник разглагольствует о создании братства на небе» [4].

В документе «О втором проекте манифеста «Демократического общества» мы находим следующие слова, бичующие ватиканский католицизм: «Мы считаем, что нет уже христианства в Риме. Разве духовники Вати-

---

[1] „Lud polski w emigracji", стр. 102.
[2] Там же, стр. 34 и след.
[3] Там же, стр. 30.
[4] Цит. по прилож. к книге: B. Limanowski, St. Worcell, W-wa, 1948, стр. 437.

кана не слуги господ этого мира и разве они не воскуряют торжественный фимиам божкам насилия и невежества? Римская католическая иерархия предала христианство и отрешилась от своей миссии...» [1]. В документе «Будущее восстание Польши» деятели общины «Грудзендз» называют папу «апостолом лжи и фальши», «преследователем убогих и угнетенных», «подлым слугой светских князьков и богачей». Римский папа, писал Ворцель, «освятил крепостничество».

Зенон Свентославский составил характерные своим социальным утопизмом «Принципы Всеобщей Церкви». В этом документе он широко пользуется религиозной аргументацией и фразеологией для выражения требований своей программы. В то же время Свентославский резко выступает против церковно-католической иерархии. Призывая угнетенных подняться на последнюю справедливую войну, войну против угнетателей, он пишет: «Все цари, короли, императоры, князья и князята, графы, паны, шляхта, богачи, папы, епископы, прелаты, министры, попы, ксендзы и прочие всякого иного названия угнетатели в каждом народе... этих всех и каждого в отдельности... мировой сход или же специальный суд тотчас же покарает смертью» [2].

Мистические идеи, обуревавшие Свентославского, неизбежно привели его и его единомышленников к религиозному сектантству.

Иным путем развивалось мировоззрение Тадеуша Кренповецкого, наиболее последовательного революционного демократа в «Польском народе», а также Станислава Ворцеля, наиболее выдающегося теоретика общества.

Станислав Ворцель (1799—1857) был видным теоретиком общества «Польский народ» по национальному вопросу. Именно он во главе наиболее передовых деятелей общины «Грудзендз» впервые в истории польской общественной мысли поднял знамя революционно-демократического интернационализма, знамя борьбы против шляхетско-буржуазного национализма и космополитизма.

Выдающееся исследование Ворцеля «Об объединениях естественных и социальных, а далее о родах и народах, родине и человечестве, о космополитизме, солидарности и федерации народов» специально посвящено критике «национального эгоизма» в его связи с космополитизмом. «Захватчик ли присоединяет другие страны к своему государству и в интересах его роста уничтожает малые национальности, — писал Ворцель, — или же утопист, планирующий уничтожение национальных или всяких других выработанных веками форм объединения, — они делают преступления, различающиеся не по своей природе...» [3]. Связь национализма с космополитизмом Ворцель особенно ярко показывает на примерах панславизма и пангерманизма. Американская «демократия» и официальный католицизм, как это отмечал мыслитель, также любят рядиться в одежды космополитизма с тем, чтобы скрыть свой эгоизм и помешать народу объединиться для защиты своих интересов. «Космополитизм, — писал Ворцель, — означает нарушение права народов на суверенитет, на самостоятельное существование, и, разрывая тесные связи отдельного человека с нацией, в сущности губит и общество и личность, отрывая ее от общества...» [4].

---

[1] „Lud polski w emigracji", стр. 98—99.
[2] Там же, стр. 300.
[3] Цит. по прилож. к книге: B. Limanowski, St. Worcell, W-wa, 1948, стр. 459.
[4] Цит. по журналу «Вопросы философии», 1950, № 1, стр. 209.

Ворцель, находясь в рядах «Польского народа», а в 40-х годах — в рядах крайнего левого крыла «Демократического общества», был неутомимым глашатаем интернациональной революционной солидарности, страстным пропагандистом идеи дружбы между народами, в первую очередь между народами славянскими. В своих обращениях к народам России, Англии, Венгрии, Ирландии и Шотландии он последовательно развивал эти идеи. Общество «Польский народ» считало своим девизом идею объединения всех угнетенных народов: «Чтобы одолеть тесно связанных друг с другом угнетателей, необходима для всех народов единая общая мысль, дабы стремления отдельных народов не разбивались о силу всех угнетателей, соединившихся друг с другом». Идея эта была высказана Ворцелем. Ее отстаивали также Кренповецкий и Свентославский.

Особое значение члены общества «Польский народ» придавали сотрудничеству и братскому союзу с революционным движением великого русского народа. Горячим сторонником такого союза был Ворцель, который лично участвовал в переговорах с декабристами. В период восстания 1830—1831 годов, будучи членом левой фракции сейма, он неустанно напоминал о славных традициях декабристов. Ворцель был одним из организаторов посвященной декабристам торжественно-траурной процессии в Варшаве. Во время этой процессии по улицам польской столицы повстанцы пронесли пять символических гробов.

В 1834 году в Брюсселе на торжественном заседании, посвященном памяти восстания декабристов и восстания 1830—1831 годов, Ворцель подчеркивал, что декабристы, протягивая руку польским революционерам, стремились к тому, чтобы и в Польше и в России «господством простого народа было заменено господство тиранов».

Подобные мысли в одном из своих обращений развивала вторая группа «Польского народа» — «Умань», само название которой призвано было напомнить о славных традициях борьбы украинских крестьян против польских помещиков в XVIII веке. «Россия, которая терпит то же самое, что и мы... — говорилось в обращении, — разве не соединит с нами своих сил против общего ярма? Россия, которая была с нами в 1825 году, Россия, которая, как брат, принимала нас в глубинах Сибири в 1831 году, Россия, которая в 1839 году хотела вернуть к жизни Польшу... [1], разве теперь она будет против нас? Разве она откажется от имен Пестеля, Муравьева, Бестужева, которые вместе с Завишой и Конарским блестят, как звезды, на фоне эгоистической современности своим беззаветным самопожертвованием на Востоке? Вот те, на кого мы должны рассчитывать...» [2].

Значительную роль в развитии мировоззрения Ворцеля сыграло общение с великим русским революционным демократом Герценом.

Ворцель встретился с Герценом в 1852 году, когда общество «Польский народ» уже распалось. В это время польский мыслитель продолжал поддерживать связи со многими представителями патриотической польской эмиграции, в немалой степени разделяя и ограниченность их взглядов. После встречи с Герценом Ворцель делается его близким другом и соратником по политической борьбе. «Мы должны идти вместе, у нас одна цель и одни враги», — заявлял польский революционер. В результате тесного идейного и практического содружества Герцена и Ворцеля, которое продолжалось до смерти последнего и выразилось в борьбе за организацию освободительного движения в Польше и России и создании рус-

---

[1] Имеется в виду попытка русских революционеров освободить приговоренного царскими властями к смерти польского патриота Шимона Конарского.

[2] „Lud polski w emigracji“, стр. 201

ской и польской вольной печати, польский мыслитель в ряде вопросов приблизился к позиции великого русского материалиста и революционера.

Под влиянием критики Герцена Ворцель признал ошибочным рассмотрение католицизма как «польской традиции». Однако материалистом Ворцель все же не стал. На это неоднократно указывал Герцен, отмечая, что Ворцель «верил в какой-то духовный мир, неопределенный, ненужный, невозможный, но отдельный от мира материального» [1]. Видимо, под влиянием Герцена в своей последней работе «Об объединениях» польский мыслитель пришел к целому ряду гениальных догадок по национальному вопросу. Ворцель признал правоту своего русского друга, резко выступившего против национализма лидеров лондонского центра «Демократического общества», по отношению к позиции которых сам Ворцель одно время занимал колеблющуюся и примирительную позицию [2].

Для общественных взглядов Ворцеля характерны значительные элементы диалектики. Он выступал против теорий, освещающих застой в обществе, доказывающих конец его развития, и прежде всего против теории круговорота, в которой справедливо видел скрытую апологетику существующих эксплуататорских отношений. Ворцель считал, что общественное развитие не может иметь предела.

В труде Ворцеля «О собственности» изложены его экономические взгляды. Отдаленно и смутно подходя к учению о социально-экономических формациях, Ворцель разделил всю историю человечества на четыре периода соответственно формам собственности: «языческой», «феодальной», «мещанской» и «социальной», т. е. социалистической форме собственности, которая воцарится в результате народной революции «новых якобинцев» против феодальных и буржуазных «богачей».

Тайна разделения людей на политические партии заключается, по мнению Ворцеля, в их различном отношении к собственности, в борьбе за нее. «Пролетарии и мещанство во Франции; радикалы, виги и тори в Англии; конфискаторы церковных имений в Испании; даже все течения в польской эмиграции, соперничающие в вопросе, кто из них сумеет бо́льшим куском земли заткнуть глотку польскому народу, жаждущему преобразования собственности, — все это не что иное, как треск и шум распадающегося социального порядка в связи с приближающимся претворением в жизнь новой формы собственности» [3]. Ворцель высмеивал надежды на мирное разрешение социального вопроса путем «исправления» европейской буржуазии, хотя, как отмечает Герцен, не отказывался в некоторых своих выступлениях от подобных надежд в отношении польской поместной шляхты. «Сердце богача, — писал мыслитель, — там, где его сокровища».

Видя ограниченность буржуазных преобразований и, в частности, французской революции конца XVIII века, Ворцель верил в неизбежность социализма, который «не является ни фантазией, ни продуктом желания... Он является результатом потребности человечества, плодом прогресса» [4]. Однако сам собой социализм не придет. Необходима самая решительная борьба всех угнетенных против их угнетателей. Как указывал Герцен, его польский друг мыслил народную революцию в Польше как звено в единой цепи дальнейшей борьбы всех народов за свою свободу и не считал грядущие судьбы своей нации «исключительными», а борьбу польского народа за свободу — частным, узконациональным делом поляков. «Вор-

[1] А. И. Герцен. Былое и думы, М., 1946, стр. 590.
[2] См. там же, стр. 589.
[3] Цит. по прилож. к книге: B. Limanowski, St. Worcell, W-wa, 1948, стр. 429.
[4] Там же, стр. 289.

цель хотел привенчать польское дело к общеевропейскому, республиканскому и демократическому движению»[1]. В слиянии всех этих освободительных течений в один поток Ворцель видел гарантию успеха революции.

Ворцель признавал, что история заполнена бурной борьбой людей «за собственность», но, будучи идеалистом, полагал, что в конечном счете развитие и смена форм собственности зависят не от развития производства, а от изменения «моральных отношений между людьми» и что формы собственности сами по себе являются разновидностью «моральных отношений». Он придавал решающее значение отмене права наследования собственности, а капиталистическую стадию развития общества считал «необязательной». В 1849 году Ворцель ознакомился с произведением Маркса и Энгельса «Манифест Коммунистической партии». Но марксистом он не стал. Ворцель не вышел за пределы утопического социализма, разделив ограниченность всех революционных демократов своего времени.

Ворцель сыграл значительную роль в истории польской прогрессивной мысли. Большая историческая заслуга Ворцеля и других деятелей общества «Польский народ» заключалась в том, что именно они впервые в истории польской общественной мысли выразили и сформулировали противоположность между революционно-демократическим и либеральным (правое крыло и центр «Польского демократического общества») течениями. В обществе «Польский народ» впервые в истории польской философии выступили мыслители с системой взглядов, выражающей интересы крестьянства и городской бедноты. Утопический социализм, провозглашенный Ворцелем, коренным образом отличался от утопического социализма Фурье и Сен-Симона, ибо был связан с идеей народной революции.

* * *

В 40-х годах деятельность общества «Польский народ» замирает. Но в условиях революционного подъема, происходившего в эти годы в Польше, демократические идеи, высказанные лучшими представителями польской общественной мысли 30-х годов, получили свое дальнейшее развитие. Именно в самой Польше, а не в далекой эмиграции, в 40-х годах XIX века революционно-демократическая идеология достигает наиболее высокого уровня развития. Объективной предпосылкой этого была складывающаяся в 40-х годах в Польше революционная ситуация.

Высоко оценивая прогрессивную мысль польского народа и разоблачая космополитическую «теорию» А. Руге о мнимой зависимости польской философской и политической мысли от идеологических течений Западной Европы, Карл Маркс в период революции 1848 года писал: «Гражданин Руге приписывает всю образованность, которая существует в Польше, — или, выражаясь его языком, «возникла среди поляков или пришла к полякам», — пребыванию их за границей.

Мы показали, что полякам не надо было искать познания потребностей своей страны ни у французских политических мечтателей, которые с февраля месяца потерпели крушение на своих собственных фразах, ни у глубокомысленных немецких идеологов, которые не могли еще найти никакого повода для кораблекрушения; мы показали, что Польша сама — наилучшая школа для изучения того, что нужно Польше»[2].

На базе обострившихся социальных и национальных противоречий в Польше 40-х годов складываются оригинальные философские и полити-

---

[1] А. И. Герцен. Былое и думы, М., 1946, стр. 582.
[2] К. Маркс и Ф Энгельс. Соч, т. VI, стр. 410.

ческие теории выдающихся польских революционных демократов — Сцегенного и Дембовского.

Продолжателем идей польского революционного демократизма в начале 40-х годов в самой Польше был выдающийся крестьянский революционер *Петр Сцегенный* (1800—1890).

Сцегенный родился в семье крепостного крестьянина в Бильче под Кельцами. В обстановке материальных лишений и притеснений, с огромным трудом он получил среднее духовное образование (единственная в то время возможность для крестьянского сына выбиться «в люди») и возвратился в село ксендзом.

Ранние годы Сцегенного наполнены яркими впечатлениями глубокого недовольства польских крестьян введением в жизнь статута Варшавского герцогства (21 декабря 1807 года) о личной «свободе» крестьян, не получивших при этом земли. Он навсегда запомнил военные экзекуции в отношении крестьян, отказывавшихся после опубликования статута выходить на барщину, и сгон крестьян с земель, предназначенных помещиками под пастбища.

Годы обучения в семинарии оставили в памяти издевательства и презрение со стороны семинаристов из зажиточных семей и утвердили в сознании Сцегенного мысль, что паны не считают крестьян за людей и «Польша — не родина для крестьянина, а стойло для человеческого рабочего скота». Сцегенный убедился в том, что католическое духовенство враждебно польскому народу и ни в коей мере не стремится облегчить положение крестьянства.

В начале 40-х годов Сцегенный организовал подпольную крестьянскую организацию с целью осуществления восстания против польских помещиков и царского самодержавия. «Хлоп в сутане» стремился к слиянию аграрного крестьянского восстания с национально-освободительным движением. В протоколе следствия по делу Сцегенного его взгляды были сформулированы следующим образом: он считал, что «только подвинув простой народ к бунту против владельцев недвижимых имений, можно найти средства к восстановлению прежней Польши» [1]. Основная цель восстания, по заключению следственной комиссии, состояла в «истреблении дворян». Стремясь обеспечить единство действий крестьян с городскими ремесленниками, среди которых проводили пропагандистскую деятельность представители левого крыла общества «Объединение польского народа» и в первую очередь Эдвард Дембовский, Сцегенный вошел в контакт с варшавской группой этого общества. К правому, шляхетскому крылу «Объединения польского народа» Сцегенный относился с большим недоверием.

Э. Дембовский солидаризировался с программой действий Сцегенного и оказывал на него влияние, способствуя развитию его как революционного демократа. Программу крестьянского восстания вместе со Сцегенным составлял сподвижник Э. Дембовского Леон Мазуркевич. В этой программе на первом плане стояла полная ликвидация феодальных отношений в стране.

Восстание «Крестьянского союза» Сцегенного было намечено на конец октября 1844 года. За Сцегенным шло значительное количество крестьянства южной части «Царства Польского». Так, по свидетельству современников, на одну из сходок, организованных Сцегенным, пришло несколько тысяч человек. Однако царские власти раскрыли подготовку восстания. По доносу провокатора-шляхтича Сцегенный был арестован. Как

[1] ЦГИА в Москве, III отд., I эксп., фонд 109, 1844, дело 188, лист 15.

видно из пометок, сделанных рукой Николая I на полях донесений о ходе судебного следствия по делу Сцегенного, царское правительство придавало серьезное значение раскрытому массовому заговору. После инсценировки «помилования» приговоренного к смертной казни и уже стоящего на помосте под петлей Сцегенного он был сослан на каторгу в Сибирь. После разгрома «Крестьянского союза» шляхетские деятели из «Демократического общества», пытаясь опорочить революционный демократизм Сцегенного, принялись поносить его как якобы «русского шпиона».

Вернувшись в 1871 году после 25 лет пребывания в Сибири на родину, Сцегенный приветствовал борьбу польской рабочей организации «Пролетариат» и несколько раз встречался с ее деятелями. Умер Сцегенный в 1890 году в Люблине. Характерно, что революционное движение пролетариата приветствовали и ветераны общества «Польский народ», возродившие в 70-х годах свою организацию под ее прежним названием.

Главным произведением Сцегенного, в котором изложена его политическая программа и ярко отображены революционно-интернационалистские идеи, является знаменитая «Золотая книжечка». Это — революционное воззвание, призывавшее к антифеодальной революции, написанное в форме послания, якобы обращенного папой Григорием XVI к крестьянам [1]. В течение четырех лет «Книжечка» переходила из рук в руки, из одной крестьянской хаты в другую, и ни один крестьянин не выдал ее автора и не передал ее помещикам.

Кроме «Золотой книжечки», Сцегенным были написаны «Афоризмы о коллективной жизни», где он развивает идеи крестьянского утопического социализма. Его перу принадлежат также заметки «Об устроении крестьянских хозяйств», составленные в основном в сибирской ссылке, «Афоризмы о причинах несчастий, терзающих человечество», и некоторые другие работы.

В «Золотой книжечке» Сцегенный обращается к «крестьянам и ремесленникам, несчастным дворовым, мелким панским служащим (oficjalisty) и солдатам» (стр. 95)[2]. Автор «Книжечки» рисует простым труженикам картину тяжелой их жизни. «Ныне вы, дети мои, несчастны и хотя вы на всех тяжело трудитесь, однако не имеете ни еды, ни одежды; вы вынуждены терпеть голод и холод, ибо паны через оброк, налоги, десятину, барщину, даровщину (darmochy) и постойные забирают у вас плоды вашего кровавого труда» (стр. 100—101). Сцегенный объясняет крестьянам, что в их тяжелом положении виновата не судьба, божья воля, и т. п., а свои же польские паны. «Злые люди отобрали у вас все, превратили вас в невольников, заставили работать на них, отняли у вас возможность просвещения и развития, сделали вас тем самым убогими и несчастными» (стр. 96).

Разоблачая помещичьих эксплуататоров, Сцегенный отмечал, что союзниками помещиков выступают существующие правительства. После

---

[1] Любопытна судьба «Золотой книжечки». В 1892 году польские социал-демократы в эмиграции переделали ее в «Открытое письмо польскому рабочему народу, написанное Сцегенным». В этом «Письме» разоблачались фабриканты и помещики и их прислужники в деле угнетения и эксплуатации народа — ксендзы.

[2] Цитаты из «Золотой книжечки» даны в основном по приложению к книге: Z. Młynarski. Z dziejów demokracji polskiej, W-wa, 1946. В дальнейшем указываются только страницы. Первый русский перевод «Золотой книжечки» имеется в полицейском деле Сцегенного (ЦГИА в Москве, III отдел., I эксп., фонд 109, 1844, дело 188).

помещиков «монархи суть самые большие злодеи и бандиты». Сцегенный не идет дальше представления о том, что государственная власть — «союзник» господствующих в обществе классов. Появлению такой точки зрения способствовало и конкретное политическое положение Польши, расчлененной ее соседями. Тем не менее антинародный характер существующих правительств крестьянский философ раскрывает с большой силой. В «Афоризмах о причинах несчастий, терзающих человечество», Сцегенный писал, что правительства угнетают «бедноту» и тем самым помогают «господам», используя следующие средства: полицию и войско, тюрьмы и разжигание межнациональной розни. Правительства прибегают также к подкупу части народа с тем, чтобы направить его против основной массы угнетенных.

Особую роль в системе угнетения народов правительствами играет, по Сцегенному, церковь, которая закрепляет невежество в умах крестьян и ремесленников, учит их покорности и терпению, вколачивает им в голову представление о божественном установлении существующих общественных и политических порядков [1].

Польский крестьянский революционер, будучи идеалистом, искал причины эксплуатации в «непросвещенности» людей, однако он отнюдь не проповедовал «непротивления злу насилием», как уверяют буржуазные историки польской общественной мысли. Он решительно выступал против лживого религиозного морализаторства и бессильного абстрактного просветительства. Сущность церковной «нравственности» и правил поведения Сцегенный иронически излагает в следующих словах: «Исповедуй римско-католическую веру, ибо только в ней найдешь избавление, молись, постись, подавай милостыню и делай пожертвования, в первую очередь монастырям, чаще исповедуйся, кайся; презирай еретиков и отщепенцев; а избавление получишь после смерти, ибо нет и не может быть на земле счастья для человека. Если же ты родился шляхтичем, то соблюдай свой шляхетский гонор и в особенности не якшайся с крестьянами» [2].

Ортодоксальный католицизм, по Сцегенному, вообще не есть «истинная» религия. Он с возмущением указывал на то, что фанатизм, «страшный враг всех людей», разжигается больше всего именно Ватиканом, который стремится отвлечь народ от борьбы за свое действительное земное счастье. Фанатизм затемняет умы людей, натравливает их друг на друга к великой радости попов, иезуитов и «злодейских монархий». Сцегенный предупреждал крестьян ни в коем случае не показывать «Золотой книжечки» католическим священникам.

В IV разделе «Афоризмов о причинах человеческих несчастий» «хлоп в сутане» писал, что подлинное просвещение заключается не в проповедях благонравия и религиозного смирения, а в коренной переделке общественных порядков, уничтожении крепостничества. Путь к этому лежит, по Сцегенному, через народную, крестьянскую революцию.

В «Золотой книжечке» он непосредственно призывает крестьян к вооруженной борьбе: «Хотя вам и говорят, что вы терпите по воле божьей, и убеждают вас, чтобы вы покорно выносили все страдания, ибо они происходят от бога, — не верьте этому... Недруги же ваши не столь сильны числом, их даже немного. Справиться с ними вы сможете, стоит только пожелать. Если вы будете охранять друг друга от напасти, то сумеете себя защитить» (стр. 96—97). Ободряя крестьян, Сцегенный неустанно подчеркивает, что в единении сила, и зовет их к восстанию, при-

[1] Ср. Tyrowicz. Sprawa ks. Sciegiennego, W-wa, 1948, стр. 150—154.
[2] Цит. по приложению к той же книге, стр. 143.

зывая «перебить злых людей». «Не помогайте врагам вашим, дети мои, угнетать самих себя, но защищайтесь...» (стр. 97).

Крестьянское восстание, по мысли Сцегенного, должно положить конец феодальным порядкам, а также принести избавление от всяких несправедливостей городской бедноте. Он призывал крестьян к революционному союзу с «мещанами», понимая под последними городские плебейские элементы. В солдатах, учитывая их происхождение из среды самого народа, Сцегенный видел потенциальных сторонников крестьянского дела.

«Тяжело трудитесь вы, но трудитесь не на себя, но на панов, а так быть не должно. Пан такой же человек, как и крестьянин, имеет от бога ноги, руки и здоровье, может и должен сам себе зарабатывать на жизнь... Вы должны отобрать отнятую у вас землю и никаких за нее повинностей королям и панам не платить и не отрабатывать. Солдаты же — это тоже крестьяне и мещане; они, следовательно, должны держаться вместе с крестьянами и мещанами. Все хорошее для солдат исходит от крестьян и мещан, плохое — от королей и панов, поэтому они обязаны оборонять холопов и мещан, а от королей и панов как врагов рода человеческого отступиться» (стр. 101).

Большой интерес представляет точка зрения Сцегенного на характер войн. Не поднявшись до материализма, тем более до материализма во взглядах на общественную жизнь, польский крестьянский революционер идеалистически, исходя из моральных оснований, пытался разграничить справедливые и несправедливые войны. Несмотря на это, деление войн на два вида, развивавшее идеи гуманиста XVI в. Моджевского, было проявлением глубокого классового инстинкта Сцегенного. Возникновение этой догадки у Сцегенного было обусловлено тем, что в 40-е годы XIX века «феодально-династическим войнам противопоставлялись ...*объективно*, революционно-демократические войны, национально-освободительные войны» [1].

Несправедливые войны, по Сцегенному, — это войны, ведущиеся из-за «злых», корыстных побуждений. Именно такие войны ведутся «королями и панами». «Война — это наивысшее зло на свете. Война все уничтожает, несет с собой голод, мор, болезни... Короли и паны устраивают войны и велят воевать, чтобы вас ослабить, нагнать на вас страху, а вследствие этого с бо́льшим удобством вас обдирать. Короли и паны по-настоящему между собой не дерутся, только вас, мои дети, вас, подлинных крестьян и ремесленников, гонят воевать, как скот на бойню... Все войны, которые до сих пор были, велись панами и монархами с вашей помощью, чтобы еще сильнее вас загнать в ярмо, чтобы было легче вас обдирать и заставлять на них работать. Дрались вы между собой. Крестьянин и мещанин насильничал и убивал крестьянина и мещанина, заставляя их соблюдать верность королю и работать на короля и пана. Это были войны крестьян и мещан с крестьянами и мещанами ради блага и счастья панов да королей. Дрались вы между собой, чтобы панам да королям жилось хорошо...» (стр. 103).

От этих несправедливых войн Сцегенный отличает войны справедливые, которые ведут угнетенные против «злых людей», то есть угнетателей. Сцегенный выступает как глашатай справедливой войны народов против всех поработителей.

«Отобрать надо (земли и имущества. — *И. Н.*) силой, а применение силы приведет к войне... Войну эту бог благословит — война эта принесет вам счастье навеки... надо вам к этой войне готовиться.... *В будущей войне*

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 302.

польские и русские крестьяне и мещане станут на одной стороне, польские и русские паны и короли — на другой; крестьяне будут стрелять не в крестьян, но в панов... и после войны уже не будет никого, кто бы вас гнал на барщину, кто над вами и вашими детьми измывался бы...» [1].

Трудно переоценить значение призыва Сцегенного к союзу с революционным русским крестьянством. Призыв этот, провозглашенный также и Дембовским, а в начале 60-х гг. З. Сераковским и Я. Домбровским, ломал узкие рамки националистических предрассудков, подогреваемых польской шляхтой, и был обращен как к польским трудящимся, так и к великому русскому народу. И лучшие представители демократической России не только откликнулись на него, но сами словом и делом, еще до Сцегенного, учили этому русских и польских революционеров.

Знаменательно, что слова Сцегенного звучат в унисон со словами Н. Г. Чернышевского в его знаменитой статье «Национальная бестактность», где Чернышевский, опираясь на факты и солидаризируясь с точкой зрения Т. Г. Шевченко, на материале польско-украинских отношений выступает с обоснованием тезиса революционно-демократического интернационализма: «Малорусский пан и польский пан стоят на одной стороне, имеют одни и те же интересы; малорусский поселянин и польский поселянин имеют совершенно одинаковую судьбу...» [2].

Сцегенный облекал в религиозные формы идею социализма. Он считал, что свободное общество равноправных тружеников, соответствующее идеям «неиспорченного» христианства, уже существовало в давние времена, но было уничтожено эксплуататорами. По его представлениям, при социализме земля будет собственностью крестьянских общин, а производство будет носить индивидуальный характер; распределение продуктов должно совершаться по труду; образование будет бесплатным и всеобщим. Большую роль в будущих социалистических общинах, по мысли Сцегенного, должны играть приходские священники.

Не преодолев религиозных иллюзий, Сцегенный все же сумел не только стать в прямую оппозицию к официальной религии, но и использовать религиозную форму в интересах революционно-демократической пропаганды. В. И. Ленин писал: «Положение: «социализм есть религия» для одних есть форма перехода от религии к социализму, для других — *от* социализма к религии» [3]. Сцегенный, как и Ворцель, шел от религии к социализму. К. Маркс отмечал, что Дунс Скот заставил саму теологию проповедовать материализм. О Сцегенном можно сказать, что он религию заставил проповедовать революцию. Подняться до философского атеизма Сцегенный все же не сумел. Это сделал его соратник Эдвард Дембовский.

* * *

Вершину в развитии передовой домарксистской философской мысли в Польше XIX века представляет творчество *Эдварда Дембовского* (1822—1846). Не случайно фальсификацией мировоззрения и политической деятельности Э. Дембовского с особым усердием занимались австро-немецкие и польские помещичье-буржуазные историки вроде Зала, Кюне и других. В период пилсудчины Э. Дембовского изображали как мессианиста-фанатика, шляхетского националиста. Задача правильного освещения

---

[1] ЦГИА в Москве, III отд., I эксп., фонд 109, 1844, дело 188, лист 36 (курсив наш. — *И. Н.*).

[2] Н. Г. Чернышевский. Избр. философские произведения, т. III, Госполитиздат, М., 1951, стр. 448.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 378.

мировоззрения Дембовского и установления его подлинного исторического значения, как одна из наиболее актуальных, встает перед польскими историками-марксистами. Работы Верфеля, Пршемского, Слядковской и других кладут этому начало.

Э. Дембовский родился в 1822 году в Варшаве, в семье польского аристократа. Уже в 1839 году он принимал активное участие в деятельности варшавской группы подпольного патриотического «Объединения польского народа» и вскоре стал лидером левого крыла этой группы.

В конце 1841 года Дембовский основал журнал «Научное обозрение», который сыграл большую воспитательно-пропагандистскую роль. Демократическая молодежь «Царства Польского» горячо приветствовала печатавшиеся в нем статьи Э. Дембовского, которые теоретически обосновывали необходимость революции.

К концу 1842 года Э. Дембовский сложился как революционный демократ, выразитель интересов польского крестьянства и городской бедноты. Решающую роль в его политическом формировании сыграло нарастающее революционное движение народных масс. Под руководством Дембовского «Объединение польского народа» установило конспиративные связи с «Крестьянским союзом» Сцегенного. На 1844 год «Объединение польского народа» намечало патриотическое восстание во всей Польше, но летом 1843 года царская полиция раскрыла одну из групп «Объединения». Э. Дембовскому удалось бежать в прусскую часть Польши.

Развернув активную подпольную деятельность в «Великой Польше» (так называлась центральная часть исконных польских земель, находившихся под прусским господством), Дембовский завязал тесные отношения с революционно-демократическим «Союзом плебеев» и стал членом познанского Комитета представителей «Демократического общества». Вплоть до Краковской революции 1846 года он тесно сотрудничает с представителями «Демократического общества». Это было со стороны Дембовского вполне правильным тактическим шагом, вытекавшим из относительной слабости польской революционной демократии в середине 40-х годов, особенно после разгрома организации Сцегенного (1844). В познанском Комитете Э. Дембовский настойчиво проводил через головы представителей «Демократического общества» самостоятельную революционно-демократическую линию. Э. Дембовский рассчитывал на то, что в ходе самого восстания рост революционной активности масс устранит от руководства движением шляхетских лидеров, а лучших из них увлечет за народом. Для ускорения революционного взрыва Дембовский использовал как организационные возможности «Демократического общества», так и центробежные стремления мелкобуржуазно-шляхетских заговорщических групп, не желавших подчиниться эмигрантскому руководству.

Огромную роль в пропаганде идей национально-демократического восстания сыграли философские статьи Э. Дембовского, помещенные им в журналах «Rok», «Tygodnik literacki», «Dziennik domowy». По этим статьям видно, как назревал разрыв Дембовского со шляхетскими революционерами, эволюционировавшими к либерализму. Статьи: «Несколько мыслей об эклектизме» (1843), «Творчество в социальной жизни» (1843), «Несколько мыслей о развитии истории и социальной жизни у поляков» (1843), «О драме в современной польской литературе» (1843), «О прогрессе в философском понимании бытия» (1844), «Мысли о будущем философии» (1845), «О стремлениях нашего времени» (1845) — представляют собой основной материал для исследования мировоззрения Дембовского. «Многочисленные и разносторонние статьи Дембовского, кото-

рые всюду с жадностью проглатывались, свидетельствовали о могучем мыслителе; и хотя ему едва исполнилось двадцать лет, молодежь начинала уже видеть в нем своего идейного вождя» [1].

Последний, третий период деятельности Дембовского связан с Галицией (Южная Польша и Западная Украина, присоединенные к Австрии еще при первом разделе) и так называемой Краковской республикой. В Галицию он прибыл как эмиссар «Демократического общества» после высылки прусскими властями из Познанского герцогства. До прибытия в Галицию Э. Дембовский совершил конспиративную поездку по Западной Европе, углубляя завязавшиеся еще в Познани связи с немецкими революционными демократами и вступив в личный контакт с руководящим центром «Демократического общества» и видным буржуазным революционером Лелевелем.

В Галиции 40-х годов господствовали феодальные отношения. Ряд реформ со стороны австрийской короны, проведенных в конце XVIII — начале XIX века и имевших целью устранить «крайности» феодальной эксплуатации, не привели, однако, к уменьшению барщины. Галицийский крестьянин платил в 16 раз больше налогов, чем крестьянин Конгрессовой Польши (т. е. «Царства Польского»). Косвенные налоги на соль и табак составляли одну четверть этих налогов. Соляная монополия правительства особенно тяжело била по крестьянам.

В Галиции и Краковской республике существовали сложные национальные противоречия, в огромной степени характерные для всей Австрийской империи, которую Энгельс характеризовал следующими словами: «Пестрая, по кусочкам унаследованная и наворованная... эта организованная путаница из десяти языков и наций, эта бессистемная смесь самых противоречивых обычаев и законов...» [2]. Польские помещики Восточной Галиции нещадно эксплуатировали украинских крестьян. Насильственно отторгнутые от своей матери Украины, восточно-галицийские крестьяне изнывали в австрийской «тюрьме народов».

Как уже говорилось, в начале 40-х годов в Польше стала складываться революционная ситуация. Этому способствовал тот глубокий кризис феодально-абсолютистских режимов в Австрии и Пруссии, который в итоге привел к буржуазно-демократической революции 1848 года. Середина 40-х годов в Галиции характеризуется финансовой разрухой, затяжным кризисом барщинного хозяйства, полным обнищанием галицийского крестьянства.

Складывание революционной ситуации в Галиции привело к оживлению деятельности подпольных патриотических групп различных политических оттенков. Идеи общества «Польский народ» через все кордоны проникли в подпольные организации Галиции, способствуя политическому размежеванию в них. Говоря о предпосылках Краковской революции 1846 года, Маркс и Энгельс отмечали, что «последней борьбе Польши против ее чужеземных поработителей предшествовала скрытая, тайная, но решительная борьба в недрах самой Польши, борьба угнетаемых поляков против поляков-угнетателей, борьба демократии против польской аристократии» [3]. Однако революционно-демократическое направление не стало еще основным, определяющим деятельность большинства подпольных галицийских организаций.

---

[1] B. Limanowski. Historia ruchu rewolucyjnego w Polsce w 1846 r., Kraków, 1913, стр. 35.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 250.

[3] Там же, стр. 264.

В Галиции в начале 1846 года стало назревать стихийное крестьянское антипомещичье восстание. Известия об этом привели в панику буржуазно-шляхетских националистов. Стремясь предупредить революционный взрыв низов и помешать развертыванию крестьянской инициативы, познанский комитет заговорщиков назначил на февраль общепольское национальное восстание. Для того чтобы лишить Дембовского возможности влияния на решения руководства движением, комитет послал его в качестве эмиссара в Галицию. Но это привело к результатам, противоположным тем, которые были желательны для шляхетских националистов. В Восточной Галиции Дембовский в течение короткого времени не только добился значительных успехов в деле привлечения к движению ремесленников, украинских крестьян прилегающих ко Львову сел, солдат и студенчества, но и придал агитации среди народа революционно-демократический характер. Подводя итоги своей подпольной деятельности в Западной Украине, Дембовский с гордостью писал: «Я жил среди галицийского простонародья, работал с ним в конспирации, агитировал за социальную революцию; я видел, как в Тарновском —мазуры, а в Самборском—русины (так называли украинцев. — *И. Н.*) всей душой воспринимали революционные идеи и передавали их дальше друг другу» [1].

22 февраля 1846 года вспыхнула Краковская национально-демократическая революция, к которой в основном и свелось подготовлявшееся общепольское восстание, хотя спорадические вспышки имели место во всех частях Польши. Созданное в Кракове повстанческое правительство было неспособно стать руководителем революции. Большинством его членов были шляхетские демократы с буржуазно-либеральной тенденцией. Их тактика была направлена на срыв массового восстания и превращение его в шляхетское движение, на саботаж аграрных реформ. Шляхетское руководство с большим неудовольствием встретило прибытие в Краков Дембовского — уже зрелого народного вождя, за которым стояли ремесленники Кракова и рабочие соляных разработок Велички, благодаря смелым и инициативным действиям польского революционного демократа примкнувшие к краковянам. Под давлением масс Дембовского пришлось ввести в состав правительства. Фактически он становился вождем революции и вдохновителем всех наиболее последовательных ее мероприятий, хотя и не смог направить общий ход развития событий в Кракове по революционно-демократическому пути.

Десять дней революционных событий 1846 года в Кракове были наполнены борьбой между фракциями в правительстве вокруг практического решения вопроса о том, какой классовый характер примет революция — шляхетские националисты или революционные демократы поведут за собой крестьянство.

19 февраля началось крестьянское восстание в Галиции, которое охватило около 12 000 польских и украинских крестьян. Австрийская бюрократия приложила усилия к тому, чтобы использовать неумение крестьян разобраться в политической обстановке и их «царистские» иллюзии и направить восставших крестьян против польских революционеров Кракова. Однако крестьяне в основном обрушились на поместную шляхту, а затем выступили и против австрийских властей, требуя официальной отмены барщины, ликвидации казенной монополии на соль, табак, водку, передачи народу помещичьей земли. Это было аграрное восстание крестьянства. «Для *галицийских* крестьян ... вопрос собственности сводится к

---

[1] E. Dembowski. Rewolucja a lud, в газете: „Dziennik rzadowy Rzplitej" Kraków, 1846, № 2.

превращению феодальной земельной собственности в мелкобуржуазную земельную собственность. Он имеет для них тот же смысл, как и для *французского* крестьянства 1789 г.» [1].

Восстание галицийских крестьян свидетельствовало о правоте Дембовского, глубоко верившего в революционные возможности крестьянства. Восстание показало провал основных расчетов буржуазно-шляхетских революционеров из «Демократического общества», которые пытались выхолостить из прокламируемой ими «социальной революции» ее революционное содержание.

Только тактика Дембовского, направленная на развязывание классовой борьбы народа против отечественных угнетателей, намечала правильный путь к освобождению Польши: изоляция помещиков означала бы изоляцию контрреволюционных сил, а тем самым усиление народа. Как пишет Дембицкий в своих воспоминаниях и Вавель Луи в «Хронике Краковской революции», Дембовский с радостью воспринял весть о событиях под Тарновым, увидя в них подтверждение своих упований на классовый инстинкт галицийского крестьянина.

В газете Краковского революционного правительства Дембовский открыто выступил на защиту восставших крестьян, оправдывая их действия. В статье «Революция и простой народ» Дембовский писал: «Галицийский крестьянин не уважает владельца деревни и вообще никого, кто не носит сермяги; но разве можно от него требовать уважения по отношению к тем спесивым людям, которые совершали по отношению к нему всяческое живодерство, били плетьми и оскорбляли по-всякому? Галицийский экс-шляхтич в самые скверные дни посылал крестьянина по дорожной повинности, а когда тот три дня проводил в пути, пан ему в отработки заносил едва один день. Если хлоп недостаточно низко поклонился, то получал плети по всей законной форме, с протоколом; если же хлоп возымел чувство собственного достоинства и хоть словечко ответил пану, то его называли наглым и дерзким бунтовщиком...» [2].

25 февраля был опубликован манифест «Ко всем полякам, умеющим читать», составленный в основном Дембовским и представлявший собой ответ революционной демократии Кракова на крестьянское восстание. Манифест угрожал смертной карой помещикам, которые саботируют выполнение решений революционного правительства о ликвидации феодальных повинностей, и проводил мысль, что крестьяне должны не пассивно ждать свободы из рук «экс-шляхты», а взять ее собственными руками и защищать оружием от посягательств врагов народа. В этом манифесте, а также в воззвании «К гражданам Царства Польского» было дано более конкретное решение вопроса о наделении землей безземельных. Однако и в этих документах не получила отражения точка зрения Дембовского, требовавшего, судя по воспоминаниям современников [3], национализации всей земли.

Краковский манифест от 25 февраля 1846 года был наиболее революционным документом восстания, который сыграл в свое время большую практическую роль и стал своего рода завещанием польской революционной демократии 40-х годов последующим поколениям. Следует отметить, что землей по манифесту наделялись все категории крестьян, а помещики за ту часть земли, которая у них изымалась, не получали никакого

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 208.

[2] E. Dembowski. Rewolucja a lud, „Dziennik rzadowy...“, Kraków, 1846, № 2

[3] См. Kosiński. Sprawa polska z roku 1848, przed sad opinii publicznej wydana, 1850, стр. 57—58.

вознаграждения. Манифест не ликвидировал помещичьего землевладения полностью, но в условиях развития активности масс мог стать этапом на пути дальнейшего углубления аграрных преобразований. Именно с таким критерием подходили Маркс и Энгельс к оценке мероприятий Краковской революции.

Восстание в Кракове было разгромлено. При попытке установить связь революционных краковян с крестьянами Галиции погиб сам Дембовский.

Участие в Краковской революции было кульминационным пунктом в деятельности Дембовского как революционного демократа. Сама эта революция, хотя и кончилась поражением, сыграла важную роль в освободительном движении Польши и других стран Европы.

Маркс и Энгельс рассматривали ее как пролог европейской буржуазно-демократической революции 1848 года. 1846 год ускорил процесс размежевания политических лагерей в самой Польше, что в конечном счете могло лишь способствовать усилению народного движения. Под влиянием восстания 1846 года в Кракове и революции 1848 года к идеям революционного демократизма пришел Адам Мицкевич.

На Краковскую революцию основоположники марксизма указывали как на социальную революцию угнетенных и рассматривали ее в тесной связи с галицийскими событиями, учитывая при этом, что борьба городских низов в этой революции не смогла все же полностью слиться в единый поток с крестьянским движением. Развивавшуюся польскую революционную демократию и лучшую часть шляхетско-буржуазных революционеров Маркс и Энгельс, как известно, в канун 1848 года рассматривали как союзников европейского пролетариата в буржуазной революции. Указание Энгельса на «почти пролетарскую смелость» борцов 1846 года и та высокая оценка Марксом и Энгельсом идейных заветов Краковской революции, которую мы находим в «Манифесте Коммунистической партии» и «Речах по польскому вопросу», прежде всего должны быть отнесены к революционно-демократической группе Дембовского. Именно о группе Дембовского писал Маркс: «Люди, которые стояли во главе краковского революционного движения, имели глубокое убеждение в том, что только демократическая Польша могла быть независимой и что польская демократия невозможна без упразднения феодальных прав, без аграрного движения, которое превратило бы крепостных крестьян в свободных собственников, собственников современных» [1].

Рассмотрим мировоззрение Э. Дембовского. Социально-политические взгляды Дембовского сложились в 1842—1844 годах под воздействием назревший в Польше революционной ситуации. Большое значение при этом сыграли многочисленные его поездки по делам патриотической конспирации, во время которых он основательно познакомился с положением польского крестьянина.

Страдания польского крестьянина, задавленного нуждой и непосильным трудом, Дембовский ярко описал в «Путевых заметках» и других очерках.

Виновников тяжелого положения крестьянства Дембовский видит в польской поместной шляхте. Он называет ее «дьявольской», «звериной», «непольской», «антинародной».

Дембовский клеймил половинчатые реформы в экономической и политической жизни как «эклектические», уводящие в сторону от правильного решения насущных вопросов. «Что же касается чистого социального

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 263.

эклектизма, то он является полной реакционностью: он хочет придать конституционно-монархическую форму правительству, *сохранить привилегии и собственность в руках шляхты и в то же время успокоить народ.* Но это абсурд, который не может существовать, ибо это гнило, бессильно, бессмысленно»[1]. Таким образом, Дембовский считал реакционной программу сохранения в том или ином варианте основной земельной собственности в руках шляхты, что, как известно, было одним из центральных пунктов программы «Демократического общества». Знаменитая статья Дембовского «Несколько мыслей об эклектизме» (сентябрь 1843 года) своим острием и была направлена против шляхетско-буржуазных демократов из «Демократического общества» типа Либельта и Хельтмана, которые стремились подменить социальную революцию половинчатой реформой. Все упования свои польский революционный демократ Дембовский возлагал на крестьянскую революцию, которую он считал неизбежной.

В статьях познанского периода Дембовский неоднократно обращался к критике капиталистического строя и буржуазной демократии[2]. Приветствуя французскую революцию 1789—1893 годов, он видел ограниченность тех социальных преобразований, которые она с собой принесла. Дембовский указывает на тяжелое положение нещадно эксплуатируемого капиталистами западноевропейского пролетариата, в чем он сам воочию убедился во время своих поездок в Западную Европу, и делает следующий вывод: «Следовательно, должно наступить иное разрешение рабочего вопроса, отличное от всего того, что до сих пор имело место...». Это «иное разрешение» рабочего вопроса Дембовский видит в революции, причем эта революция, подобно крестьянской революции в Польше, как полагает он, непосредственно откроет двери в социалистическое общество.

Изложение взглядов Дембовского на революцию и ее задачи было бы искаженным, если бы мы не показали их связи с разрешением им национального вопроса. Взгляды Дембовского по национальному вопросу характеризуются глубоким интернационализмом. Вопрос о национальной независимости Польши, который заставил его самого броситься в вихрь политической борьбы, он сумел подчинить главному вопросу — о социальном освобождении польского народа — и решить его, исходя из требований последнего. Это ставит Дембовского, наряду со Сцегенным, выше многих других польских демократов его времени. Именно к Дембовскому в полной мере приложимы слова «Новой Рейнской газеты»: «Заслуга поляков состоит в том, что они первые признали и провозгласили земельную демократию как единственно возможную форму освобождения всех славянских наций...»[3]. Теоретическая и практическая деятельность Дембовского служила превращению польского национально-освободительного движения в борьбу за «земельную демократию» крестьянства.

Борьба Дембовского за интересы польского крестьянства, его горячая любовь к угнетенным соотечественникам неразрывно связаны с его кипучим патриотизмом. В одной из подцензурных статей он писал, что «любовь к целости народа (naród)» есть следствие «любви к простому народу (lud)». Тем самым мыслитель подчеркивал глубоко патриотический

---

[1] Цит. по журналу «Вопросы философии», 1950, № 3, стр. 352 (подчеркнуто нами. — *И. Н.*).

[2] Из круга сторонников Дембовского вышла восторженная рецензия на книгу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», напечатанная в журнале «Rok», Poznań, 1846, т. II.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 410.

смысл своей борьбы против польских помещиков, которых он не только не включал в «народ», но и считал «непольской кастой», антипатриотами, по самой их сущности эксплуататоров народа.

Патриотизм Дембовского вытекал из его революционного демократизма и был глубоко враждебен болтовне помещичьих националистов, опошлявших это великое слово и пытавшихся отождествить польский народ с польской шляхтой.

Важно подчеркнуть, что патриотизм Дембовского был свободен от влияния националистической идеологии мессианизма. Критикуя мессианизм с его «культом героев», Дембовский писал: «Польская философия (в виду имеются взгляды самого Дембовского. — *И. Н.*) признает простой народ за главный фактор, а мессианизм легкомысленно возвышает одного гениального человека над народом. Польская философия верит в простой народ, а мессианизм верит в личности. Польская философия ближайшей социальной целью считает самостоятельность народа, а мессианизм — рабское обожание какого-то гения» [1].

Дембовский был принципиальным противником любой формы национального угнетения и расизма. Глубоко актуально звучат его слова возмущения по поводу жестокой эксплуатации негров в США, слова призыва к дружбе между народами. Главным тезисом в его взглядах по национальному вопросу было требование революционной взаимопомощи народов в борьбе против угнетателей и эксплуататоров, требование, продолжавшее революционно-интернационалистические призывы Ворцеля, Кренповецкого и Сцегенного.

Судя по воспоминаниям Веселовского, Дембовский неоднократно напоминал о традициях декабристов и о их связях с польскими патриотами. В «Очерке истории польской литературы» Дембовский приветствовал войну украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого против польских помещиков и ксендзов в XVII веке. Не случайно, что ни в «Золотой книжечке» Сцегенного, ни в статьях Дембовского совершенно не затрагивается вопрос о будущих границах Польши, который для правого крыла «Демократического общества», не говоря уже об аристократической клике, был основным. Исходя из принципа свободного самоопределения народов, Дембовский считал вопрос о границах подчиненным.

Дембовский был решительным врагом панславизма и славянофильской идеологии, которая транспортировалась в Польшу из России и Чехии. Подобно Христо Ботеву, он разоблачал панславизм как внутренне противоречивую и лицемерную антинародную политику, направленную на подчинение славянских народов царской деспотии. Панславизм — это «амальгамация в одну эклектическую массу разнородных стихий, сближаемых лишь механически...» [2]. В то же время Дембовский неоднократно выступал против космополитизма ряда помещичьих идеологов. Он показал, например, что мессианист Цешковский соединяет ярый национализм со служением космополитической идеологии Ватикана.

Конечным результатом успешных народных революций во всех странах, несущих освобождение от социального и национального гнета, Дембовский считал возникновение социалистического общества. Он писал, что «свобода может быть только там, где нет собственности», имея в виду частную собственность. Поэтому в социалистическом обществе «народ будет иметь собственность, но никто из отдельных лиц не будет иметь ее» [3].

[1] „Rok", Poznań, 1844, т. VI, стр. 11.
[2] E. Dembowski. Pismiennictwo polskie w zarysie (P. P. Z.), Poznań, 1845, стр. 5.
[3] „Tugodnik literacki" (T. L.), Poznań, 1843, стр. 189.

В статьях «Творчество в социальной жизни» и «О ступенях в философском понимании бытия» Дембовский формулирует основной принцип будущего общества как обязанность трудиться по способностям и наклонностям в сочетании с правом пользоваться материальными благами вначале по труду, а впоследствии по потребностям, почетом же, авторитетом и удовольствием от творческого труда — по заслугам.

Дембовский, говоря о чертах будущего, коммунистического общества, по ряду вопросов близок к Сен-Симону и Фурье, учения которых были ему известны. Он высоко ценил корифеев социалистическо-утопической мысли за критику современного общества и предвосхищение в некоторых чертах будущего строя. Но утопический социализм Дембовского, будучи органически связан с его революционным демократизмом, качественно отличался от учений французских социалистов-утопистов и напоминал по своим особенностям утопический социализм великих русских революционных демократов. Особой исторической роли пролетариата Дембовский не понимал.

Борясь за народную революцию как решающее средство для достижения социализма, Дембовский вскрывал те пороки во взглядах Фурье и Сен-Симона, которые уводили их от народа и сближали с буржуазными реформистами. Он подчеркивал, что социалистическое учение должно быть в принципе свободно от «всякого эклектизма», то есть реформизма. Дембовский критиковал религиозно-иерархические увлечения сен-симонистов, а в статье об эклектизме писал о Фурье: «Что касается области социального утопизма, то если б эклектик мог быть утопистом, или утопист эклектиком, он имел бы облик ученика Фурье. Упаси бог, чтобы мы хотели отказать великому мужу в признании его бессмертных заслуг, его глубоких мыслей и устремлений, его трудов о введении коллективизма. Мы хотим лишь указать, что у него есть момент эклектизма в том, что он сохраняет существующую форму частной собственности, сохраняет нетрудовой капитал, получаемый по наследству или вытекающий из социального положения, и устанавливает распределение дохода, получаемого от коллективного труда, не по труду, а по имуществу. Но это оказывается стремлением объединить существующее зло и прогресс, а следовательно, это эклектизм» [1].

Что касается эпигонов французской утопически-социалистической мысли, то Дембовский считал их идейными выразителями интересов буржуазии. Он указывал, что в своих реформистских проектах они сродни Луи Блану и прочим мелкобуржуазным и буржуазным доктринерам. Еще более решительно выступал Дембовский против тех, кто пытался «соединить» пропаганду социализма с религией.

Теоретической основой своего учения о социализме Дембовский считал разрабатываемую им «философию творчества», которая являлась общефилософской базой и его революционного демократизма в целом. Переходя к рассмотрению философских взглядов Дембовского, следует иметь в виду, что они претерпели сложную эволюцию, в ходе которой мыслитель перешел от защиты гегелевской философии к ее острой критике. Направление этой эволюции определялось политическим развитием мыслителя.

Уже в первом своем философском труде «Очерк развития философских понятий в Германии» Дембовский отрицает претензии философии Гегеля на абсолютную истину. Истинная философия, «философия будущего», говорит он, должна быть еще создана. «Нашим лозунгом должно

[1] «Rok», 1843, т. IV, стр. 18.

быть: всегда вперед! Всегда смело! Для нас не может быть удобным предлогом то, что самый значительный из философов затаил выводы, вытекающие из его философии... Его позиция была незавершенной» [1].

Следующая крупная философская работа Дембовского «Несколько мыслей об эклектизме» была написана им в 1843 году в Познани. Она ясно показывает, что Дембовский не пошел по проторенной тропинке немецких младогегельянцев. В этой работе Дембовский с позиций революционного демократизма подвергает критике политические взгляды Гегеля. Дембовский пишет, что сословная конституционная монархия представляет собой не «венец» исторического развития, как считал Гегель, но «эклектическое», половинчатое учреждение, призванное приглушить революционную инициативу народа и отвести справедливый гнев крестьянства от помещичьих голов. Дембовский, правда, преувеличивает самостоятельность той роли, которую в конституционной монархии играют «эклектические», по его терминологии, элементы. Мыслитель не понимал того, что государственная власть не *союзник* того или иного сословия, как это получилось у Дембовского и Сцегенного, но *орудие* в руках господствующего класса.

В статье об эклектизме Дембовский приходит к выводу, что гегельянство «примиряется с существующим общественным злом, а тем самым не приходит к конечным выводам, которые могут из него вытекать» [2]. Польский революционный демократ не раз возвращается к мысли, что Гегель был «эклектиком» в специфическом значении этого слова, т. е. философом, стремящимся «примирить» партии прогресса и реакции. Бесспорно, что более конкретно, чем Дембовский, определял позицию Гегеля Чернышевский, который писал, что Гегель «умеренный либерал, чрезвычайно консервативный в своих выводах, но принимающий для борьбы против крайней реакции революционные принципы в надежде не допустить до развития революционный дух, служащий ему орудием к ниспровержению слишком ветхой старины» [3]. Существенным недостатком критики Дембовским Гегеля было то, что в отличие от Чернышевского он не выступил против идеализма Гегеля как философской основы его мировоззрения.

Свою критику гегелевской философии Дембовский развил в ходе анализа известного положения Гегеля: «Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно».

В «Мыслях о будущем философии» (1845) Дембовский формулирует свое революционно-демократическое понимание соотношения разумного и действительного. Разумно то, что прогрессивно, полно творческих сил. То, что лишено жизни, развития, не может быть разумным. Задача, стоящая перед лагерем прогресса, состоит в том, чтобы освободить те, скованные пока реакцией силы, которые рвутся на волю. «Все должно стать разумным или все должно стать свободным» [4]. Разумным является насильственное уничтожение старого наравне с «эклектическими силами», выступающими в роли его скрытых защитников. Освобождение крестьянства от шляхетского ярма — вот задача, стоящая перед силами разумного, прогрессивного в самой Польше. К числу «эклектиков», которых должна постигнуть судьба всех скрытых и явных сторонников старого,

---

[1] „Przegląd naukowy“ (P. N.), Warszawa, 1843, т. II, стр. 246.

[2] «Rok», 1843, т. IV, стр. 4.

[3] Н. Г. Чернышевский. Избр. философ. произв., т. III, Госполитиздат, М., 1951, стр. 164.

[4] «Rok», 1845, т. IV, стр. 13.

Дембовский относил польских помещичьих либералов типа Цешковского и группы «3 мая» в эмиграции, которая использовала в качестве своего девиза наиболее устарелые идеи польской конституции 1791 года, прогрессивной для своего времени.

Значительную роль в философской эволюции Дембовского сыграло его знакомство в середине 1842 года с одной из работ молодого Энгельса, направленных против Шеллинга: брошюрой «Шеллинг и откровение». Требование поставить философию на службу борьбы за освобождение народа, революционное толкование диалектики и разоблачение реакционных сторон гегелевской философии — эти идеи брошюры Энгельса были органически восприняты Дембовским. С целью популяризации работы Энгельса о Шеллинге он напечатал ее изложение на страницах «Научного обозрения», а в октябре 1842 года там же опубликовал собственную статью «Берлинские лекции Шеллинга», в которой дает оценку «философии откровения», основываясь на идеях Энгельса.

Идеи молодого Энгельса способствовали формированию Дембовского и как атеиста. К атеизму Дембовского вело его глубокое классовое чутье крестьянского демократа. От его острого взора не укрылась роль католической церкви в Польше как проводника помещичьего гнета и вдохновителя аристократической реакции.

В работах 1844—1845 годов Дембовский пришел к выводу, что развитие религиозных представлений определяется изменением форм социальной жизни. Однако тезис этот понимался Дембовским смутно, в самом общем виде. В статье «О стремлениях нашего времени» (1845) он попытался даже набросать схему развития религиозных взглядов от средневековья до современности, но не смог пойти дальше следующего сопоставления: если феодальной эпохе «соответствовал» ортодоксальный католицизм, то периоду борьбы за буржуазные преобразования в странах Европы «соответствуют» взгляды различных неохристианских сект.

В противоположность Фейербаху, старавшемуся создать новую религию, но без бога, Дембовский решительно выступал против всякой религии. В этом и было существенное отличие его от младогегельянцев, которые пытались заменить христианскую религию лишь другой религией, более утонченной.

Всякую религию Дембовский называет конгломератом «обмана, насилия, глупости и предрассудков». В статье «Польский дьявол» (1843) Дембовский с большой силой обрушился на религию и церковь как источник невежества и мракобесия. В «Очерке истории польской литературы» Дембовский вскрыл гнусную роль католического духовенства в деле закрепления и усиления эксплуатации крестьян. В статье об эклектизме мыслитель решительно отсекал всякую попытку притянуть религию к теоретическому обоснованию революции. О «христианском социализме» Ламеннэ Дембовский писал: «Примирение принципов католицизма с народными принципами есть подлинный абсурд, есть эклектизм, механическое сближение мысли реакционной и мысли прогрессивной, народной»[1].

Атеизму Дембовского была свойственна определенная ограниченность. Не став на позиции материалистического понимания истории, он не видел того, что религия не только состоит на службе у эксплуататоров, но необходимо порождается и поддерживается в умах самим характером экономического строя общества как элемент его надстройки. Поэтому Дембовский в религии видел препятствие революционному просвещению

---

[1] «Rok», 1843, т. IV, стр. 16.

масс, но не понимал, что «критика религии есть... *в зародыше* критика той юдоли плача, *священным ореолом* которой является религия» [1].

Переход Дембовского в 1842—1843 годах на позиции атеизма был существенной предпосылкой его становления как материалиста.

«Очерк развития философских понятий в Германии» (1842) был написан Дембовским с идеалистических позиций. Однако уже в этой работе он подчеркивает, что необходимо создать качественно новую философию, «философию творчества». Она должна быть «устремлена» в будущее и призвана, по его заявлению, ликвидировать тот разрыв между теорией и практикой, который был характерен для всей предшествовавшей философии. Выдвигая это положение, Дембовский исходил из требований, выдвигавшихся самой практикой антифеодальной борьбы масс; он стремился опереться также на традиции Коперника, Сташица, Коллонтая и Я. и Е. Снядецких, призывавших к созданию таких научных теорий, которые служили бы интересам жизненной практики. Правда, само понимание практики у Дембовского, как и у его предшественников, не было еще научным.

Развивая идею о том, что в основу «философии будущего» должен быть положен «принцип творчества», польский революционный демократ в ряде статей познанского периода своей деятельности понимал его как методологическую категорию. Принцип этот означал признание активности мирового начала, а в применении к политике — защиту права угнетенных на борьбу за свое освобождение, к искусству — требование боевой «страстности» и гуманизма. В ряде статей Дембовский толкует принцип «творчества» как призыв к «любви к простонародию», что в свою очередь означает у него требование крестьянской революции.

В 1845 году происходит переход Э. Дембовского на позиции материалистического понимания принципа «творчества». Три года тому назад в очерке о немецкой философии польский мыслитель возражал против того, чтобы первичной считать чувственно воспринимаемую действительность; он толковал «творчество» как некую идеальную прасилу. Теперь в «Мыслях о будущем философии» Дембовский при характеристике своего основного философского принципа сравнивает его с многокачественной чувственной материальной действительностью, о которой пишет Фейербах в «Основах философии будущего». В 1845 году Дембовский заявляет, что творчество находится в таком отношении к разуму, мышлению, в каком «жизнь находится к мысли о жизни» [2]. Именно в это время польский мыслитель делает попытку подойти материалистически и к решению вопросов общественной жизни.

Материализм Дембовского не получил вполне законченного выражения, не отлился в четкие формулировки. В своих последних статьях Э. Дембовский идет по пути истолкования в материалистическом смысле ряда гегелевских терминов. Так, следует отметить важное замечание Дембовского о том, что «творчество» нельзя отождествлять с гегелевским «становлением», ибо последнее — не более как абстракция, лишенная «собственной энергии» [3]. Категорию «вещь», в противоположность Гегелю, для которого «Ding» есть лишь один из этапов саморазвития абсолютной идеи и представляет собой не более как абстрактное понятие «вещи» вообще, Дембовский понимает как форму развивающейся материи.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 400

[2] «Rok», 1845, т. IV, стр. 13.

[3] «Rok», 1844, т. VI, стр. 9.

Материалистическое перетолковывание гегельянских терминов, весьма характерное для статей Дембовского 1844—1845 годов, свидетельствовало о поисках польским революционным демократом новых выражений, адэкватных его новым философским идеям. Эти свои идеи Дембовский противопоставляет как немецкому идеализму, примиряющемуся с действительностью путем лишь иного ее истолкования, так и старому, метафизическому материализму с его фаталистическим, пассивно-созерцательным подходом к человеку.

Дембовский объективно шел в направлении к созданию новой, более высокой формы материализма, которая была бы свободна от недостатков старого, метафизического материализма. Поэтому, выступая продолжателем материалистических традиций Сташица и Коллонтая и давая в «Очерке истории польской литературы» высокую оценку этим мыслителям, Дембовский, однако, не был продолжателем их метафизической методологии. Правда, уже у этих польских мыслителей можно обнаружить отдельные элементы диалектики, выразившиеся, например, в постановке Коллонтаем вопросов о взаимодействии ощущения и мышления и о связи свободы и необходимости [1], или в учении Сташица о борьбе между прогрессивными группами и силами реакции в ходе исторического развития общества, а также в отношении этих философов к идеям эволюции [2].

Дембовский рассматривал вопрос об активности человеческого индивида, как одну из наиболее существенных философских проблем. Диалектика социального развития и борьбы являлась главным объектом его теоретических исследований. К диалектике стихийно толкала Дембовского практика революционного движения. Свое отношение к диалектическому методу Дембовский четко определил в ходе освоения, а затем критики диалектики Гегеля.

Борьба за революционную диалектику, в связи с попыткой обоснования единства философской теории и революционной практики, явилась наиболее важной частью теоретического наследства Дембовского. Этс было то существенно новое, что он внес в историю передовой польской философской мысли.

Отдельные элементы диалектики, как уже отмечалось, имели место в трудах польских материалистов и до Дембовского. Кроме сказанного выше, следует отметить диалектические идеи, имевшиеся в работах Ворцеля. Необходимо также указать на книгу Енджея Снядецкого «Теория органических существ» (1804), в которой проводилась идея неразрывной связи организма и среды и давалось определение жизни как процесса постоянного обмена веществ между материальными органическими структурами и внешней средой [3]. В трудах Коллонтая и Сташица по геологии приводился обширный и убедительный материал в пользу тезиса об изменчивости земной коры во времени под влиянием различных взаимодействующих друг с другом физико-химических факторов. Написанные за 30 лет до появления «Принципов геологии» Ляйэлля и оставшиеся почти неизвестными за пределами Польши, «Исторические исследования» Коллонтая были направлены на защиту тех идей, которые в середине XVIII века развил М. В. Ломоносов в сочинении «О слоях земных». В «Человеческом роде» Сташиц, использовав огромный историко-фактический материал, в том числе труды М. В. Ломоносова по истории Рос-

---

[1] См. H. Kołłątaj. Porządek fizyczno-moralny, т I, разд. IX, Krakow, 1810.

[2] См. St. Staszic. Dzieła, т. VIII. кн. X, W-wa, 1820.

[3] См. Jędrzej Sniadecki. Teoryja jestestw organicznych, т. I, разд. I, § 13, W-wa, 1804.

сии [1], сделал попытку преодолеть узкие рамки антиисторизма, свойственные метафизическому материализму XVIII века, в частности, при рассмотрении проблем социологии.

Однако Дембовский был первым, кто в Польше, следуя тем путем, которым раньше его и дальше его пошли в России Белинский и Герцен, попытался создать учение о диалектике, которое сыграло бы роль философской основы борьбы масс за свое освобождение. Дембовский был первым, кто в Польше попытался сознательно развить диалектику как *теорию.*

В своей диалектике Дембовский учил о вечном и бесконечном развитии природы и общества. «Творчество» развивается по диалектическим законам, утверждал Дембовский. Подобно Белинскому и Ботеву, писавшим о невозможности положить конец социальному прогрессу, Дембовский, подчеркивая его вечность, с уверенностью восклицал: «Никому не удастся приказать человечеству: здесь, но ни шагу дальше!» [2].

В ряде статей 1843—1844 годов и в особенности в работе об эклектизме Дембовский развивает положение о том, что борьба противоречий составляет содержание процесса развития во всех областях действительности. «Прогресс, — пишет он, — является столкновением противоречащих друг другу сил, которые в результате взаимной борьбы и соответственно в итоге победы одной силы над другой ведут к созданию нового организма и составляют прогресс, жизнь именно потому, что вновь ведут непрерывную борьбу с новыми элементами» [3]. Новое, растущее в этой борьбе необходимо одерживает победу над старым. «Что не развивается, то не заслуживает жизни и не имеет ее, то мертво, гибельно, зло» [4]. Старое и новое, считал Дембовский, примирить невозможно.

Особое внимание Дембовский уделяет острой критике попыток истолковать диалектику борьбы противоречий в духе их конечного примирения. Идея примирения противоречий была основой политической концепции польских правогегельянцев, которые выступали врагами Дембовского как на философской, так и непосредственно на политической арене борьбы. На этой позиции стояли шляхетско-буржуазные либералы из Познанского ЦК «Демократического общества» (Либельт). На этой позиции в ходе Краковского восстания стояли противники Дембовского в повстанческом правительстве. Стремление к примирению, компромиссу между новым и старым в самых различных областях общественной жизни Дембовский называет «эклектизмом». Эклектизм, по Дембовскому, может иметь место как в теории, так и на практике, причем обе его формы тесно связаны между собой. Они обнаруживаются в социальной борьбе, политических теориях, литературе, науке, философии, религии и т. д. В отличие от младогегельянца Эдгара Бауэра, ограничивавшегося демагогическим «разносом» пресловутой «золотой середины», Дембовский стремится раскрыть реальный политический смысл «эклектических» теорий и развивает ту критику «эклектизма», которая была намечена в статье «О собственности» Ворцелем. «Под плащом эклектизма, — пишет Дембовский, — чаще всего кроются самые опасные враги прогресса, желающие путем внесения умеренности в принципы прогресса привести их к гибели» [5].

Следует подчеркнуть, что решительная борьба польского революцион-

---

[1] См. St. Staszic. Dzieła, т. VII. W-wa, 1819, стр. 550.
[2] «Rok», 1844, т. VI, стр. 16.
[3] «Rok», 1843, т. IV, стр. 7.
[4] «Przeglad naukowy» (P. N.), 1943, т. II, стр. 125.
[5] «Rok», 1843, т. IV, стр. 28.

ного демократа против «эклектического» либерализма отнюдь не исключала, как и показала его политическая практика, временных союзов с теми или иными общественными группами на определенном этапе революции. В этой связи уже говорилось, например, о его тактике по отношению к «Демократическому обществу».

Борьба Дембовского против «эклектизма» сыграла важную роль в философской и политической жизни Польши 40-х годов XIX века и вошла как одна из лучших страниц в историю польской материалистической философии. Как подлинный революционер-демократ Дембовский выступил против соглашателей, весь ум и совесть которых, употребляя выражение В. И. Ленина, состояли в том, «чтобы пресмыкаться пред тем, кто сейчас сильнее, чтобы путаться в ногах у борющихся, мешать то одной, то другой стороне, притуплять борьбу и отуплять революционное сознание народа, ведущего отчаянную борьбу за свободу» [1].

Бичующая критика Дембовского по адресу «эклектиков», болтающих о среднем, «третьем» пути, звучит актуально и в наши дни, когда народно-демократическая Польша разгромила правооппортунистическую группу Гомулки, пытавшуюся увести польский народ с дороги социализма вспять на капиталистическое бездорожье.

Критика Дембовским «эклектизма» и защита им принципа борьбы противоречий страдали абстрактностью, хотя в применении к конкретным условиям Польши своего времени он и сумел сделать из нее острые политические выводы. Дембовский не смог придать своей диалектике сознательно материалистического характера. Классики русского материализма XIX века в этом отношении сделали по сравнению с Дембовским несомненный шаг вперед, хотя и они, вплотную подойдя к диалектическому материализму и остановившись перед историческим материализмом, не смогли в силу своей классовой ограниченности «перейти рубикон», отделявший домарксистскую философию от марксистской.

Ограниченность понимания Дембовским диалектики ярко видна из того, что, признавая и подчеркивая в противоположность польским правогегельянцам активность передовых идей, огромную мобилизующую роль революционных лозунгов, он в то же время оставался на идеалистических позициях в понимании вопроса о происхождении идей. Бесспорно, что, не дав научно-материалистического ответа на этот вопрос, Дембовский не мог вскрыть правильно и механизм воздействия передовых идей на действительность, когда сами эти идеи, по выражению Маркса, превращаются в материальную силу.

Дембовский не мог последовательно диалектически поставить и решить вопрос о процессе познания человеком мира. Он выступал как против узкого эмпиризма метафизических материалистов, так и против пустых абстракций гегельянцев, не понимающих «самобытной жизни» материи и роли науки в переустройстве общества, запутавшихся в дебрях «чистого» рационализма. В этом отношении Дембовский шел по пути Герцена, с идеями которого, выраженными в статьях о дилетантизме в науке он, видимо, познакомился через сотрудника «Научного обозрения» Яна Майоркевича, учившегося в начале 40-х годов в Московском университете [2]. Однако, не сумев в общефилософском вопросе перейти от критики религиозно-мистических форм идеализма к критике идеализма в целом, Дембовский остановился в теории познания на полдороге к ма-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 192.
[2] См. «P. N.», 1843, т. III, стр. 140 и т. IV, стр. 139.

териализму. Проблема единства рационального и эмпирического моментов в познании решалась им в основном все же в пользу рационального.

Исходный тезис социологических воззрений Дембовского — признание решающей роли народных масс в истории. Он считал, что история представляет собой закономерный процесс развития и прогресс народных масс и заключается в том, что они неуклонно вырабатывают все более совершенное понятие свободы и претворяют его в жизнь. Это положение польский мыслитель толковал в смысле развития инициативы народа в борьбе за политическую и социальную свободу. «Мы требуем, — писал Дембовский, проводя в подцензурной печати идею революции, — чтобы народы проявили любовь к себе в действии. Народ, когда он посвятит свою жизнь самому себе, придет к абсолютному совершенству в социальной жизни» [1]. Данный тезис носил идеалистический характер, поскольку причины развития творческой, революционной активности народа сводились Дембовским к имманентному росту сознательности масс. Исторический процесс в своей основе является для польского мыслителя сознательным, а потому духовным процессом. Движущей силой развития общества Дембовский считал в основном развитие разума народа.

В ряде статей Дембовский подчеркивал огромное значение, которое для исторического развития имеет борьба «народа» против «каст» угнетателей из-за экономических благ. В отличие от Сен-Симона и Огюстена Тьерри Дембовский считал классовую борьбу присущей и настоящему и будущему человечества вплоть до полной победы народной революции. В вопросе о классовой борьбе Дембовский примыкал к буржуазному революционеру Иоахиму Лелевелю (1786—1861), который пришел в своих работах 30—40-х годов к аналогичным выводам.

Еще Станислав Сташиц в поэме «Человеческий род» усматривал в качестве общей закономерности социального развития борьбу сил прогресса и реакции, просвещения и мракобесия, угнетенных и угнетателей. Зачатки учения о борьбе классов были в мировоззрении Ворцеля и Сцегенного. Лелевель сделал значительный шаг вперед в конкретизации этих идей. В классовой борьбе феодальных землевладельцев и угнетенного крестьянства он увидел явление, характерное для всех славянских стран и частное проявление общего исторического закона: «Человечество делится на две группы, — одна существует за счет другой, которую использует и эксплуатирует...» [2]. Далее Лелевель писал: «Массу событий, имевших место в славянщине, которые до сих пор изображались в другом свете, легко объяснить борьбой верхушечного класса с крестьянами» [3]. В отличие от французских историков периода Реставрации, Лелевель был далек от огульного зачисления буржуазии, крестьян и всех трудящихся классов в нерасчлененную массу «третьего сословия» и признавал вполне естественной начавшуюся борьбу западноевропейских рабочих против «буржуазной аристократии».

Теория классовой борьбы Лелевеля носила идеалистический характер, поскольку в качестве причин образования классов он выдвигал различные идеальные факторы. Существенным пороком теории классовой борьбы Лелевеля была идеализация им «шляхетской демократии» в Польше XVI—XVII веков, которая в действительности была демократией только для господствующего класса и, говоря точнее, для верхушки последнего. Эта и подобные ей ошибки Лелевеля были следствием его политической непоследовательности: он не поднялся до признания необходимости кре-

[1] «T. L.», 1843, стр. 187.

[2] I. Lelewel. Polska, dzieje i rzeczy jej, т. III, Poznań, 1855, стр. 31.

[3] Там же, стр. 49.

стьянской революции. В романтических представлениях об особом «польском народном идеале», свойственных Лелевелю, был зачаток мессианистских утверждений о провиденциальной роли поляков в истории. Эти ошибки Лелевеля Дембовский сумел в основном преодолеть. Его взгляды были свободны от мессианистских предрассудков и идеализации шляхты. Если Лелевель в основу деления общества на классы прежде всего клал различия в культуре, то Дембовский различает классы по их имущественному положению.

В 1844—1845 годах по мере развития практической революционной деятельности Дембовского в его социологических взглядах происходит усиление материалистической тенденции, что выразилось в иной, чем прежде, постановке вопроса об источниках духовной жизни общества.

Значительный шаг вперед он делает в своих последних статьях «О ступенях в философском понимании бытия» и «О стремлениях нашего времени», что было связано и с общефилософским развитием мыслителя в направлении к материализму. Дембовский приходит к выводу, что различным «социальным условиям» «соответствуют» определенные философские, религиозные и общественно-политические учения.

Еще Гуго Коллонтай в своей работе «Физико-моральный строй вещей» пришел к выводу, что взгляды и поведение людей определяются средой. «Бытие каждого человека зависит от способов удовлетворения его потребностей, и в той степени, в которой удается их удовлетворить, формируется моральный характер человека...» [1]. Но подобно французским материалистам XVIII века, Коллонтай попадал в порочный круг, поскольку характер и степень использования ресурсов среды для удовлетворения потребностей людей в свою очередь оказывались, с его точки зрения, зависимыми от степени развития человеческого разума.

Дембовский в своих философских и социологических статьях не смог дать правильного анализа совокупности явлений, входящих в «социальные условия». Он не мог выяснить того, что характер общественных идей и самой политики определяется экономическим строем общества на данном этапе его развития. Поэтому он не преодолел порочного круга, характерного для социологических рассуждений домарксовских материалистов. Все же в поздних статьях Дембовского появляются догадка не только о связи философии и общественных теорий с политикой, но и о том, что последняя объясняет характер первых. Дембовский писал, что учение Фомы Аквината выполняло задачу закрепления философскими средствами политических отношений феодального строя. Буржуазному строю «соответствуют» воззрения младогегельянцев и польских «неокатолических» сектантов. Свою собственную философию Дембовский считал идеологическим выражением будущего социалистического строя. В одной из последних своих статей польский революционный демократ, выступив с критикой западноевропейского капитализма, высказал смутную догадку и о тесной связи политических и экономических отношений.

Следует, однако, со всей силой подчеркнуть еще раз, что материалистом в понимании жизни общества Дембовский все же не стал, поскольку им не была понята действительная *материальная основа* человеческой истории. Поэтому нельзя согласиться с современным польским литературоведом Л. Пршемским, определившим в статье, напечатанной в журнале «Паментник литерацкий» (1950), социологические воззрения

---

[1] H. Kołłątaj. Rozbiór krytyczny zasad historii o początkach rodu ludzkiego, т. II, Kraków, 1842, стр. 289.

Дембовского как «соединение практического исторического материализма с общественным идеализмом». Автор упустил из виду, что понимание борьбы классов и роли «экономического насилия» в жизни общества еще не было у Дембовского материалистическим. Тем самым автор невольно возрождал концепцию пресловутого «политического материализма», давно отвергнутую советской историко-философской наукой, как в корне ошибочную.

Социологические взгляды Дембовского были проникнуты высоким революционным гуманизмом. Глубоким гуманизмом проникнуты и этические воззрения Дембовского, основывавшиеся на его революционном демократизме.

Основными положениями этики Дембовского были: признание неисчерпаемости творческой активности человека как его естественного свойства, тезис о зависимости моральных воззрений людей от «форм» общественного строя и проповедь «любви к простонародью».

Первое положение этики Дембовского было направлено своим острием против церковно-католической этики, призывавшей человека к смирению и покорности перед лицом небесных и земных властителей. Из своего взгляда на человека как на существо активное, творческое, свободолюбивое Дембовский выводил священное право угнетенных на революцию. Именно этот, а не слащаво-филантропический смысл заключался в его призыве к «любви к простонародью».

Воззрения Э. Дембовского в области этики не отличались столь глубокой разработкой, как во многом родственные им этические воззрения Н. Г. Чернышевского. Тем не менее этика польского революционного демократа сыграла значительную прогрессивную роль. Она вдохновляла прогрессивную молодежь на самопожертвование ради интересов угнетенных масс. Сама жизнь Эдварда Дембовского была ярким примером не знающей пределов беззаветной отваги во имя счастья народа.

Роль действенного средства мобилизации демократических сил играла эстетическая теория Дембовского. Дембовским и Мицкевичем были заложены основы эстетической теории польского революционного демократизма.

Наиболее крупная работа Дембовского, в которой он разбирает вопросы теории искусства, — книга «Очерк истории польской литературы». Этим вопросам посвящен также ряд статей, среди которых необходимо отметить: «О драме в современной польской литературе» (1843), а также «Извлечение из исследований об искусстве» (1842), рецензию на «Введение в философию изящных искусств» К. Либельта (1842), «Страстность с эстетической точки зрения» (1843), «Несколько слов о самобытной драматической поэме» (1843), «Молодая варшавская литература» (1843) и «Извлечение из размышлений о теории искусства» (1843).

Революционно-демократическую точку зрения по вопросам эстетики Дембовский отстаивал в борьбе против гегелевской эстетики, которую пропагандировали в Польше Кремер, Либельт и Цешковский. Некоторое влияние имела в Польше и эстетика позднего Шиллера.

В статьях 1842 года Дембовский выдвинул следующее утверждение: «Искусство выше социальной жизни, стиснутой границами эмпирической действительности» [1]. Однако смысл этого положения, напоминающего соответствующие утверждения немецкой идеалистической эстетики, в статьях 1843—1844 годов Дембовского превратился в их прямую антитезу.

---

[1] «P. N.», 1842, т. III, стр. 890.

По Дембовскому, искусство «выше» жизни в том смысле, в каком можно было бы сказать, что будущее и его предвосхищение «выше» настоящего и его пассивного созерцания, новое «выше» старого. Искусство, в понимании Дембовского, должно быть «устремлено в будущее», должно выражать «идеалы» движения к этому будущему. Художник должен смело заглядывать вперед и содействовать своим творчеством осуществлению стремлений передового человека. Вспомним, что ведь и по Чернышевскому прекрасна не всякая жизнь, а такая, какой она должна быть «по нашим понятиям», и именно за достижение этой жизни надо бороться.

Тезис «искусство выше жизни» обычно был девизом апологетов формализма и безидейности в искусстве. В понимании Дембовского тезис этот, наоборот, был направлен против теории «чистого искусства» и апологетики пороков действительности. Он служил обоснованием художественного метода революционного романтизма. В противоположность немецкой идеалистической эстетике Дембовский подчеркивает тесную связь искусства и политики. Художественными средствами искусство должно пропагандировать передовые политические идеалы. Оно должно служить революционной борьбе за переустройство жизни.

Для Дембовского эстетический идеал в конечном счете совпадает с идеалом социальным. Защищая этот тезис, он в ряде статей и рецензий обрушивается на представителей аполитичной литературы, кропателей «весело-беззаботных песенок». Никто в польской литературе до Дембовского и никто после него до конца 70-х годов, когда в Польше началось распространение марксистской идеологии, не выразил с такой силой, как он и Мицкевич, идею политической роли художественного слова.

С другой стороны, рассматриваемый тезис Дембовского был направлен против метафизических материалистов, недооценивавших активную роль искусства.

Однако формула Дембовского была все же ошибочной. Она свидетельствовала о том, что ее автор не понял диалектики отношения искусства и действительности и еще не освободился от пут идеализма. Вспомним по вопросу отношения искусства и действительности глубокие слова Чернышевского: «Наука не думает быть выше действительности; это не стыд для нее. Искусство также не должно думать быть выше действительности, это не унизительно для него» [1].

Как и великий украинский мыслитель Шевченко, Дембовский выступил против эстетики польского гегельянца Либельта. В рецензии на общую теорию искусства Либельта он писал: «Бог, доказывает господин Либельт, есть идеал... Но как же господин Либельт объяснит, соответственно своему способу рассмотрения, содержание идеала в шедевре Шиллера «Вильгельм Телль», где собственно гуманизм и уважение к человеку выступают как идеалы?» [2]. Бесспорно, что критика Либельта со стороны Шевченко в его «Дневнике» при всей ее краткости была по сравнению с критикой со стороны Дембовского более основательной, ибо она наносила удар по центральному слабому пункту в эстетике Либельта — по ее идеализму.

Наиболее яркое выражение революционный демократизм эстетики Дембовского и ее материалистическая тенденция получили в ходе разработки мыслителем принципа народности в искусстве.

---

[1] Н. Чернышевский. Избр. философ. произв., М., 1938, стр. 376—377.
[2] «P. N.», 1842, т. IV, стр. 1219.

Требование народности искусства означало, по Дембовскому, народность тематики и содержания творчества, доступность и понятность широким слоям трудящихся, но главное для Дембовского состояло в том, чтобы искусство служило народу, проповедовало «любовь к простонародью». «Отечественная наша драма, — писал Дембовский, — должна быть полна наивысшей любви к народу...»[1]. Мы уже видели, какой смысл вкладывался польским революционным демократом в это требование. В данном случае оно было равнозначно требованию демократической идейности искусства.

В соответствии со своим пониманием принципа народности искусства Дембовский развернул критику идеалистических теорий искусства для искусства. Уход от действительности в мистику Дембовский считал одной из основных черт реакционного немецкого романтизма.

Творчество немецких романтиков Дембовский считал выморочным, мертвым. «Романтический сомнамбулизм, — писал он в статье «Клеменс Брентано», — это стремление оживить идеи о сверхъестественных духах и привидениях, проникнуться расплывающимся в неясных чувствах, как во сне, существованием, а это порождает фаталистическую веру и стало, например, причиной вырождения таланта Гофмана...»[2]. Польский философ разоблачает немецких романтиков как апологетов феодальных порядков, борющихся против разума, прогресса и свободы за сохранение дворянских привилегий и восстановление диктатуры церкви. «Французские поэты-романтики не вздыхают о минувших временах... стремятся отбросить давние предрассудки, тогда как немецкие романтики, наоборот, стремятся эти предрассудки возвратить»[3].

Дембовский боролся в печати и против реакционных польских романтиков: Михаила Грабовского, Генрика Ржевуского, Плацида Янковского.

В своей практической художественной деятельности — поэтической и публицистической — Дембовский выступал в основном как революционный романтик, воплощая революционно-демократические художественные принципы в собственном творчестве.

Как и для Адама Мицкевича, революционная романтика для Дембовского, будучи органически связана с требованием народности искусства, сыграла роль непосредственного этапа на пути к достижению более высокой художественной правды, на пути к реализму.

Требование реализма Дембовский наиболее отчетливо формулировал в процессе дальнейшей разработки им принципа народности искусства. В статье «Несколько слов о нашей самобытной драматической поэме» Дембовский приходит к выводу, что искусство должно быть «отображением» жизни народа. Указывая, что поэт не должен ограничиваться описанием жизни народа, а обязан пропагандировать «любовь к простому народу», Дембовский делает важное замечание о том, что второе основано на первом, то есть, иными словами, — из подлинно правдивого произведения вытекает демократическая тенденция. «Отображение и любовь в этом случае суть два этапа развития...»[4]. Едва ли можно переоценить всю важность этого вывода Э. Дембовского, хотя он и не поднялся до той глубокой разработки принципа народности в духе реализма, которую мы найдем, например, у В. Г. Белинского.

Следует отметить, наконец, ту роль, которую сыграл Дембовский

---

[1] Сборник „Jaskółka“, Warszawa, 1843, стр. 39.
[2] «P. N.», 1843, т. II, стр. 28.
[3] «P. N.», 1842, т. III, стр. 1010.
[4] Сборник «Jaskółka», стр. 39.

как историк польской литературы. В «Очерке истории польской литературы», представлявшем первый опыт написания систематической истории польской художественной, публицистической и отчасти научной литературы, он поставил своей первоочередной задачей «осветить идейное развитие литературы в сопоставлении и связи с политической историей народа, дать оценку писателям и их произведениям, — пусть хотя и бегло, лишь в общих чертах, — с точки зрения их политического значения и влияния на общественную жизнь и путем этого вскрыть подлинную сущность литературы» [1]. Подобную идею он проводит и в статье о польской драме. В различных литературных течениях Дембовский стремился раскрыть проявления интересов и взглядов тех или иных общественных групп. В польской литературе, считает он, есть два основных, враждебных друг другу лагеря — прогрессивный и реакционный. Правда, сам Дембовский далеко не всегда умел правильно провести рубеж между лагерями прогресса и реакции в искусстве, тем более он не мог вскрыть классовых корней литературных течений.

Работы Дембовского по эстетике и истории литературы вызвали живой отклик среди передовой общественности Польши и сыграли, несмотря на ряд их недостатков, положительную роль в борьбе антифеодального демократического лагеря против сил реакции.

* * *

Подводя итоги, следует сказать, что, будучи теоретическим выражением борьбы польской крестьянской демократии 40-х гг. XIX века, «философия будущего» Дембовского отражала как сильные, так и слабые стороны последней. Эта философия не была научной философией пролетариата, а потому не могла указать тот путь, на котором подлинно научная философия — марксизм-ленинизм — действительно овладела сознанием самых широких масс, завоевывая настоящее и беспредельное будущее человечества. Философия Дембовского не поднялась и до уровня материалистических теорий Герцена и Чернышевского. Несмотря на это, «философия творчества» сыграла существенную роль в истории польской философии как высшее звено в цепи передовой философской традиции домарксистского периода в Польше, как крупнейшее явление этого периода. Материалистические и революционные идеи Дембовского не были чем-то случайным, спорадическим в истории польской философии, как в этом пытаются убедить некоторые буржуазные исследователи. Дембовский развивал лучшие традиции Коперника и Моджевского, Г. Саноцкого и А. Бурского, Сташица и Коллонтая, Ворцеля и Лелевеля, сам в свою очередь оказав влияние на Госляра, Сцегенного, Каменского.

В 60-х годах XIX века славную материалистическую и революционно-демократическую традицию в истории польской философии продолжил ученик Чернышевского, герой восстания 1863 года *Зигмунт Сераковский* (1827—1863).

Рассмотрение мировоззрения польских демократов плеяды Сераковского требует специального исследования и выходит за пределы данной статьи. Мы ограничимся лишь указанием на то, что Сераковский, по свидетельству Н. В. Шелгунова в его «Записках», а также Н. Г. Чернышевского в повести «Пролог», был убежденным сторонником как материализма русских революционных демократов, так и их политической программы. Друг Чернышевского, Добролюбова и Шевченко, польский

---

[1] «P. P. Z.», Poznań, 1845, стр. V—VI.

демократ при помощи своих великих соратников изживал те элементы либерализма, которые у него имелись в 50-х годах.

Выступив как один из вождей левого крыла мелкобуржуазной партии «красных» в восстании 1863 года, Сераковский на территории Литвы был схвачен царскими сатрапами и повешен. Герцен в «Колоколе» посвятил некролог Сераковскому, подчеркивая в нем, что из всех деятелей партии «красных» по своим взглядам он был наиболее близок к российской революционной демократии.

Партия «красных» была партией блока революционно-демократической группы с буржуазно-шляхетскими революционерами. Это привело «красных» к ряду ошибок в их тактике и в значительной степени способствовало поражению восстания. Только лучшие представители партии «красных», деятели левого ее крыла, такие, как сам З. Сераковский, В. Врублевский, Я. Домбровский, сумели сохранить замечательные традиции Э. Дембовского и П. Сцегенного и претворить в жизнь их заветы о союзе с российскими революционерами.

Национально-освободительное восстание 1863 года, носившее буржуазно-демократический характер, замыкает этап революционных движений в стране, в которых борьба за независимость Польши связывалась с народным антифеодальным движением. Еще во второй половине 50-х годов в Польше начинается промышленный переворот. В 1864 году в «Царстве Польском» происходит отмена барщины, хотя ряд пережитков феодализма продолжает сохраняться и в дальнейшем. Польская буржуазия уже в 1863 году показала себя предателем национально-освободительного движения, порвав с патриотическими традициями буржуазных и мелкобуржуазных деятелей предшествующих периодов — Сташица, Езерского, Ясинского, Каменского. В дальнейшем в страхе перед нарастающим рабочим движением буржуазия отказывается на целые десятилетия от борьбы за независимое польское государство, низкопоклонствуя и пресмыкаясь перед русской и прусской реакцией.

Наиболее прогрессивные традиции польской революционной демократии и национально-освободительного движения воспринимают идеологи польского рабочего движения 70-х гг. во главе с Людвиком Варынским. Это было уже начало новой эпохи в истории польской философской и социально-политической мысли, начало эпохи распространения марксизма, происходившего под значительным воздействием со стороны российского пролетарского движения.

Польские революционные марксисты помнили о заветах своих предшественников. Недаром революционно-демократическая традиция Дембовского и Сераковского приводит уже Ярослава Домбровского и Валерия Врублевского к I Интернационалу и на баррикады Парижской Коммуны. В. И. Ленин указывал, говоря о революционных традициях польского народа, что они «были так сильны и глубоки, что после поражения на родине лучшие сыны Польши шли поддерживать везде и повсюду революционные классы; память Домбровского и Врублевского, — подчеркивает В. И. Ленин, — неразрывно связана с величайшим движением пролетариата в XIX веке» [1].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 416.

М. Н. АЛЕКСЕЕВ

МАРКСИЗМ ОБ ОБЪЕКТИВНОМ ХАРАКТЕРЕ ЗАКОНОВ НАУКИ И ЗАКОНЫ ЛОГИКИ

Вопрос о природе законов науки, об их значении и отношении к ним человека всегда привлекал к себе внимание философов самых различных направлений: материалистов и идеалистов, диалектиков и метафизиков. Вопрос этот, тесно связанный с главным вопросом философии — что чему предшествует: материя сознанию или сознание материи, — касается самых основ мировоззрения.

Выяснение характера законов науки имеет основополагающее значение для всех отраслей знания: физики, химии, математики, истории, политической экономии и т. д., определяя в значительной мере направление научного исследования.

Ясно поэтому, что вокруг вопроса о характере законов науки идет острая борьба между передовыми представителями науки, разделяющими материалистические взгляды, и представителями реакции, исповедующими идеализм.

В настоящей статье ставится задача раскрыть значение положения марксизма об объективном характере законов науки для такой специальной науки, какой является логика (формальная).

* * *

Выясняя характер законов науки, марксизм исходит из следующих основных положений.

Мир по своей природе материален, многообразные явления в мире представляют собой различные формы движущейся материи. Всеобщие связь и взаимообусловленность явлений, их движение, изменение, развитие, переход количественных изменений в качественные, борьба противоположностей составляют закономерности движущейся материи. Мир развивается по своим собственным законам и не нуждается ни в каком внешнем толчке.

Материя, природа, бытие представляют объективную реальность, существующую вне нас и независимо от нас, независимо от нашего сознания. Материя первична, будучи источником ощущения, сознания, сознание вторично, так как оно является отображением материи, отображением природы, бытия. Мышление есть высший продукт материи, продукт мозга, а мозг — орган мышления.

Мир и присущие ему объективные закономерности вполне познаваемы. Наше знание о законах природы, проверенное опытом, практикой, является достоверным знанием, имеющим значение объективной истины. В мире

нет непознаваемых вещей, а есть только вещи еще не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики.

Из приведенных положений марксистского философского материализма с непосредственной необходимостью вытекает вывод об объективности законов науки, положение о том, что законы науки носят объективный характер.

Если мир материален и развивается по своим собственным законам, если мышление отражает эти законы и является, таким образом, вторичным, если, наконец, отражение мышлением законов природы, достигаемое наукой и практикой, носит достоверный характер, то ясно, что и сами открываемые наукой законы носят объективный характер.

Нельзя стоять на точке зрения объективности законов науки, не признавая в то же время материальности мира и его закономерностей, не признавая первичности материи и вторичности сознания, не веря в способность нашего мышления давать объективную, достоверную истину. Одно по необходимости предполагает другое.

Поэтому только материалисты могут признавать объективный характер законов науки. Идеалисты, отрицающие первичность материи, не признают этого; идеалисты считают, что законы науки субъективны.

Закон, учит материалистическая диалектика, есть существенное в явлении. Будучи существенным в явлении, закон выражает общее, тождественное, что имеется в этих явлениях.

«Форма всеобщности в природе, — пишет Ф. Энгельс, — это *закон...*» [1].

Поскольку закон выражает общее, он тем самым выражает и необходимое; общее и необходимое — однопорядковые явления. Случайное, единичное не может быть законом.

Каждая область действительности имеет свое общее, необходимое, существенное, — имеет свои законы. Свои законы имеет природа, свои законы — общество, свои законы — мышление. Хотя это не исключает того, что у всех названных областей есть общие законы, например, закон движения и развития.

Наличие законов в каждой сфере действительности свидетельствует о том, что материальный мир — не случайное скопление предметов и явлений, а закономерный процесс.

Материалистическая диалектика различает законы общие и специфические.

Общий закон присущ всем явлениям данной области. Так, общим законом всех общественных формаций будет закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Специфический закон, напротив, присущ только некоторым явлениям рассматриваемой области. Например, специфическим законом социалистической формации будет закон обеспечения максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники.

Специфические законы отделяют, различают явления друг от друга, общие законы, наоборот, объединяют их друг с другом. «Общественные формации, — пишет И. В. Сталин, — не только отделены друг от друга своими специфическими законами, но и связаны друг с другом общими для всех формаций экономическими законами» [2].

---

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, Госполитиздат, 1953, стр. 186.

[2] И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 71.

То же самое отношение имеет место и в природе. Физический процесс не только отделен своими особыми законами от химического, биологического и других процессов, но и соединен с ними общими законами. И тот, и другой, и третий — естественные процессы, протекающие независимо от общества.

Каждый закон имеет свою определенную сферу действия, вне которой он вообще не существует. Эти сферы действия различны, они могут быть более или менее широкими, в зависимости от чего и законы бывают более или менее общими.

Но какую бы сферу действия ни имел закон, он всегда существует объективно, независимо от воли людей. Именно это и обеспечивает возможность существования науки.

«Марксизм, — отмечает И. В. Сталин, — понимает законы науки, — всё равно идёт ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии, — как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества, но они не могут изменить или отменить их. Тем более они не могут сформировать или создавать новые законы науки» [1].

Объективность законов науки состоит в их независимости от воли и желания людей, в независимости от сознания людей. Для этих законов совершенно безразлично, знают о них что-либо люди или не знают, желают их использовать или не желают, — эти законы все равно существуют и действуют. Законы действительности, отражаемые наукой, люди не могут ни дополнить, ни изменить, ни отменить. Люди не могут отменить закон движения небесных тел, не могут отменить, изменить законы обмена веществ в организме, законы общественного развития.

В письме Кугельману К. Маркс писал: «Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь *форма*, в которой эти законы проявляются» [2].

Марксизм учит, что хотя законы науки и имеют объективный, не зависящий от воли людей характер, тем не менее их нельзя считать неотвратимыми. Неправильно полагать, будто люди должны оставаться рабами этих законов. Нельзя фетишизировать законы, нельзя приписывать им фатального действия. Как показывает практика, люди могут познать законы, овладеть ими и, овладев, использовать их в интересах общества.

Познание и использование человеком законов происходит в процессе трудовой, практической деятельности людей, направленной на изменение природы. Изменяя природу в процессе труда, практически воздействуя на нее, человек вместе с тем познает природу, раскрывает законы, по которым она развивается.

Познание законов природы осуществляется силами науки и практики. Отсюда вытекает и то огромное значение, которое имеет наука в обществе. Наука, раскрывая объективные закономерности мира, позволяет использовать эти закономерности, обеспечивает возможность предвидения, без чего было бы невозможно современное общество, современное производство. С помощью науки люди изменяют действительность, используют ее в своих интересах, для своих потребностей.

Следовательно, тот, кто отрицает объективный характер законов

---

[1] И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 4.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 525.

науки, неизбежно отрицает и самую науку, ибо наука не может существовать и развиваться без признания объективных закономерностей, без изучения этих закономерностей. Тот же, кто отрицает науку, отрицает, ликвидирует всякую возможность предвидения, всякого руководства производством и вообще всей общественной жизнью.

Таково значение науки, вытекающее из объективного характера ее законов.

Сказанное относительно законов науки и их значения применимо и к логике, хотя последняя и отличается целым рядом особенностей.

* * *

Логика — особая наука, отличающаяся от всех других наук своим предметом исследования.

Физика, химия изучают процессы, протекающие вне человеческого мышления. Точно так же процессы, протекающие вне человеческого мышления, изучают геология, биология и другие естественные науки.

Предметом же науки логики является само мышление, субъективный (в смысле его связи с субъектом) процесс, точнее — определенная его сторона.

Мышление субъективно в том смысле, что оно не существует вне человека, независимо от мозга человека — органа мышления. Мышление является продуктом мозга. Нет какого-то особого, внечеловеческого, «объективного» или «мирового» мышления, как об этом твердят на все лады идеалисты. Существует одно единственное мышление — это то, которым обладают люди (у высших животных есть лишь зачатки мышления, но не само мышление).

Об объективности, а точнее об объективном значении мышления можно говорить лишь в смысле его независящего от воли людей существования (мышление существует независимо от того, хотят этого люди или не хотят), в смысле его объективного происхождения (мышление, являясь продуктом развития самой природы, вызвано на свет производством, которое не зависит от воли людей), в смысле его объективного содержания. В этом смысле мы и будем в дальнейшем говорить об объективном значении мышления, его законов и форм.

Главное назначение мышления — служить целям познания, быть орудием познания. Мышление, будучи продуктом мозга, выступает инструментом, с помощью которого осуществляется процесс отражения. Благодаря мышлению люди познают природу.

Буквально во всех без исключения науках (да и не только в науках), в том числе и в науке логике, мышление выступает средством познания предмета.

Но в науке логике это средство познания — мышление — выступает, кроме того, в качестве предмета познания, т. е. в качестве того, что изучает логика. Логика ставит своей задачей изучение самого процесса мышления, различных его сторон.

Таким образом, то, что в других науках является лишь средством познания, становится в логике объектом, предметом познания. В этом особенность науки логики.

Являясь продуктом развития материи, мышление не может противоречить в своих результатах этой материи.

Ф. Энгельс пишет: «...если, далее, поставить вопрос, что же такое мышление и сознание, откуда они берутся, то мы увидим, что они —

продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней. Само собой разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей» [1].

Но это значит, что все свое содержание мышление черпает из внешнего мира, а не из самого себя.

Поскольку природа, материальный мир не есть случайное скопление предметов и явлений, оторванных, изолированных друг от друга, а представляет собой связное единое целое, где предметы, явления связаны друг с другом, зависят друг от друга, обусловлены друг другом, постольку не может быть случайным скоплением отдельных мыслей и продукт ее — процесс нашего мышления, адэкватно отражающий природу.

Наше мышление столь же закономерный процесс, как и процессы развития природы и общества. Оно имеет свои законы, по которым протекает. Если бы в мышлении царил хаос, оно не могло бы отображать действительности, не могло бы служить орудием познания.

Но тут и возникает вопрос относительно характера законов мышления, вопрос о том, имеют ли эти законы (рассмотрим только те законы, которые изучает формальная логика, — закон тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания) объективное, не зависящее от воли людей значение, или, может быть, в связи с тем, что мышление — субъективный процесс, осуществляющийся только в голове человека, эти законы мышления не имеют объективного, принудительного значения, а всецело зависят от воли и желания людей.

На поставленный вопрос не может быть одинакового ответа у материалистов и идеалистов.

Материалисты в полном согласии с данными науки отвечают: законы мышления, несмотря на то, что они существуют только в головах людей, имеют объективное, не зависящее от воли людей значение. Идеалисты, вопреки данным науки, дают прямо противоположный ответ; они утверждают, что законы мышления, как и вообще законы чего бы то ни было, не имеют объективного значения, что они чисто субъективны и произвольны.

Ответ материалистов является единственно правильным, научным ответом, ответ идеалистов — неправильным, ненаучным.

Покажем на конкретных примерах, в чем состоит объективное и принудительное значение формально-логических законов.

Возьмем закон тождества, который состоит в следующем: всякая правильная мысль (понятие, суждение, умозаключение) по необходимости определенна, относительно тождественна самой себе. Этот закон объективен прежде всего по своему происхождению, — он возник как отражение относительной устойчивости, определенности самих вещей. Мысль, понятие, суждение, умозаключение определенны потому, что до них и независимо от них определенны отражаемые в них вещи. Законы мышления обусловлены законами вещей.

Но этот закон объективен и по своему действию, по своему проявлению в мышлении. Его действие никак не зависит от воли людей. Так, в простом силлогистическом умозаключении «липы — деревья, деревья — растения, следовательно, липы — растения» дважды употребляемое понятие «деревья» имеет одно и то же содержание признаков, отражает один и тот же предмет, что и фиксируется в законе тождества. Оно —

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1952, стр. 34.

определенное, относительно тождественное понятие. И не может быть так, чтобы в этом правильном умозаключении понятие «деревья» употреблялось в первой посылке в одном содержании признаков, во второй посылке — в другом содержании признаков.

Более того, если кто-либо посчитает (намеренно или ненамеренно, безразлично), что понятие «деревья» в двух случаях употребляется в разном содержании, т. е. как неопределенное, то от этого оно не станет на самом деле неопределенным. Определенность (тождественность) понятия «деревья» (как равно и других понятий силлогизма) не зависит от воли людей. Не потому понятия определенны, что так хотят люди, а потому, что определенны, прежде всего, сами предметы, порождающие определенность понятий.

Таким образом, действие закона тождества не зависит от того, желают соблюдать его люди или не желают, и даже от того, знают они о нем что-либо или не знают. В этом — объективное, принудительное значение закона тождества.

Возьмем второй формально-логический закон — закон непротиворечия: две противоречивые друг другу мысли не могут быть одновременно истинными.

Вопреки утверждению логиков-идеалистов, этот закон, так же как и закон тождества, будучи объективным по своему происхождению, действует и в мышлении объективно, т. е. независимо от воли и желания людей. Он в этом смысле является объективным по своему значению законом.

Такие, например, два противоречивых суждения, как «все рабочие стахановцы» и «ни один рабочий не стахановец», не могут быть одновременно истинными. Одно из них, или оба вместе (как в данном примере) обязательно будут ложными. И если кто-нибудь, вопреки закону непротиворечия, станет считать противоположные суждения истинными, от этого они на самом деле не станут истинными.

Значит, факт несовместимости противоречивых мыслей (с точки зрения их истинности) есть объективный факт, совершенно не зависящий от воли и сознания людей.

То же самое следует сказать о двух других формально-логических законах — о законе исключенного третьего и законе достаточного основания.

Согласно закону исключенного третьего, противоречащие одна другой мысли не могут быть одновременно не только истинными, но и ложными. Одна из них обязательно будет истинной, другая — обязательно ложной, и третьего между ними быть не может.

«Земля вращается вокруг Солнца» и «Земля не вращается вокруг Солнца» — эти две мысли по необходимости исключают одна другую и обязательно исключают третье. Одна из них (первая) является истинной, другая (вторая) — ложной. Если кто-либо посчитает обе эти мысли одновременно ложными или одновременно истинными, — от этого они не станут таковыми.

Несовместимость противоречащих мыслей, исключение третьего между истинностью и ложностью существует в нашем мышлении объективно, т. е. не зависит от воли и желания людей.

Закон достаточного основания касается связи между мыслями и потому наиболее ярко проявляется в умозаключении и доказательстве (хотя действие его имеет место и в других формах мышления). Этот закон гласит: в логически правильном умозаключении (доказательстве)

вывод всегда обоснован, в неправильном умозаключении (доказательстве) — не обоснован.

«Все металлы электропроводны, ртуть— металл, следовательно, ртуть электропроводна». Здесь вывод «ртуть электропроводна» обоснован. В неправильном же умозаключении: «Все металлы электропроводны, сера не металл, следовательно, сера неэлектропроводна» — вывод не обоснован.

Эта (необходимая) связь правильности умозаключения и достаточной обоснованности вывода его не зависит от воли и желания людей, т. е. в этом смысле она существует в мышлении принудительно, имеет объективное значение.

Конечно, софист может выдавать недостаточно обоснованный вывод за достаточно обоснованный, а достаточно обоснованный вывод за недостаточно обоснованный, но от этого закон достаточного основания не прекращает своего действия, от этого необоснованность не превращается в обоснованность, как и наоборот.

Следовательно и закон достаточного основания, равно как и другие логические законы, действует в нашем мышлении объективно, т. е. независимо от воли людей.

Итак, формально-логические законы (это относится и к другим законам мышления) — закон тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания, действуя в нашем мышлении независимо от наших желаний, от нашей воли, имеют объективное значение. Повторяем, объективное в смысле их независимости от воли людей, а не в смысле их существования якобы вне человеческого сознания. Законы мышления, разумеется, существуют в сознании и, конечно, являются вторичными по отношению к законам природы.

Законы мышления имеют объективное значение именно потому, что они не выдуманы людьми, не созданы по воле людей, а возникли и существуют независимо от этой воли в процессе практической деятельности как обобщенное отражение соответствующих связей и отношений (закономерностей) объективной действительности. Об этих законах люди первоначально ничего не знают (как знают о них, ознакомившись с наукой логикой), хотя и применяют их в своей практике мышления, пользуются ими.

Выявив объективное значение законов мышления, остановимся попутно на тех формулировках, которые обычно даются им в литературе.

Обычно в литературе даются такие (или подобные) формулировки законов мышления.

Закон тождества: «В процессе рассуждения по поводу какого-либо объекта (предмета) нашей мысли необходимо *иметь в виду* один и тот же объект, который *должен рассматриваться таким*, каков он есть, и его нельзя подменять иным объектом»[1].

Закон непротиворечия: «В процессе рассуждения по поводу какого-либо объекта (предмета) мысли этот объект *не должен рассматриваться* как что-либо иное, отличное от того, что он есть»[2].

Закон исключенного третьего: «*Нельзя принимать* две противоречащие мысли ни в качестве истинных, ни в качестве ложных. Только одну из них следует признать за истинную, другую же обязательно за ложную».

---

[1] М. С. Строгович. Логика, 1949, стр. 27. (Курсив наш. — *М. А.*)
[2] Там же, стр. 39. (Курсив наш. — *М. А.*)

Закон достаточного основания: «Для того, чтобы *признать* высказывание о предмете истинным, *должно быть* указано достаточное основание»[1].

Не говоря уже о том, что приведенные формулировки страдают рядом неточностей (а некоторые из них, кроме того, и громоздкостью), они неудовлетворительны по самому своему существу, ибо носят нормативный характер. В этих формулировках говорится о том, каким образом человек *должен* поступать, чтобы правильно мыслить, но не о самих объективных логических законах, как последние существуют в нашем мышлении. Из этих формулировок совсем не видно, объективно ли существуют логические законы в нашем мышлении или они просто придуманы, установлены людьми в результате каких-то соглашений. Поэтому с данными формулировками вполне может согласиться любой, даже самый крайний субъективист в логике.

Приведенные формулировки есть, в сущности, формулировки не законов мышления, но требований, вытекающих из этих законов. Они касаются не самих законов, но следствий, вытекающих из них. А это не одно и то же.

Закон исключенного третьего формулируется так: два противоречащих суждения *не могут* быть одновременно ни истинными, ни ложными. Требование же из этого закона будет формулироваться иначе: в процессе рассуждения *нельзя считать* оба противоречащих суждения ни истинными, ни ложными.

Поскольку материалистическая логика исходит из признания объективного значения законов мышления, она соответственно этому должна давать им такие формулировки, в которых подчеркивалось бы их объективное, принудительное значение. Иными словами, это должны быть формулировки самих законов (примерные формулировки даны выше), а не требований, вытекающих из них.

Из сказанного, однако, не следует делать вывод, будто логику интересуют только законы мышления и совсем не интересуют требования этих законов. Именно потому, что законы мышления обычно выражаются в требованиях, последние должны также интересовать логику, тем более что эти требования являются руководством в практике мышления, поскольку они непосредственно указывают, как следует мыслить, чтобы мышление было правильным, логичным.

Но требования есть все-таки следствия из законов мышления, а не сами законы мышления, поэтому им надо отводить производное, второе место.

* * *

Необходимость отличать законы мышления от требований, вытекающих из этих законов, становится особенно очевидной, если обратиться к логическим ошибкам.

Общеизвестно, что наука логика учит не только тому, как следует мыслить (т. е. правильному мышлению), но и тому, как не следует мыслить, каким путем следует избегать логических ошибок, встречающихся в нашем мышлении.

Но что такое логические ошибки? Связаны ли они с нарушением законов мышления или не связаны? И вообще, что такое ошибки в мышлении?

---

[1] В. Ф. Асмус. Логика, 1947, стр. 23. (Курсив наш. — *М. А.*)

Ошибкой называется несоответствие мышления или отдельных мыслей действительности. Если мысль не соответствует действительности, она ошибочна, ложна, если она соответствует действительности, она истинна. Мысль «киты — млекопитающие» безошибочна, истинна, поскольку соответствует действительному факту; мысль «киты — рыбы» — ошибочна, не истинна, поскольку не соответствует действительному факту. Логическими, или формально-логическими — в отличие от гносеологических — ошибками называется несоответствие того или иного отдельного рассуждения требованиям законов мышления. Например, в рассуждении «A есть B, C не есть A, следовательно C не есть B» имеется такая именно логическая ошибка.

Само собой разумеется, что логические ошибки могут существовать только в мышлении; о вещах нельзя сказать, что они имеют логические ошибки и вообще что они имеют ошибки. Никаких ошибок (если только не употреблять этот термин в каком-то особом смысле) в вещах нет и быть не может.

Встречающиеся в мышлении формально-логические ошибки связаны с нарушением соответствия между рассуждением, протекающим в голове того или иного субъекта, допускающего ошибку, и формально-логическими законами мышления. Логические ошибки проистекают от того, что допускающий ошибки строит свое рассуждение не в соответствии с требованиями объективно действующих в нашем мышлении законов.

Если, например, тургеневский герой Пегасов утверждает, что убеждений нет и тут же добавляет, что таково его убеждение, то его ошибка заключается в несоответствии его рассуждения действительности, и следовательно, законам мышления. Согласно закону непротиворечия два противоречивых суждения («убеждений нет» и «убеждения есть») не могут быть одновременно истинными, тургеневский же герой, поступая вопреки закону логики, считает оба эти суждения одновременно истинными.

Но от того, что тургеневский герой считает указанные суждения одновременно истинными, они на самом деле не становятся истинными. Суждения, как они объективно существуют в своей материальной оболочке — в языке, совершенно не зависят от того, как мы их воспринимаем, оцениваем.

Вообще всякая мысль должна рассматриваться, оцениваться объективно, так, как она существует сама по себе, независимо от другой, направленной на нее мысли, — должна браться соединенной, если она соединена, разъединенной, если она разъединена.

«...Мысль, — указывает Ф. Энгельс, — если она не делает промахов, может объединить элементы сознания в единство лишь в том случае, если в них или в их реальных прообразах это единство уже *до этого существовало*»[1].

Следовательно, логические ошибки не связаны с нарушением законов мышления. Нарушить законы мышления вообще невозможно, потому что они существуют в нашем мышлении объективно, независимо от желания людей и, значит, не подчиняются их воле.

Можно лишь поступать *вопреки* законам мышления, точнее противоречить им (правда, тогда истина не достигается), но поступать в *нарушение* законов мышления нельзя, невозможно. Законы мышления имеют принудительный характер.

Некоторые логики, исходя из того неоспоримого факта, что законы

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1952, стр. 40.

мышления нарушить нельзя, приходят к совершенно неправильному выводу, будто вообще в логике ничего нарушить нельзя, будто вообще никаких логических ошибок не существует. Это, конечно, глубокое заблуждение.

Ошибки в мышлении, бесспорно, существуют, встречаются, и это всегда надо иметь в виду, чтобы успешно вести с ними борьбу. Тот, кто отрицает факт логических ошибок, сам совершает ошибку, притом более серьезную, недооценивая задачу борьбы с ошибками, т. е. фактически способствует этим ошибкам, создавая почву для их распространения.

Но если логические ошибки существуют и если они никак не связаны с нарушением законов мышления, то спрашивается, в результате каких же нарушений они проявляются? Не могут же они появиться без всяких нарушений. Если бы они не были результатом каких-то нарушений, они не были бы ошибками.

Логические ошибки связаны с нарушением требований, вытекающих из законов мышления.

Как отмечалось выше, из каждого закона мышления вытекают свои особые требования, в которых указывается, каким образом следует применять этот закон в практике мышления, чтобы оно было определенным, последовательным, доказательным. Когда люди допускают логические ошибки, они как раз нарушают эти требования, а не самые законы как таковые.

Закон непротиворечия гласит: две противоречивые мысли не могут быть одновременно истинными. Как мы видели, этот объективно действующий закон нашего мышления никто не может нарушить. Никто, никакой софист не может сделать так, чтобы две противоположные мысли на самом деле оказались одновременно истинными.

Из этого закона непротиворечия вытекает логическое требование (соответствующие требования вытекают и из других законов), практическое правило, служащее непосредственно руководством для мышления. Требование это гласит: нельзя считать одновременно истинными две противоречивые мысли. Данное требование иногда некоторыми людьми нарушается, но сам закон, лежащий в основе данного требования, никто никогда не нарушает и не может нарушить.

Тот, кто считает одновременно истинными такие, например, суждения как «Земля вращается вокруг Солнца» и «Земля не вращается вокруг Солнца», — тот нарушает требование закона непротиворечия, гласящее: *нельзя принимать* за истинные два противоречивых суждения, но тот не нарушает самого закона непротиворечия: противоречивые суждения объективно никогда *не могут* быть одновременно истинными.

Точно так же обстоит дело с другими законами мышления. Допуская в отношении их логические ошибки, мы нарушаем не сами эти законы, но требования, вытекающие из них. Требования эти в их общей форме гласят: в процессе рассуждения поступай, действуй так-то и так-то, т. е. в соответствии с законами мышления.

Следовательно, хотя мы обыкновенно и говорим, что логические ошибки связаны с нарушениями законов мышления (и это словоупотребление находит свое объяснение в том, что в логике отсутствует четкое различение между законами мышления и требованиями этих законов), тем не менее, строго говоря, это неверно. Законы мышления никто нарушить не может. Можно нарушить лишь требования, вытекающие из законов мышления.

Возможность (превращающаяся иногда в действительность) нарушения требований, вытекающих из законов мышления, совсем не означает,

будто эти требования не имеют никакого объективного основания, а просто произвольно установлены людьми как некие субъективные нормы. Считать так — значит допускать идеалистическую ошибку, что и делают все субъективисты.

В этом отношении показательно заявление Виндельбанда — одного из неокантианских логиков, который писал, что логические законы — это «не законы, согласно которым развитие явлений должно ... субъективно пониматься, а идеальные нормы, на основании которых определяется ценность того, что совершается с естественной необходимостью. Эти нормы суть, следовательно, правила оценки» [1]. Извращая истину, Виндельбанд выдает законы мышления за произвольные, субъективно-оценочные нормы.

В противовес идеалистам мы должны подчеркнуть, что логические требования непосредственно вытекают из законов мышления и являются правильными постольку, поскольку правильны (т. е. соответствуют объективной действительности) эти последние. Люди не могут произвольно устанавливать требования законов логики. Требования законов логики (речь идет о действительных, а не о надуманных требованиях) всегда обусловлены непосредственно законами мышления, имеющими объективное, не зависящее от воли людей содержание. Значение требований логики в том как раз и состоит, что они выражают объективную значимость законов мышления.

Таким образом, нельзя утверждать, как это делают субъективные идеалисты, будто требования законов (идеалисты вообще все законы сводят к требованиям разума) являются исключительно субъективными, условно принятыми нормами. Абсурдна не имеющая ничего общего с наукой «точка зрения» философствующих лакеев американского империализма — «семантиков», согласно которой «формы построения предложений и определения преобразований (обычно именуемые «аксиомами» и «правилами вывода») можно выбирать совершенно произвольно» [2]. За этой «точкой зрения» нетрудно разглядеть иррационализм, интуитивизм, мистику, столь характерные для современной буржуазной философии и логики.

Отрицание идеалистами объективного содержания требований логики означает отрицание ими законов логики, а это приводит их к отрицанию самой науки логики.

В логике объективное, не зависящее от воли людей содержание имеют не только законы мышления в узком смысле слова (закон тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания), но и формы (понятие, суждение, умозаключение). Будучи обусловлены объективной действительностью, формы мышления не зависят от воли людей: люди не в силах их отменить или изменить по своему желанию.

Понятие, суждение, умозаключение как логические формы, хотя и существуют лишь в нашем мышлении, не созданы, однако, людьми вне всякой зависимости от объективной действительности. Эти формы имеют свои прообразы в материальном мире. Поэтому они не могут быть отменены и заменены какими-то другими (фактически несуществующими) формами. Люди всегда пользовались, пользуются и будут пользоваться формами понятия, суждения, умозаключения, они всегда мыслили, мыслят и будут мыслить в этих формах.

Это, однако, не значит, будто законы, формы и содержание мышления

---

[1] В. Виндельбанд. Прелюдии, 1904, стр. 201.
[2] R. Carnap. Logische Syntax der Sprache, Wien, 1934, S. V.

никак не изменяются. Все существующее изменяется, в том числе, конечно, формы, законы и особенно содержание мышления.

На изменение форм и содержания мышления специально указывает Ф. Энгельс. «Теоретическое мышление каждой эпохи, а значит и нашей эпохи, это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание»[1].

Изменение законов и форм мышления происходит не путем внезапных взрывов, а путем постепенного накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества. Изменение в законах и формах мышления идет по линии их совершенствования и усложнения, а не по линии замены их какими-то новыми законами и формами. В этом процессе изменения законы всегда остаются законами, формы — формами; законы и формы не отменяются.

Само собой разумеется, что изменения в мышлении, касающиеся логического содержания, форм и законов, никогда ни происходят вне и помимо человеческой практики, имеющей объективный характер. Человеческое мышление всегда связано с практикой, с материально-чувственной деятельностью людей, направленной на изменение мира. На основе практики мышление возникает, на основе практики оно развивается, на основе практики проверяется и применяется в деятельности людей. «Существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком,* а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»[2].

* * *

Материалистическое признание объективного содержания законов и форм мышления, т. е. того, что они не зависят от воли и желаний людей, имеет основополагающее значение для науки логики, поскольку с этим признанием связано ее существование. Наука логика может существовать только на базе признания объективного содержания, объективного значения ее законов, на базе признания того, что эти законы не выдуманы людьми, а действительно существуют в мышлении и обусловлены объективным миром.

Наука логика существует именно потому, что независимо от нее, независимо от воли людей, объективно в нашем мышлении существуют законы мышления, логические законы. Эти законы, составляющие логику мышления, образуют предмет науки логики (разумеется, не исчерпывая его) и получают в ней свое правильное отображение.

В связи с только что сказанным, следует предостеречь от одной ошибки, возникающей вследствие неправомерного, полного и абсолютного отождествления законов мышления и законов логики. Иногда говорят, что законы логики это и есть законы мышления. С таким безоговорочным утверждением вряд ли можно согласиться.

Законы мышления — это те законы, которые сложились и существуют в нашем мышлении независимо от нашей воли и от того, познали мы их или не познали; эти законы появляются в мышлении с первых моментов существования мышления.

Законы логики — это отображение в науке логике законов мышления, это осознание (знание) существующих в нашем мышлении процессов, происходящих независимо от нашей субъективной воли. В отличие

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1952, стр. 311.
[2] Ф. Энгельс. Диалектика природы, Госполитиздат, 1953, стр. 183.

от законов мышления законы логики появились и оформились тогда, когда возникла наука логика (примерно 2 тысячи лет тому назад).

Законы мышления формируются и развиваются как своеобразное отражение связей и отношений *вещей,* причем отражение, совершающееся независимо от осознания, познания (в обычном значении этого слова) этих законов людьми. Законы же логики формулируются как отражение связей, закономерностей не вещей, но самого процесса мышления. Наука логика изучает само мышление, а не вещи. Поэтому формулируемые логикой законы есть непосредственное отражение законов мышления. Разумеется, это отражение законов мышления в науке логике всегда есть осознанный, познавательный процесс.

Формулированные в науке законы логики относятся к законам мышления, как отражение к тому, что отражается. Связь между законами логики и законами мышления есть связь копии и оригинала, знания и того, что познается. Уже по одному этому их никак нельзя отождествлять.

Отображение в законах логики законов мышления никогда не происходит сразу, а лишь постепенно, и в силу этого всегда является относительным. На каждом отдельном этапе развития науки логики мы знаем о законах мышления не все, а только часть. Логика мышления так же неисчерпаема в познании, как неисчерпаем в познании любой другой предмет: атом в физике, элемент — в химии, клетка — в биологии.

Поскольку наука логика необходимо связана с признанием объективного значения ее законов, постольку отрицание этих последних есть вместе с тем отрицание самой науки логики. А тот, кто отрицает науку, попадает в царство хаоса и случайностей, попадает в рабскую зависимость от этих случайностей, лишает себя возможности не то что понять, а просто разобраться в этом хаосе случайностей.

Значение науки логики помимо предостережения от ошибок состоит в том, что она позволяет осознать действующие в нашем мышлении законы и формы, позволяет понять их необходимость, принудительность, т. е. делает нас в отношении их свободными.

«Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и *духовным* бытием самого человека...» [1].

Наука логика дает человеку возможность планомерно заставлять законы мышления служить для достижения определенных целей познания, умозаключения, доказательства, опровержения. Кто пользуется законами и формами мышления осознанно, тот добивается лучших результатов, тот сокращает путь мышления и в какой-то мере познания. Наоборот, кто пользуется законами и формами мышления неосознанно, так сказать, инстинктивно, у того больше ошибок в мышлении (а это не может не отразиться и на результатах познания).

Конечно, все это не следует понимать в том смысле, будто логический процесс может объяснить познавательный процесс, или будто логические ошибки сами по себе объясняют заблуждения в процессе познания. Этого никогда не бывает. Как учит марксизм, содержание знания и ошибки в познании определяются уровнем общественной практики, классовым положением человека, его определенным мировоззрением. Так что

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1952, стр. 107. (Курсив наш. — *М. А.*)

самими логическими ошибками объяснить заблуждения в процессе познания невозможно.

Значение исследования законов, форм и категорий мышления, осуществляемого в науке логике, состоит в том, что оно позволяет организовать сознательное руководство логическим мышлением. Руководить логическим процессом мышления — это значит уметь выбирать среди множества приемов, способов, видов определений, делений, доказательств, опровержений и т. п. такие, которые в данном процессе мышления оказываются наиболее рациональными, наиболее эффективными, наиболее убедительными. А этого можно добиться, только зная все эти приемы, способы, виды. Систематическое знание же их достигается посредством изучения логики.

Таково значение науки логики, вытекающее из признания объективного содержания ее законов.

* * *

Марксистско-ленинское учение об объективном характере законов науки имеет огромное значение для всех без исключения наук, как для наук о природе и обществе, так и для наук о мышлении. Оно указывает подлинный путь, по которому должны развиваться науки, — путь изучения объективных закономерностей. Это учение является надежным оружием в борьбе против всякого субъективизма, где бы и в какой бы форме он ни проявлялся.

Д. П. ГОРСКИЙ

ОТНОШЕНИЯ, ИХ ЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ЛОГИКЕ

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы показать, что отличение отношений, в которых находятся между собой предметы, от свойств, которыми они обладают, имеет существенное значение для науки. Изучение логических свойств отношений [1] ведет к обогащению средств логического анализа и дает возможность раскрыть логическую природу ряда вопросов, поставленных наукой на современном этапе ее развития.

В этой статье мы постараемся показать, что изучение общих логических свойств отношений является необходимым для разработки вопроса о средствах дедуктивного вывода и логического анализа доказательства, определения объема понятия, в содержании которого отражены отношения между предметами (что имеет большое применение в математике, например, при табличном задании той или иной функциональной зависимости, и в повседневной жизни). Рассмотрение этого вопроса необходимо для выяснения ряда важных положений теории абстракции, для определения одних логических отношений через другие, что чрезвычайно существенно при аксиоматическом построении различных математических дисциплин.

Ближайшим выводом из рассмотренных в статье вопросов, имеющим непосредственное отношение к вопросам преподавания логики, будет следующий: нельзя суждения о равенстве, о количественных и порядковых соотношениях между предметами, пространственных и временных отношениях между ними (например, $2 + 2 = 4$, $6 > 2$ и т. п.) истолковывать во всех случаях как атрибутивные суждения или как суждения включения в класс, как это делает, например, проф. М. С. Строгович в своей книге «Логика».

Общие замечания

С самого начала своего зарождения всякая наука занимается исследованием связей, отношений между предметами изучаемой ею области. Так, предметом изучения математики с начала ее возникновения были «пространственные формы и количественные отношения действительного мира» [2]. Измеряя площади, вместимость сосудов и т. д., человек

---

[1] Отношения и свойства, которые являются предметами нашего изучения, выступают всегда как познанные нами свойства и отношения, как выделенные среди других свойств и отношений, как отраженные в содержании соответствующих понятий. В дальнейшем в целях сокращения мы будем говорить не об отношениях и свойствах, отраженных в содержании соответствующих понятий, а просто об отношениях и свойствах.

[2] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1952, стр. 37.

неизбежно сталкивался с такими отношениями, как «больше», «меньше», «равно», «между» и т. д. Изучая расположение звезд на небе, движение планет, Солнца, Луны и т. п., человек неизбежно сталкивался с такими отношениями, как «раньше», «позже», «выше», «ниже», «следовать за» (во времени) и т. д.

Сопоставляя между собой животных и особей растительного мира, человек устанавливал между ними различные степени сходства и различия, располагая их в определенном порядке (классифицировал их). При этом он пользовался такими отношениями, как «быть тождественным» (в определенных признаках), «отличаться» (в определенных признаках), «следовать за» (в определенном порядке), «быть включенным», «быть исключенным из» и т. д.

В новое время (имеется в виду XVI—XVII вв.), когда потребности развивающегося капитализма вызвали бурное развитие физических наук, большую роль в науке приобретает отношение причинности. И это не случайно. При формировании физических законов, где рассматриваются *отношения* предшествующих и последующих во времени явлений, всегда необходимо установить, является ли эта связь случайной (простой последовательностью явлений) или необходимой причинной связью.

Так, в физике мы постоянно встречаемся с причинным отношением таких явлений, как: нагревание и изменение объема тела, трение и возникновение тепла, наличие сопротивления воздуха и неравномерность скорости падения различных тел на землю и т. п.

С отношениями мы встречаемся не только тогда, когда мы изучаем материальные предметы окружающего нас мира, но и тогда, когда мы изучаем мысли (различные понятия, суждения), отражающие окружающий нас мир. Изучая какие-либо два суждения, мы можем, например, установить, что они находятся друг к другу в отношении противоречия, или что, например, одно из них является следствием другого и т. п.

Логику как раз и интересуют те черты и свойства отношений, которые представляют интерес для теории умозаключений, для общей теории доказательства.

Логические свойства перечисленных выше отношений (отношений между мыслями) исторически начали исследоваться еще в античной науке. Например, такие отношения, как «логически следовать из» (вопросы логического следствия), исследовались еще Аристотелем в связи с разработкой им теории простого категорического силлогизма, стоиками в связи с разработкой ими теории условного силлогизма и т. д.

Отношения между предметами и логические свойства отношений становятся предметом специального научного анализа лишь начиная с середины XIX века. Появление интереса к исследованию логических свойств отношений было связано с потребностями развития специальных наук и в особенности математики. К этому времени математика достигла такого уровня в своем развитии, когда дальнейший ее прогресс оказывался невозможным без подведения под нее теоретического фундамента. Чтобы сама математика могла развиваться по верному пути, необходимо было изучить ее методы, необходимо было выяснить ее логические основы. В связи с этим приобрело большое значение понятие множества. Начала создаваться новая область математики — теория множеств. Математика должна была возвратиться к рассмотрению тех проблем, которыми занимались еще античные философы: к вопросам соотношения целого и части, делимого и неделимого, конечного и бесконечного. В развитии наук часто наблюдается такое явление, когда наука сначала решает вопросы в их сложной форме, прежде чем решать их в простой.

Анализируя историю политической экономии, К. Маркс писал: «Для физиократов, однако, как и для их противников, наиболее острым спорным вопросом является не то, какой труд создает *стоимость,* а то, какой труд создает *прибавочную стоимость.*

Они рассматривают, стало быть, вопрос в сложной форме, прежде чем они разрешили его в элементарной форме; так, историческое развитие всех наук только через множество перекрещивающихся и окольных путей приводит к их действительной исходной точке. В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем она заложила его фундамент» [1].

Теоретико-множественное обоснование математики встретилось с рядом больших трудностей, которые поставили вопрос о сущности самого математического доказательства. Потребность в обозрении и логическом анализе всех способов математического доказательства и породило такую новую математическую дисциплину, как математическая логика. Рассматривая вопрос о средствах математического доказательства, математики стали заниматься изучением логических свойств отношений.

Вполне понятно, что одновременно и в формальной логике, а также в философии и психологии появился интерес к исследованию логических свойств отношений.

Исследованием отношений, их общих свойств и их значения в теории математического доказательства занимались математики — Фреге, Пирс, Пеано, Кутюра и др.

В формальной логике вопрос об отношениях рассматривается в различной связи:

1) в связи с задачами построения законченной теории умозаключений и расширения средств вывода (Морган, Вундт, Сэджвик, Джевонс, Порецкий, Шредер, Поварнин и др.);

2) в связи с исследованием психических процессов (Грот и др.).

Вопрос о природе отношений в их логическом и психологическом аспекте специально исследовал также И. М. Сеченов.

В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» отмечает, что в условиях империализма «реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки» [2]. Каждый новый этап в развитии науки лишает идеализм той «аргументации», «доказательства», которыми он пользовался ранее. Поэтому идеализм постоянно пытается паразитировать на трудностях, связанных с прогрессом наук, стремясь придать наукообразность своим реакционным лжетеориям. Идеализм служит одним из опорных пунктов в области идеологии для утверждения и укрепления господства буржуазии. Идеализм, пишет В. И. Ленин, — это «только утонченная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли» [3].

Одной из таких реакционных идеалистических теорий является так называемая «логика отношений», спекулирующая на трудностях, возникающих при изучении отношений в специальных науках, в том числе и в логике.

---

[1] К. Маркс. К критике политической экономии, 1949, стр. 46.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 294.
[3] Там же, стр. 343.

«Логика отношений», возникшая подобно махизму и его новейшей форме — логическому позитивизму в эпоху империализма, направлена против материалистического утверждения о возможности достижения объективного знания о мире. Ее задача — подрыв основ научного познания.

«Логика отношений» — это идеалистическая система взглядов, извращающая как характер самих отношений, так и содержание наук, изучающих те или иные отношения. Общим для всех представителей «логики отношений» является отрицание объективного характера отношений, объявление материальной субстанции метафизикой, бессмыслицей или непознаваемой «вещью в себе» и признание единственной реальностью, единственным объектом науки — изучение отношений между фактами непосредственного опыта, который отнюдь не отражает объективной реальности, существующей независимо от нас, а является единственно реальным (ставить вопрос о происхождении этого опыта с точки зрения представителей «логики отношений» не имеет смысла, так как такая постановка вопроса ведет к «метафизике», то есть к материализму). Поэтому с точки зрения представителей «логики отношений» задача науки состоит в познании лишь отношений между объектами нашего опыта, а не сущности самих вещей. Метафизически отделив вещи от тех взаимосвязей, отношений, в которых они существуют, эти философы пытаются софистически опровергнуть диалектико-материалистический тезис об объективном существовании вещей и тех отношений, в которых они находятся.

Диалектический материализм утверждает, что не только сами вещи с присущими им свойствами, но и отношения, в которых они находятся, существуют объективно, что отношения не привносятся человеком в вещи из сознания, не творятся по воле и желанию людей, а носят объективный характер. Диалектический материализм утверждает, что свойства вещей и их отношения находятся в теснейшей диалектической взаимосвязи. Это обусловливает то, что свойства вещей познаются нами не помимо отношений, а через отношения, на которые мы постоянно воздействуем в ходе нашей практической деятельности.

Среди современных буржуазных логиков к числу представителей «логики отношений» принадлежат Серрюс, Башеляр и др.

Полно и недвусмысленно выражает свою точку зрения на отношение Серрюс в своей книге «Опыт исследования значения логики» [1]. Серрюс указывает, что предметом изучения науки является не сущность объекта, но лишь отношения, на которые наш анализ разлагает объект; вещь растворяется в отношениях. Поэтому, вполне естественно, — считает Серрюс, — мы не можем опереться на материальный критерий истинности. Роль критерия истинности должна выполнить «связность нашего интеллектуального построения».

«Нет сомнения, — пишет Серрюс, — что понятие существования есть весьма темная идея, не дающая ничего мысли, и что материальный критерий истинности наших предложений не решает проблемы... Говоря по правде, наука вот уже долгое время довольствуется формальным понятием реальности, противостоящим лишенному основания утверждению о существовании, характерному для примитивных суждений. Именно поэтому она могла взять в качестве объекта отношение» [2]. Отношениями являются, отмечает Серрюс, все объекты науки — причина, число, даже

[1] См. Ш. Серрюс. Опыт исследования значения логики, Гос. изд-во иностр. лит-ры, 1948.

[2] Там же, стр. 186—187.

самое пространство, которое представляется «данным», но которое анализ разлагает на отношения. При этом анализ не оставляет нам возможности опереться ни на что, за исключением связанности нашего интеллектуального построения. Таким путем, согласно утверждениям представителей «логики отношений», мы создаем себе представление о бытии, сущностью которого якобы являются отношения без того, что соотносится. «Наша мысль идет к бытию, но не отправляется от него» [1], — пишет Башеляр. Реакционная философия «логики отношения» ничего общего не имеет с научным изучением отношений, представляющих собой связи самих материальных вещей. Отношения между вещами существуют так же объективно, как и свойства самих вещей. Изучение отношений между вещами и их характерных особенностей не в меньшей мере важно в науке, чем изучение свойств этих вещей.

* * *

Взаимосвязей (отношений) между вещами существует множество. В логике изучаются лишь отношения между предметами следующего рода: «быть больше», «быть меньше», «быть равным», «лежать на», «быть конгруентным», «быть подобным», «быть раньше», «быть позже», «быть отцом», «быть причиной», «быть зависимым от», «быть прилежнее», «лежать между» и т. д.

Эти отношения существенным образом отличаются от таких свойств как, например: «быть белым», «быть молодым», «быть интересным», «быть справедливым», «быть пионером», «быть животными» и т. д.

Различия между свойствами и отношениями тотчас же становятся очевидными, как только мы вводим их в состав соответствующих суждений. Для того чтобы образовать суждение, содержащее отношение и имеющее смысл, необходимо по крайней мере два предмета; для образования же суждения, в качестве предиката которого выступает свойство, достаточно одного предмета.

Рассмотрим отношение «быть больше».

Если мы припишем его в качестве предиката относительно одного предмета так, как это имеет место в случае образования атрибутивного суждения, то суждения не образуются. Если мы скажем «2 больше», то нас никто не поймет, так как нами высказана бессмыслица; если же мы скажем «2 больше 1», то мы получим суждение, имеющее смысл.

В случае же введения в состав суждения в качестве предиката свойства дело будет обстоять иначе: например, приписав предикат «быть интересной» какой-либо книге, мы получим суждение, имеющее смысл: «Эта книга интересна».

Таким образом, для того чтобы образовалось имеющее смысл суждение, включающее в себя отношение, необходимо по крайней мере два предмета. Для суждения, включающего свойства, достаточно одного предмета. В некоторых случаях одно и то же слово может обозначать как отношение между двумя предметами, так и свойство какого-либо одного предмета, что выявляется лишь в контексте. Так, в зависимости от контекста слово «отец» может обозначать то свойство «быть человеком, имеющим детей», то отношение — «*A* отец *B*». Иллюстрируя различия свойств и отношений мы, само собой разумеется, исключаем из рассмотрения те многозначные слова, которые обозначают и свойства, и отношения.

---

[1] Цит. по книге: Ш. Серрюс. Опыт исследования значения логики, 1948, стр. 187.

Примерами суждений, образованных с помощью отношения (в дальнейшем мы будем их называть «суждения с отношением»), могут быть следующие: Иван *брат* Петра, Одесса *южнее* Ростова, $2 + 3 = 5$, Иванов *прилежнее* Петрова, объем тела *зависит* от изменения температуры, бытие *определяет* сознание и т. д. Каждое из отношений, приведенных выше, требует для образования суждения, имеющего смысл, двух предметов.

Примерами атрибутивных суждений могут быть следующие: этот город древний, мальчик бежит, скандий — металл, лидеры правых социалистов — предатели интересов рабочего класса и т. д.

Различие функции отношения и свойства в образовании суждений дополняется иным различием отношения и свойства, а именно тем, что выделение (абстрагирование) свойства происходит иным путем, чем выделение отношения.

Так, для того чтобы выделить (абстрагировать) свойство, нужно рассмотреть несколько *различных* предметов, обладающих этим свойством, другими словами, предмет, обладающий этим свойством, необходимо сделать *переменным*. Например, для того чтобы выделить общее свойство «белого цвета», необходимо рассмотреть несколько различных предметов, имеющих белый цвет. Для того же, чтобы выделить (абстрагировать) общее отношение, необходимо рассмотреть несколько *различных пар предметов,* между которыми имеет место данное отношение, т. е. сделать оба этих предмета *переменными.*

Поэтому в математике часто отличают свойство от отношения, как функцию одной переменной от функции двух переменных. Выражение $x>5$ есть свойство, так как здесь имеется лишь *одна* переменная «x», вместо которой могут быть представлены различные числа; в зависимости от того, какие числа будут подставлены вместо x, мы будем получать либо истинные, либо ложные суждения (например, «$1>5$» — ложь, «$6>5$» — истина и т. д.).

Выражение же $x>y$ представляет собой отношение, так как здесь имеются две переменные (x и y), вместо которых могут быть представлены различные числа (если область предметов, о которых мы рассуждаем, является числами). В зависимости от того, какие числа будут представлены вместо x и y, мы будем получать либо истинные, либо ложные суждения (например, «$2 > 6$» — ложь; «$4 > 3$» — истина и т. д.).

Указанное различие свойств и отношений является чрезвычайно существенным. Специфика, отличающая отношения от свойств, определяет особый характер общих логических свойств отношений, характер суждений, имеющих в своем составе отношение и характер умозаключений из суждений, включающих в свой состав отношения.

Выяснив основное отличие свойства от отношения, укажем теперь на некоторые характерные части самих отношений.

Одной из важных логических характеристик отношения является число предметов, необходимых для того, чтобы образовать суждение, в состав которого входило бы данное отношение. До сих пор мы рассматривали двучленные отношения, т. е. такие отношения, которые требуют двух предметов для образования суждения, имеющего смысл, например: Дантес застрелил Пушкина, тигры крупнее леопардов.

Отношения могут быть трехчленными, четырехчленными и т. д.

Примером суждения, включающего трехчленное отношение «лежать между», может быть: «точка *A лежит между* точками *B* и *C*».

Примером суждения, включающего в свой состав четырехчленное

отношение, может быть следующее: «точка *x* определяется посредством координат *y*, *z* и *u*» и т. п.

Далее: отношения могут устанавливаться между предметами, между понятиями об этих предметах, между суждениями об этих предметах.

Так, например, в суждении «Смоленск восточнее Минска» отношение «восточнее» устанавливается между материальными предметами (между объективно существующими городами «Смоленск» и «Минск»), а не между понятиями «Смоленск» и «Минск», так как *понятия* не могут находиться одно восточнее другого.

Заметим, что иногда с отражениями определенных отношений действительности мы оперируем как с реально существующими предметами (например, с числами). Так, в суждении «9 *делится* на 3» мы оперируем с отражениями действительности (9, 3), как с реально существующими предметами (абстракции «опредмечиваются»). И действительно: девять предметов можно разбить на три группы так, чтобы в каждой из них находилось поровну, но *понятие «девять»* нельзя разделить на 3 части. (В математике рассматривается множество таких абстрактных предметов: точка, линия, треугольник, фигура, тело и т. д.).

В некоторых случаях отношения устанавливаются между понятиями, которые уже не рассматриваются как объективно существующие предметы.

Например: понятие «животное» более общее, чем понятие «млекопитающее». В данном случае отношение «быть более общим, чем» устанавливается не между реально существующими животными и млекопитающими (что бессмысленно), а между понятиями о действительно существующих животных и млекопитающих.

Кроме того, отношения могут устанавливаться между суждениями как простыми, так и сложными.

Например: «Иванов — человек» *эквивалентно* «Иванов — животное, способное к абстрактному мышлению». Отношение эквивалентности в данном случае означает, что из первого суждения следует второе и наоборот.

Между различными индивидуальными предметами могут быть установлены одни и те же отношения, и, наоборот, одни и те же индивидуальные предметы могут вступать в различные отношения.

Например, в отношении «обмениваться друг на друга» могут находиться товары, имеющие самые *различные* потребительные стоимости. Тогда как между двумя определенными городами (например, Москвой и Киевом) могут быть установлены различные отношения: «Москва *севернее* Киева»; «Москва *больше* Киева», «Москва *восточнее* Киева» и т. д.

Как предметы, вступающие в отношения, могут рассматриваться как переменные, так и самосвязывающее их отношение может быть переменным.

Таким образом, в суждении с отношением мы насчитываем по крайней мере три переменных члена.

Сравним с этой точки зрения суждение с отношением с атрибутивным суждением. В атрибутивном суждении два переменных, которые обычно выражаются буквами *S* и *P*.

Одно индивидуальное свойство, отраженное в предикате, может принадлежать различным предметам, и, наоборот, одному индивидуальному предмету могут принадлежать различные свойства, отраженные в предикатах.

Например, одно индивидуальное свойство «быть очень высоким» может принадлежать и человеку, и дому, и дереву, и мачте и т. д. На-

оборот, одному индивидуальному предмету могут быть присущи различные свойства; например, какому-либо определенному зданию могут быть приписаны различные свойства: быть высоким, быть теплым, быть ярко освещенным, быть оборудованным по последнему слову техники, быть красивым и т. д. Постоянным остается в этих суждениях мысль о том, что то или иное свойство присуще предмету нашей мысли. Для наглядности эта мысль о принадлежности признака предмету обычно обозначается словом «есть». Если переменные предметы обозначить буквами a и b, а переменное отношение буквой R, то логические формы атрибутивного суждения и суждения с отношением соответственно можно представить в следующих видах: «a есть b» — логическая форма атрибутивного суждения (в логике ее обозначают обычно «S есть P»).

А aRb — логическая форма суждения отношением; в отличие от атрибутивного суждения здесь три переменных, а не две. (Под логической формой суждения мы понимаем то общее, что сохраняется во всех различных по содержанию суждениях, а именно форма связи частей содержания суждения, отражающая формы связи между качественно определенными материальными предметами окружающего нас мира.)

Исходя из содержания, отражаемого в отношениях, среди отношений можно выделить следующие группы: отношения в пространстве, выражаемые при помощи слов «находиться над», «находиться в», «быть под», «выше», «севернее», «между» и т. д.; отношения по величине, выражаемые при помощи слов «больше», «меньше», «равно» и т. п.; отношения во времени, выражаемые при помощи слов «предшествовать», «следовать за», «одновременно» и т. п.; отношения родства, выражаемые при помощи слов «отец», «сын», «мать», «брат» и т. п.; отношения причинности, выражаемые при помощи слов «причина», «действие» и т. п.; отношения сравнения, выражаемые при помощи слов: «прилежнее», «смелее», «принципиальнее» «весить больше чем» и т. п.; отношения переходных действий, выражаемые при помощи слов «порождать», «давать», «убивать», «вызывать», «подготовлять» и т. п. (например, суждения: «трение *вызывает* теплоту», «американские империалисты *подготавливают* войну» и пр.).

Мы далеки от мысли дать здесь какую-либо классификацию отношений и потому, что перечень их далеко не закончен, и потому, что члены деления при таком выделении групп отношений не исключают друг друга. Наша задача состоит в том, чтобы показать, что суждения об отношении имеют большое распространение в практике нашего мышления. Разделить все отношения на группы можно с точки зрения их общих логических свойств: например, по признаку свойств транзитивности все отношения можно разбить на 2 группы: отношения транзитивные и нетранзитивные (в число которых войдут и антитранзитивные отношения); по признаку функциональности эти же отношения можно разбить на две группы: отношения однозначные (функциональные) и неоднозначные (нефункциональные) [1].

Наконец, следует отметить, что в некоторых суждениях понятия, играющие в одних суждениях роль отношения, в других могут играть роль атрибута. Так, например, понятие «мать» может в различных суждениях играть и роль отношения, и роль атрибута. Так, в суждении «именно эта гражданка является матерью того ребенка» — понятие «мать» выступает как отношение, устанавливаемое между определенной женщиной и ребенком (a мать b). В суждении же «вы — мать, поэтому

[1] Что понимать под функциональностью отношения — будет объяснено ниже.

вы хорошо меня поймете» — понятие «мать» играет роль атрибута, оно означает здесь атрибут — «быть женщиной, имеющей детей». Поэтому суждение «вы — мать» (в данном контексте) имеет вполне законченный смысл и может быть истолковано как суждение включения данного индивида («данной женщины») в класс предметов («матерей»). Рассмотрим еще пример. Дан силлогизм: «Все сестры Марии участвуют в смотре художественной самодеятельности. Вера — сестра Марии. Следовательно, Вера участвует в смотре художественной самодеятельности».

В этом силлогизме суждение «Вера — сестра Марии» должно рассматриваться как атрибутивное, имеющее форму «S есть P», где в качестве P выступает понятие «сестра Марии». Если бы данное суждение мы рассматривали как имеющее форму aRb, то мы не могли бы из данных посылок получить заключения по правилам силлогизма.

Итак, все вышеизложенное означает: во-первых, что встречаются слова, которые обозначают одновременно и отношения, и свойства и что различение этих смыслов в такого рода словах возможно лишь в контексте. Во-вторых, это означает, что если суждение, имеющее форму aRb, дано вне контекста, то мы будем считать его суждением с отношением; если же суждение, имеющее форму aRb, дано в контексте, то в зависимости от контекста это суждение будет рассматриваться нами то как суждение атрибутивное, то как суждение с отношением.

Прежде чем перейти к выяснению значения анализа отношений для различных вопросов логики и к доказательству того, что истолкование отношения как атрибута во всех случаях бесплодно для логики (если бы мы, например, в суждении «Иван брат Петра» «брат Петра» рассматривали как атрибут или класс), мы остановимся несколько подробнее на анализе некоторых основных общих логических свойств отношений.

Основные общие свойства отношений

Следует отказаться от того ошибочного взгляда, что изучать отношения и их общие свойства существенно лишь для теории математического доказательства, где мы на каждом шагу встречаемся с отношениями «равно», «не равно», «между», с различного рода функциональными зависимостями и т. д. Изучать отношения имеет большой смысл и для формальной логики. Необходимо, вопреки логистам, показать, что не формальная логика является частью математической, но что, наоборот, большая часть содержания последней имеется и в формальной логике, имеет для нее большое значение и получает новое освещение в связи с теоретическими вопросами логики.

Рассмотрим ряд общих свойств различных конкретных отношений, предварительно заметив, что отношения будут нами всегда рассматриваться для тех областей предметов, для которых эти отношения имеют смысл.

I группа отношений

Симметричность

Отношения называются симметричными тогда и только тогда, когда, имея место между предметами «a» и «b», оно имеет место также между предметами «b» и «a».

Примерами симметричных отношений могут быть следующие: отношение равенства $a = b$, так как если $a = b$, то и $b = a$.

Отношение полного тождества (*«a»* тождественно *«b»*), так как если *«a»* тождественно *«b»*, то и *«b»* тождественно *«a»*.

Отношение логического (или частичного) тождества (*«a»* сходно с *«b»* в признаке *«c»*), так как если *«a»* сходно с *«b»* в признаке *«c»*, то и, наоборот, *«b»* сходно с *«a»* в признаке *«c»*. Таковы, например, следующие конкретные отношения: «быть подобным», «быть похожим» или более конкретные отношения «быть сходными в весе», «быть сходными в окраске» и т. д., отношения частичного различия и т. п.

Некоторые отношения во времени (*«a»* одновременно с *«b»*, или более конкретное отношение — *«a»* современник *«b»*) например, «Пушкин современник Грибоедова».

Некоторые отношения родства (*«a»* брат *«b»*), так как если *«a»* брат *«b»*, то и *«b»* брат *«a»*, если *a* и *b* — мужчины и т. д.

Несимметричность

Отношение называется несимметричным, если неверно утверждение, что оно симметрично, т. е. если имеет место отношение между *«a»* и *«b»*, то возможен случай, когда *«a»* находится в данном отношении к *«b»*, а *«b»* не находится в этом отношении к *«a»*.

Примерами несимметричных отношений могут быть следующие: отношения «заботиться о», «ухаживать за», «наблюдать за» и т. д.

Антисимметричность

Отношение называется антисимметричным тогда и только тогда, когда, имея место между предметами *«a»* и *«b»*, это отношение при этом никогда не имеет места между предметами *«b»* и *«a»*. Примерами антисимметричных отношений могут быть следующие: некоторые отношения по величине, например, отношения «быть больше» ($a > b$), «быть меньше» ($a < b$). Отношение «быть больше» антисимметрично, потому что если $a > b$, то всегда будет неверным, что $b > a$. По тем же причинам отношение «быть меньше» также является антисимметричным.

Некоторые отношения родства: например, отношение «быть отцом» (*«a»* отец *«b»*), так как если *«a»* отец *«b»*, то всегда будет неверным, что *«b»* отец *«a»*.

Отношения степени, например, отношение «быть темнее» (*«a»* темнее *«b»*), так как если *«a»* темнее *«b»*, то будет неверным, что *«b»* темнее *«a»*, и т. д.

II группа отношений

Рефлексивность

Отношение называется рефлексивным тогда и только тогда, когда каждый предмет находится в этом же отношении к самому себе.

Примерами рефлексивных отношений могут быть: отношение равенства *«a»* = *«b»*, так как всякий предмет, и *«a»* и *«b»*, равен самому себе Отношение одновременности (*«a»* одновременно с *«b»*), так как при этом *«a»* одновременно с самим собой и *«b»* одновременно с самим собой.

Отношение логического тождества (*«a»* похоже на *«b»*), так как каждый предмет похож на самого себя и т. д.

Нерефлексивность

Отношение называется нерефлексивным, когда возможен случай, что предмет не находится в данном отношении к самому себе.

Примерами нерефлексивных отношений могут быть следующие: некоторые отношения переходных действий, например, «воспитывать», так как при этом каждый человек, воспитывая другого, может воспитывать самого себя, а может при этом и не воспитывать самого себя; «заботиться о», «веселить», «раздражать» и т. д.

Антирефлексивность

Отношение называется антирефлексивным тогда и только тогда, когда каждый предмет не находится в данном отношении к самому себе.

Примерами антирефлексивных отношений могут быть следующие: некоторые отношения по величине, например, «быть больше», «быть меньше» ($a > b$, $a < b$), так как каждый предмет никогда не больше самого себя и не меньше самого себя. Отношения родства, например, «быть отцом» («*a* отец *b*»), так как каждый человек не является сам себе отцом.

Отношение степеней сравнения, например, «быть умнее» («*a*» умнее «*b*»), так как каждый человек не умнее сам себя и т. д.

III группа отношений

Транзитивность

Отношение называется транзитивным тогда и только тогда, когда данное отношение, имея место между предметами «*a*» и «*b*», а также между предметами «*b*» и «*c*», имеет место между предметами «*a*» и «*c*» (если aRb и bRc, то aRc).

Примерами транзитивных отношений могут быть следующие: отношения по величине — «быть больше», «быть меньше», «быть равным», так как, например, если «$a > b$», а «$b > c$», то «$a > c$». Отношения во времени — «быть раньше», «быть позже», «быть одновременным», так как, например, если «*a*» наступило раньше, чем «*b*», а «*b*» наступило раньше, чем «*c*», то «*a*» наступило раньше, чем «*c*». Отношение в пространстве — «быть выше», «быть севернее», «находиться под» и т. д.

Нетранзитивность

Отношение называется нетранзитивным, когда возможен случай, что данное отношение, имея место между предметами «*a*» и «*b*», а также между предметами «*b*» и «*c*», не имеет места между предметами «*a*» и «*c*».

Примерами нетранзитивных отношений могут быть некоторые отношения переходных действий: например, «заботиться о», «ухаживать за», «понимать» и т. д.

Если «*a*» понимает «*b*», а «*b*» понимает «*c*», то в некоторых случаях «*a*» может понимать «*c*», а в других случаях «*a*» может и не понимать «*c*».

Если отношение R — транзитивно, то из двух посылок, определяющих отношение «*a*» и «*b*», с одной стороны, и «*b*» и «*c*» — с другой, можно вывести следствие, определяющее соотношение между предме-

тами «a» и «c» (из посылок aRb и bRc следует утверждение aRc). Если отношение R — нетранзитивно, то такого вывода сделать нельзя.

Антитранзитивность

Отношение называется антитранзитивным в том и только в том случае, когда данное отношение, имея место между предметами «a» и «b», а также между предметами «b» и «c», никогда при этом не имеет места между предметами «a» и «c».

Примерами антитранзитивных отношений могут быть некоторые отношения родства: если, например, «a» — отец «b», а «b» отец «c», то ни при каких условиях не может быть, чтобы «a» был отцом «c».

IV группа отношений

Связность

Отношение называется связным в некоторой области предметов, если для любой пары различных индивидуальных предметов из этой области по крайней мере один находится в этом отношении к другому.

Так, отношения «быть больше» или «быть меньше» являются связными для области натуральных чисел, так как из двух любых *различных* чисел одно обязательно больше или меньше другого.

Многие отношения по степени для определенной области также могут рассматриваться как связные в том случае, если эта область, например, людей, будет удовлетворять некоторым дополнительным условиям. Действительно, такие отношения, как «быть старше», «быть выше», «быть прилежнее», могут считаться для области людей связанными в том случае, если в этой области нет двух людей абсолютно одинаковых по возрасту, по росту и по прилежанию. В этом случае эти отношения будут связными.

V группа отношений

Функциональные отношения

Отношение называется функциональным (однозначным) в том и только в том случае, если каждому значению «y» отношения xRy соответствует лишь одно единственное значение «x». Примерами функциональных отношений могут быть следующие: «x отец y», поскольку у каждого человека (y) имеется лишь один единственный отец.

Таково же математическое отношение: $x = y^2$, так как каждому значению «y» соответствует одно единственное значение «x», но не наоборот. Например, значению $x = 4$ соответствуют два значения «y», а именно $y = 2$ и $y = -2$. При этом область x — представляет собой неотрицательные числа и область y — любые числа.

Такие отношения часто в логике называются однозначными. Среди функциональных отношений следует специально выделить взаимно-однозначные отношения.

Функциональное отношение называется взаимно-однозначным в том и только в том случае, когда в отношении «xRy» не только каждому значению «y» соотнесено одно единственное значение «x», но и наоборот: каждому значению «x» соотнесено одно единственное значение «y».

Примером взаимно-однозначных функциональных отношений могут быть следующие:

«x есть отец единственного y», так как каждому значению «y» здесь ставится в соответствие одно единственное «x», и, наоборот, каждому значению «x» здесь ставится в соответствие одно единственное «y» (единственный сын имеет определенного отца, и, наоборот, определенный отец имеет единственного сына).

Допустим теперь, что мы установили определенную меру длины отрезка и обозначили его единицей. Допустим, имеется полупрямая, исходящая из точки A. Будем теперь образовывать различные отрезки прямой, меняя постоянно ее размеры (отрезки AB, AC, AD и т. д.). Каждый из полученных отрезков будет характеризоваться определенными числами. Это число будет зависеть лишь от длины измеряемого отрезка. Отношение между длиной отрезка и числом, его измеряющим, можно изобразить в виде следующей функции: число измерения отрезка есть функция длины отрезка.

Обозначив число измерения отрезка через x, а длину отрезка через y, можно это отношение записать формулой: «x есть функция от y».

Это функциональное отношение взаимно-однозначно, так как каждому отрезку y соответствует одно единственное число, его измеряющее, x, и, наоборот, каждому числу, измеряющему отрезок y, соответствует одно единственное число x.

Другим примером взаимно-однозначного отношения может быть отношение, выражаемое формулой: $x = -y$, так как для каждого числа x имеется лишь одно число, удовлетворяющее этой зависимости, и наоборот. Например, значению $x = 2$ ставится этим отношением в соответствие одно единственное значение $y = -2$, и, наоборот, значению $y = -2$ должно ставиться в соответствие одно единственное значение $x = 2$.

Нефункциональные отношения

Отношение xRy называется нефункциональным, если в этом отношении с одним и тем же «y» могут находиться несколько предметов «x» (не обязательно один).

Примером нефункционального отношения может быть отношение между числами: $x > y$, так как при каждом числе «y» имеется бесконечное число чисел «x», удовлетворяющих данному отношению.

Нефункциональным отношением будет также отношение «x брат y», так как каждому значению «y» может соответствовать несколько значений «x» (каждый человек может иметь несколько братьев).

VI группа отношений

Однородность (гомогенность)

Отношение «aRb» называется однородным в том и только в том случае, когда предшествующий член отношения (a) и последующий член отношения (b) относятся к одной и той же области предметов (к одному и тому же «универсальному классу»).

Такое отношение, как отношение равенства между числами, является однородным, так как отношение равенства устанавливается между предметами одной и той же области — области чисел.

Разнородность

Отношение *«aRb»* называется разнородным в том и только в том случае, когда предшествующий член отношения (*a*) и последующий член отношения (*b*) взяты из различных областей предметов (различных «универсальных классов»).

Примерами разнородных отношений могут быть следующие: например, функциональная зависимость между длиной отрезка и числом, его измеряющим, так как пространственные величины и числа относятся к разным областям предметов (предметы этих областей представляют собой разные «универсальные классы»). Такими же отношениями будут функциональные зависимости между атомным весом элемента и его свойствами, между температурой тела и его объемом и т. д.

Некоторые отношения всегда бывают гомогенными, так как само отношение определяет ту однородную область, из которой могут быть взяты предшествующий и последующий члены отношения. Таковы отношения родства (они имеют смысл лишь для объектов, взятых из области животных), отношения в пространстве (они имеют смысл лишь для объектов, взятых из области предметов, имеющих пространственную характеристику) и т. п. Другие же отношения допускают, чтобы предшествующие и последующие члены отношения были взяты из различных областей (из различных «универсальных классов»). Таков ряд функциональных отношений, где каждой количественной величине может ставиться в соответствие определенная качественная величина; некоторые отношения переходных действий (отношение «вызывать»), где предшествующий член может быть взят из области материальных явлений, а последующий — из области духовных явлений, например, «всякое изменение в базисе *вызывает* соответствующее изменение в надстройке».

Значение общих логических свойств отношений для умозаключения

Подобно тому, что имеет место для аксиомы силлогизма, употребляемой в самых различных областях науки и практики, такие общие свойства отношений, как симметричность, транзитивность и другие, также встречаются в самых различных областях науки и деятельности людей. Создание общей теории, изучающей эти свойства, имеет поэтому во многом тот же смысл, что и создание теории силлогизмов.

Так, например, в логике часто рассматриваются умозаключения из посылок вида «$7>3$», а «$3>2$», следовательно, «$7>2$» и т. п. Может создаться впечатление, что такой вывод имеет место лишь там, где мы встречаемся с отношением «$>$» («быть больше»). Однако это не так. Из посылок «Петрозаводск лежит севернее Ленинграда», а «Ленинград лежит севернее Вологды» следует совершенно аналогичный вывод: «Петрозаводск лежит севернее Вологды». В основании этого умозаключения лежит то же свойство отношения, что и в основании предыдущего умозаключения ($7>3$ и $3>2$, следовательно $7>2$), а именно свойство транзитивности.

Имеет смысл поэтому в науке логике изучать такие свойства с тем, чтобы разработать их теорию, применимую в самых разнообразных изучаемых областях (так же как и аксиома силлогизма, отражающая основное свойство силлогистических умозаключений).

Поэтому знание тех или иных общих свойств отношений дает возможность обосновывать тот или иный вывод.

Допустим, имеется умозаключение, имеющее форму: xRy & $zRy \rightarrow x = y$, где xRy и zRy обозначают формы суждений, представляющих собой посылки умозаключения: знак & обозначает соединение посылок, а знак $\rightarrow$ обозначает следование заключения, имеющего форму $x = z$, из данных посылок. Мы скажем, что данное заключение $(x = z)$ следует из посылок, если отношение R — функциональное, т. е. если для каждого «a» существует одно единственное значение «b», которое находится с ним в данном отношении $R : bRa$. Поэтому если «$a=y$», а «$b=x$» (в первой посылке) и «$b = z$» (во второй посылке), то $x = z$.

Допустим, в печати появляется статья, резко критикующая произведение известного писателя. Эта статья подписана лишь инициалами «АМ». В обществе своих друзей автор произведения возмущается статьей критика и желает узнать его фамилию и имя. Один из друзей автора сообщает, что он хорошо знает этого критика в лицо, что он был последним выступавшим на вчерашней дискуссии. Некоторое время спустя, беседуя с одним из своих знакомых, автор произведения случайно узнает от него, что этот знакомый был последним выступавшим на той дискуссии, о которой автору произведения рассказал его друг. Отсюда автор произведения делает заключение, что данный человек является человеком, написавшим статью, резко критикующую его произведение.

Автор делает это умозаключение в силу того, что к данным явно выраженным посылкам добавляется еще одна, представляющая собой не что иное, как формулирование свойства функциональности рассматриваемого отношения.

В самом деле, известно: 1) что последний выступавший на диспуте (y) был автором критической статьи (x); 2) что последний выступавший на диспуте (y) является «данным знакомым» (z).

Из этих посылок делается заключение, что знакомый автора написал данную критическую статью.

Делая это умозаключение, мы выявляем еще одну посылку (без заключенного в ней знания нельзя сделать данного заключения), играющую роль свойства отношения (R), существующего между рассматриваемыми предметами (xRy и zRy), а именно свойства функциональности. Это свойство функциональности, играющее роль не явно выраженной посылки, состоит в следующем: последним выступавшим на данном диспуте может быть одно единственное лицо.

Итак, в том случае, если отношение функционально, то ход мысли при умозаключении совершается по формуле:

$$xRy \ \& \ zRy \rightarrow x = z.$$

В логике данные умозаключения рассматриваются как умозаключения тождества («традуктивные умозаключения»), но при этом до конца не раскрываются логические основания рассматриваемого умозаключения.

Хорошей иллюстрацией такого же рода умозаключения может служить случай, рассказанный Теккереем.

«Один старый аббат, беседуя в кругу интимных друзей, случайно сказал: священнику приходится испытывать странные вещи; вот, сударыни, первый исповедовавшийся у меня был убийца. — При эти словах знатнейший дворянин окрестности входит в комнату. — А, аббат, вы

здесь; вы знаете, господа, я был первым исповедовавшимся у аббата, и ручаюсь вам, моя исповедь поразила его!»[1].

Вполне естественно, что все присутствующие друзья аббата сделали заключение, что знатнейший дворянин окрестности является убийцей. Основанием этого умозаключения является однозначность отношения, существующая между первым исповедовавшимся и определенным лицом, т. е. мы знаем, что первым исповедовавшимся в определенное время может быть только лишь одно лицо.

В силу тех же самых логических оснований люди устанавливали, «что найденный в Олимпии Гермес тождествен со статуей Праксителя, о которой сообщает Павзаний; что солнечное затмение Фалеса есть то самое, какое по астрономическим вычислениям произошло 25 мая 585 года»[2].

Мы постарались на примере лишь одного свойства отношения показать, какую большую роль они имеют в выявлении логической природы умозаключений. Поэтому, с этой точки зрения, изучение отношений и их свойств чрезвычайно важно для логики.

Изучение отношений и их общих свойств имеет большое значение и при разработке теории умозаключений.

Сведение отношений к свойствам, а также истолкование суждений с отношением как атрибутивных суждений, является в данном случае совершенно бесплодным занятием. В этом нетрудно убедиться, если истолковывать суждения с отношениями во всех случаях атрибутивно.

Из двух суждений «$a=b$» и «$b=c$» следует заключение «$a=c$». Это заключение следует в силу транзитивности отношения равенства. Истолкуем эти суждения атрибутивно и притом так, как это делается в некоторых учебниках логики (например, в учебнике профессора Строговича).

Будем рассматривать в первом суждении «быть равным b» ($=b$), а во втором — «быть равным c» ($=c$) как признаки (предикаты), которые утверждаются относительно предметов «a» и «b». Такое истолкование в данном случае совершенно бесплодно для теории умозаключений, так как все равно из истолкованных таким образом суждений по правилам силлогизма нельзя получить заключения «$a=c$». В самом деле, из посылок: «a есть $=b$», «b есть $=c$» нельзя получить никакого заключения по правилам силлогизма, так как здесь у вас не имеется даже среднего термина: нельзя отождествить «b» и «$=b$».

Невозможность такого отождествления выступает ярко в другом примере: a есть $>b$; b есть $>c$.

Здесь также нет среднего термина: нельзя отождествлять «b» и «$>b$», так как если «b» равно, например, 5, то «величина большая пяти» ($>b$) не тождественная пяти (b). Выражение «быть больше пяти» означает все множество чисел натурального ряда больших пяти, а «5» обозначает лишь одно единственное число.

Нельзя согласиться с попытками, предпринимаемыми различными логиками, истолковать данные умозаключения как силлогистические.

Такую попытку мы встречаем в книге «Логика» профессора Строговича[3].

Рассмотренное умозаключение «$a=b$», а «$b=c$», следовательно, $a=c$, мы должны были бы, согласно точке зрения проф. Строговича, истолковать следующим образом: анализируя вторую посылку («$b=c$»),

[1] Б. Бозанкет. Основания логики, 1914, стр. 151.
[2] Х. Зигварт. Логика, т. I, 1908, стр. 95.
[3] Строгович. Логика, 1949, стр. 268—272.

мы можем записать, что «если какие-либо числа равны «b», то они будут равны и «c». Первую посылку мы оставим без изменения («$a = b$»).

Запишем получившийся условно-категорический силлогизм в полном виде: если какие-либо числа равны «b», то они будут равны и «c»; следовательно, $\frac{a=b}{a=c}$.

Данный силлогизм правильный. Но выясним, каким путем мы получили большую посылку: «если какие-либо числа равны «b», то они будут равны и «c». Эту посылку можно записать так: если $x = b$, то $x = c$. Возникает вопрос, с помощью каких логических средств образована эта посылка? Как можно перейти от первоначальных утверждений $b = c$ (вторая исходная посылка) и $x = b$ (основание новой большой посылки: если какие-либо числа равны «b») к утверждению, что $x = c$? Очевидно, что этот переход возможен в силу свойства транзитивности отношения равенства: раз $x = b$, а $b = c$, то $x = c$. Таким образом, возражая против отношений и их свойств, профессор Строгович молчаливо с помощью этих же свойств образует большую посылку своего силлогизма. Стремясь все заключения свести к силлогическим, профессор Строгович пользуется свойствами отношений для выявления большей посылки силлогизма. Заметим, что прием профессора Строговича годится лишь для посылок с транзитивными отношениями.

Ряд других попыток истолковать данные умозаключения силлогически страдает теми же недостатками: при выявлении большей посылки силлогизма всегда пользуются теми или иными общими свойствами различных отношений. Некоторые авторы, например, Поварнин, пытаются для такого рода умозаключений формулировать каждый раз «аксиомы», лежащие в основании вывода. Но эти «аксиомы», по существу выполняющие роль большей посылки в умозаключении, также формулируются на основании изучения общих свойств отношений. Эти аксиомы представляют собой описание свойств тех или иных отношений.

Теперь покажем, что сведение суждений об отношении к атрибутивным чрезвычайно обедняет и логический анализ суждения.

Рассмотрим суждение об отношении «Павел—отец Сергея». Истолкуем это суждение атрибутивно: «Павел есть отец Сергея» (заметим, что при объемном истолковании данное суждение выглядит очень искусственно: «Павла» мы включаем в класс «отцов Сергея», который непременно состоит из одного члена).

Теперь попытаемся обратить данное суждение по правилам обращения атрибутивных суждений. Нам известно, что субъект распределен, т. е. что он взят во всем объеме. Это значит, что объем субъекта полностью включается в объем предиката. Отсюда следует, что во всяком случае часть объема предиката совпадает с объемом субъекта, поэтому при обращении (в силу формальных правил) мы должны были бы получить: «Существует такой из отцов Сергея, который является Павлом» (1), подобно тому как, обращая суждение «все числа, делящиеся на два, являются четными числами», мы в силу правил обращения можем получить лишь частное суждение: «Некоторые четные числа суть числа, делящиеся на два», если класс четных чисел не является пустым (раз «все S суть P», то по крайней мере «некоторые P суть S»). Но мы знаем, что раз «все числа, делящиеся на два, являются четными», то и, наоборот, «все четные числа являются делящимися на два». Возникает вопрос о том, что позволяет нам совершить переход от частного суждения («некоторые четные числа являются числами, делящимися на два») к общему суж-

дению («Все четные числа являются числами, делящимися на два»)?

Очевидно, этот переход стал возможен в силу того, что мы знаем, что нет таких нечетных чисел, которые бы делились на два (поэтому объемы четных чисел и чисел, делящихся на два, совпадают между собой).

Дополнительное знание об отношении S и P в нашем суждении (которое не следует из анализа самой формы этого суждения) является причиной получения из суждения вида A суждения этого же вида путем его обращения.

Получив частное суждение: «Существует такой из отцов Сергея, который является Павлом» — путем обращения «Павел есть отец Сергея», мы затем совершаем переход к суждению:

«Отец Сергея является Павлом» (2).

В силу чего мы получаем это суждение, что нам позволяет перейти от частного суждения к единичному, что нам позволяет совершить переход от первого суждения ко второму суждению? Очевидно, этот переход мы совершаем в силу нашего знания о том, что каждый человек имеет лишь одного отца. Это знание в сущности есть знание свойства функциональности данного отношения («отец»).

Путем произведенного обращения данного суждения по правилам обращения атрибутивного суждения (где, как мы видели, существенную роль играют свойства отношений), мы выясняем логическое отношение между двумя такими терминами: «Павел» и «отец Сергея». Но путем этой операции мы никогда не можем выяснить отношений между терминами «Павел» и «Сергей». Мы лишены этого потому, что отказались рассматривать понятие *отношения* и его свойства. Логическая природа отношения этих двух терминов будет раскрыта лишь тогда, когда термин «отец» мы будем рассматривать как отношение. В этом случае мы выясним, что механическая перестановка терминов («Павел» и «Сергей») здесь недопустима, что недопустимость этой перестановки носит всеобщий характер для отношения — «отец» и «сын», так как эти отношения антисимметричны.

Мы узнаем далее, что из суждения «Павел — отец Сергея» следует всегда в силу свойств отношения «отец» суждение «Сергей—сын Павла». Чтобы вывести это суждение, не требуется прибегать к знанию других суждений: мы это делаем в силу знания свойств данного отношения.

Знание логических свойств отношений имеет чрезвычайно существенное значение в математике при исследовании логической природы той или иной дедуктивно построенной математической дисциплины.

Всякая дедуктивная теория, представляющая собой аксиоматически построенную дисциплину с выявленными логическими средствами вывода, предполагает исследование логических свойств отношений. Отношений, которые входят в число исходных понятий той или иной дедуктивной теории, всегда конечное число. Их логические свойства служат логическим основанием для ряда выводов. Так, если нам известно, что одно из исходных отношений нашей теории (aR^*b) рефлексивно, то, отвлекаясь от конкретного значения переменных a и b этого отношения, мы можем сделать из него следующие следствия: aR^*a и bR^*b. Эти выводы, таким образом, предполагают знание по содержанию того или иного основного отношения, используемого в системе той или иной теории. Заметим, что применение в традиционной теории умозаключений правил силлогизма всегда предполагает, что отношение, которое связывает переменные (S, P и M) в посылках, является атрибутивным (или

может быть сведено к таковому). Это означает, что в этом отношении выводы несиллогистические ничем в принципе не отличаются от силлогистических.

Чрезвычайно существенную роль играет введение отношения в логику для изучения бесконечных областей предметов, для отличия конечного от бесконечного. Так, например, в связи с задачами обоснования математики является чрезвычайно важным уметь отличать конечную область предметов от бесконечной по определенным их логическим характеристикам.

Если в запас наших логических средств не будут входить отношения (но одни лишь свойства), то мы не сумеем выполнить этой задачи. Мы не сумеем записать тогда такие формулы, которые являются выполнимыми для бесконечных областей и не являются выполнимыми для конечных, и потому не сумеем логическими средствами отличить конечное от бесконечного. Введя отношение (функцию от двух переменных), мы получаем эту возможность. Так, например, мы имеем возможность записать в виде логической формулы аксиому порядка, которая является выполнимой для бесконечной области предметов, но не является выполнимой для конечной области, и тем самым мы получаем возможность отличать логическими средствами конечное от бесконечного и таким путем изучать бесконечность.

Также, например, определение бесконечного множества, идущее от чешского математика и логика Больцано (бесконечное множество — это такое множество, которое можно взаимно-однозначно отобразить на его правильную часть), таково, что бесконечное множество определяется через существование некоторого отношения, обладающего определенным свойством. Здесь нельзя отношение заменить свойством. Это обстоятельство находит яркое наглядное выражение при всякой попытке написать формулу, определяющую бесконечное множество. В каждую такую формулу обязательно входит некоторый знак, обозначающий отношение.

В заключение обратим внимание на следующие два момента:

1. Подобно тому как некоторые суждения с отношением в определенном контексте имеют смысл атрибутивных суждений, так же иногда и в контексте целого умозаключения то или иное суждение с отношением *должно* рассматриваться как атрибутивное для того, чтобы из данных посылок можно было сделать какое-либо заключение. Например:

Иван — брат Петра.

Все братья Петра — участники Великой Отечественной войны.

Следовательно, Иван — участник Великой Отечественной войны.

Данное умозаключение — силлогистическое. Истолкование посылки «Иван — брат Петра» в данном случае атрибутивное, и это истолкование определяется контекстом.

Таким образом, в каждом конкретном случае нам приходится рассматривать суждения, имеющие форму «aRb», то как суждение с отношением, то как атрибутивные суждения, что определяется контекстом. При этом мы утверждаем, что во всех случаях и при всех обстоятельствах сводить отношения к свойствам бессмысленно.

2. Существует еще один способ объемного истолкования суждения с отношениями, предложенный Шредером в его «Лекциях по алгебре логики».

Суждение, имеющее форму «aRb», предлагается истолковывать объемно, как совокупность пар предметов (a, b), находящихся в данном отношении R. Заметим, что данное объемное истолкование суждений с

отношением ничего общего не имеет с атрибутивным истолкованием этих суждений. В атрибутивных суждениях мы отношение сводим к свойству, при таком же объемном истолковании суждений с отношением, отношение не сводится к свойству и не исключает логического анализа, основанного на общих свойствах отношений.

Так, суждение «$a = b$» истолковывается в этом случае как совокупность пар предметов, находящихся между собой в отношении равенства.

Объем понятия, в содержании которого отражены общие свойства, и объем понятия, в содержании которого отражены отношения

Объем таких понятий, как «брат», «причина» «больше», «меньше», и т. д., отличается от объема таких понятий, как «черное», «смелое», «герой», «произведение», «социалистическая собственность», «народы, борющиеся за свою независимость» и т. д.

Объем понятия, в содержании которого отражены общие свойства явлений и предметов действительности, представляет собой класс (множество) предметов, удовлетворяющих данному понятию. В этом случае в объем того или иного понятия войдут только те индивидуальные предметы, приписав которым в качестве предиката содержание данного понятия, мы получим истинные суждения. Так, в объем понятия «страны народной демократии» войдут такие отдельные страны, как «Польша», «Чехословакия», «Болгария» и др., так как, приписав им содержание рассматриваемого понятия, мы получим следующие истинные суждения: «Польша — страна народной демократии», «Болгария — страна народной демократии» и т. д.

Объем понятия, в содержании которого отражены отношения между предметами действительности, определяется иначе. Выявление специфики объемов таких понятий имеет большое значение в различных науках и в повседневной жизни.

Объем отношения представляет собой класс упорядоченных пар, троек, четверок и т. д. предметов, которые удовлетворяют данному отношению.

Поясним это на примерах.

Что будет представлять собой объем понятия «больше» («a больше b»), если речь идет о натуральном ряде чисел? Очевидно, что следующие упорядоченные пары чисел войдут в объем данного понятия: (2,1), (6,4), (30,25), (40,30) и т. д., так как они удовлетворяют отношению «больше» («a больше b»). Эти упорядоченные пары удовлетворяют отношению «больше» потому, что, будучи связаны данным отношением, они образуют ряд истинных суждений: «2 больше 1»; «6 больше 4»; «30 больше 25»; «40 больше 30» и т. д.

Следующие же упорядоченные пары чисел не войдут в объем отношения «больше»: (2,3), (7,10), (20,40) и т. д., так как они не удовлетворяют отношению «больше» («a больше b»). Эти упорядоченные пары чисел не удовлетворяют отношению «больше» потому, что, будучи связаны данным отношением, они образуют ряд ложных суждений: «2 больше 3»; «7 больше 10»; «20 больше 40» и т. д.

Обычно места, на которые мы подставляем индивидуальные предметы, связываемые данным отношением, обозначаются буквами, имеющими значение переменных. Так, отношение «больше» представляется в виде следующей формы «a больше b». Совокупность пар индивидуальных предметов, которые, будучи подставленными вместо переменных «a», «b», образуют истинное суждение, войдут в объем отношения «боль-

ше». Форма «*a* больше *b*» не представляет собой суждения, а представляет собой *форму* соответствующего суждения с отношением, так как выражение «*a* больше *b*» само по себе ни истинно, ни ложно. Оно может приобрести значение истины или лжи в зависимости от тех индивидуальных предметов, которые будут подставлены вместо переменных «*a*» и «*b*». Так, если вместо «*a*» и «*b*» подставить ссответственно 5 и 3, то получится истинное суждение («5 больше 3»), если же вместо «*a*» и «*b*» подставить соответственно 6 и 7, то получится ложное суждение («6 больше 7»).

Указанная форма очень удобна для выявления объема того или иного отношения, так как она наглядно показывает, входят ли в объем данного отношения соответствующие пары (тройки, четверки и т. д. в зависимости от характера отношения предметов), и облегчает проверку того, удовлетворяют или нет данные индивидуальные упорядоченные группы (каковы, например, упорядоченные пары) предметов данному отношению.

Так, форма суждения с отношением «лежать между» («*a* лежит между *b* и *c*») указывает, что объем данного отношения состоит из соответствующих троек точек на прямой, если речь идет о множестве точек, например, на данной прямой *AB*.

Для отношений является существенным порядок тех предметов, которые входят в соответствующую пару, тройку, четверку и т. д., удовлетворяющую данному отношению. В этом можно убедиться на примере рассмотренного выше отношения «больше». Упорядоченная пара чисел (3, 1) удовлетворяет данному отношению и потому входит в его объем. Если же мы *изменим порядок* предметов, входящих в данную пару предметов (1, 3), то она перестанет удовлетворять данному отношению (поскольку суждение «1 больше 3» является ложным суждением) и не войдет в объем данного отношения. Лишь в случаях симметричных отношений предметы той или иной пары можно менять местами (менять их порядок), так как при этом в обоих случаях мы будем получать истинные суждения. Допустим, имеется отношение «брат» («*a*—брат *b*») и пусть два индивидуальных предмета «Иван» и «Петр» удовлетворяют данному отношению (и потому эта пара предметов входит в объем данного отношения). В этом случае подстановка данных индивидуальных предметов в данное отношение может производиться в любом порядке, так как полученные в результате подстановки оба суждения будут истинными: «Иван—брат Петра»— истинное суждение. «Петр—брат Ивана» — также истинное суждение.

Каждое отношение, так же как и свойство, имеет смысл всегда лишь в отношении определенной области предметов («универсального класса»). При определении объема того или иного отношения отыскиваются соответствующие пары, тройки, четверки и т. д. предметов в соответствующей области предметов, по отношению к которой имеет смысл говорить о данном отношении. Если имеется отношение «быть умнее, чем», то областью предметов, из числа которых имеет смысл выделять совокупность пар предметов, образующих объем данного понятия, может быть область живых существ вообще или тех живых существ, которые являются одним из видов живых существ, что определяется контекстом. Если же имеется отношение «быть принципиальнее, чем», то область предметов, из числа которых имеет смысл выделять совокупность пар предметов, образующих объем данного понятия, будет область людей.

Индивидуальные предметы, входящие в объем отношения, могут обозначаться как именами, так и с помощью описаний.

Так, парами предметов, входящих в объем отношения «находиться севернее, чем», могут быть следующие:

а) пары предметов, обозначенные именами: Москва—Харьков, Тбилиси — Баку, Казань — Ульяновск, Мурманск — Архангельск и т. д.;

б) пары предметов, соответствующие классам из одного элемента: столица СССР — столица Украины; город, построенный Петром I и превращенный им в столицу России, — город, где находится самая мощная в Европе электростанция; город, где родился В. И. Ленин, — город, где родился Н. Г. Чернышевский, и т. д. В объем отношений могут входить не только пары, тройки, четверки и т. д. индивидуальных предметов, но и *сами классы*. Так, например, в объем отношения «находиться во взаимно-однозначном соответствии» войдут все такие пары классов, в которых каждому элементу одного класса может быть сопоставлен один и только один элемент другого класса, и наоборот, т. е. классы равномощные.

Объем того или иного отношения можно наглядно отобразить, например, табличным способом, как это и делается обычно в математике при рассмотрении различного рода зависимостей (функций).

Допустим, что рассматривается область чисел от 1 до 6. Необходимо выяснить объем отношения (R) «быть числом, большим или меньшим другого в два раза».

Таблица 1

	1	2	3	4	5	6
1	—	+	—	—	—	—
2	+	—	—	+	—	—
3	—	—	—	—	—	+
4	—	+	—	—	—	—
5	—	—	—	—	—	—
6	—	—	+	—	—	—

По вертикали и горизонтали (см. таблицу) пишутся по порядку числа, составляющие область наших предметов (от 1 до 6). На пересечении соответствующих столбцов и строк мы будем отмечать, находятся данные числа друг к другу в отношении «R» («быть больше другого вдвое») или нет. Если одно из чисел «больше другого вдвое», то эта пара чисел будет удовлетворять данному отношению «R» и входить в его объем. Клетки со знаком «+» обозначают те пары чисел, которые входят в объем данного отношения, клетки же со знаком «—» обозначают те пары чисел, которые не входят в объем данного отношения; выпишем те пары чисел, которые входят в объем данного отношения «R». Эти пары, обозначенные в таблице знаком «+», следующие: (1,2), (2,1), (2,4), (3,6), (4,2), (6,3). Первое число в каждой паре обозначает номер стро-

ки, второе — номер столбца. Все остальные пары чисел не удовлетворяют данному отношению и потому не входят в его объем (они обозначены знаком «—»).

Табличным изображением объема того или иного отношения мы широко пользуемся не только в математике, но и в других науках и в повседневной жизни. В математике мы пользуемся многочисленными таблицами, изображающими объем тех или иных отношений; таковы, например, таблицы логарифмов и тригонометрических функций. В таблицах логарифмов мы находим объем пар таких чисел, одно из которых находится к другому в отношении «быть логарифмом» или «быть антилогарифмом».

В повседневной жизни мы также постоянно встречаемся с такого же рода таблицами. Так, например, графики движения поездов (расписание поездов), железнодорожные тарифы, графики разгрузок и погрузок товаров, графики посещаемости, графики, отражающие рост производительности труда, добычи топлива, руд и т. п., различные диаграммы представляют собой таблицы или другие наглядные средства изображения объемов отношений, устанавливаемых между теми или иными предметами.

Например, железнодорожное расписание представляет собой объем отношения «быть по расписанию», которому удовлетворяют три соответствующих предмета: номер поезда, название станции и время. В расписании всегда указывается, в какое время поезд определенного номера находится на такой-то станции (указывается время прибытия и отправления поезда). Совокупность троек предметов (номера, времени и станции), которые указаны в расписании и которые удовлетворяют данному отношению («быть по расписанию»), и составляет объем данного отношения. Если в расписании указано, что поезд № 28 в 12.00 прибывает в г. Тулу, то соответствующая тройка предметов войдет в объем данного отношения.

Само собой понятно, что речь идет или обо всех расписаниях, действующих в определенное время, или о расписаниях, действующих в определенное время на данной железнодорожной станции и т. д., что зависит от контекста.

Также, например, график, иллюстрирующий рост нашей производительности труда, является по существу объемом отношения, устанавливающего функциональную зависимость между течением времени и изменением процента производительности труда. Это отношение есть функциональное отношение, так как каждой точке времени соответствует лишь одна единственная величина, характеризующая производительность труда. В объем этого отношения войдут пары предметов, первым из которых будет указано время, вторым — соответствующий показатель производительности труда.

С такого рода объемами отношений мы встречаемся и в естественных, и в общественных науках.

Теперь мы рассмотрим, как выполняются те операции над объемами отношений, которые имели место в отношении объемов свойств.

Подобно тому как общее свойство определяет класс предметов (объем), каждому из которых принадлежит это свойство, так же и отношение определяет класс упорядоченных пар, троек, четверок и т. д. предметов, которые удовлетворяют данному отношению. При этом часть операций, которые выполнялись над классами, соответствующими свойству, выполнимы над классами пар, троек и т. д. предметов, соответствующих отношению, а *часть* — невыполнимы. Так, операции ограниче-

ния и обобщения, применимые к понятиям, в качестве содержания которых выступают свойства, применимы также в некоторых случаях и к понятиям, в качестве содержания которых выступают отношения.

Например, понятие «брат» можно ограничить и получить понятие «родной брат». Объем этого понятия меньше, чем объем исходного понятия «брат», так как пар предметов, удовлетворяющих первому понятию, больше, чем пар предметов, удовлетворяющих второму понятию, и каждая пара, удовлетворяющая второму отношению («родной брат»), будет удовлетворять и первому («брат»), но не наоборот.

Обобщая понятие «брат», мы можем получить понятие «родственник». В этом случае каждая пара, удовлетворяющая первому отношению, будет удовлетворять и второму, но не наоборот: объем отношения «родственник» будет шире, чем объем отношения «брат».

Рассмотрим теперь вопрос об отношениях между понятиями. В том случае, когда у нас в понятии мыслятся общие свойства, мы понятия делим прежде всего на совместимые и несовместимые: затем первую из получившихся в результате этого деления группу мы подразделяли на подчиненные, перекрестные и тождественные понятия.

Возникает вопрос, можем ли мы установить аналогичные отношения между понятиями, в которых в качестве признаков мыслятся не общие свойства, а отношения? Такого рода понятия можно разделить на совместимые и несовместимые понятия. Примерами могут быть следующие: «сестра» и «родственник» — совместимые понятия; «отец» и «мать» — несовместимые понятия. Теперь приведем примеры на виды совместимых понятий.

Понятия «брат» и «родственник» — подчиненные понятия: всякая пара предметов, удовлетворяющая первому отношению, будет удовлетворять и второму, но не наоборот.

Понятия «быть причиной» и «вызывать появление» — тождественные понятия: каждая пара предметов, удовлетворяющая первому отношению, удовлетворяет и второму, и наоборот.

Понятия «быть меньше или равно» и «быть больше или равно» — перекрестные понятия: только некоторые пары предметов, удовлетворяющие первому отношению, удовлетворяют и второму, и, наоборот, лишь некоторые пары предметов, удовлетворяющие второму отношению, удовлетворяют и первому.

Необходимо иметь в виду, что при настоящем анализе мы пару предметов рассматриваем как самостоятельный предмет, поскольку эта пара образует такое же единство, какое, например, образуют предметы, отражаемые в собирательных понятиях.

Мы установили, что одни и те же понятия в некоторых случаях (в зависимости от контекста) могут истолковываться и как свойства, и как отношения. Нами рассмотрено понятие «брат» и установлено, что это понятие в зависимости от контекста может быть то свойством, то отношением. В зависимости от того, будут такого рода понятия рассматриваться как свойства или как отношения, отношения между ними будут различные.

Возьмем понятия «отец» и «сын». Выясним отношения между этими понятиями, рассматривая их как понятия, в которых отражены общие свойства. Под «сыном» поэтому в данном случае мы понимаем такого мужчину, у которого есть отец и мать, а под «отцом» — такого мужчину, у которого есть дети. Очевидно, что в данном случае эти понятия будут находиться в отношении подчинения, так как всякий отец является в свою очередь сыном, но не наоборот: не всякий сын является отцом.

Если понятие «отец» обозначить буквой *A*, а понятие «сын» буквой *B*, то отношение между ними графически можно изобразить следующим образом (рис. 1). Выясним и теперь отношение между теми же понятиями, истолковывая их как отношения. Очевидно, что отношение между этими же понятиями, истолкованными как отношения, не будет отношением подчинения, а будет иным отношением, а именно: ни одна пара предметов, удовлетворяющих первому отношению, не будет удовлетворять второму отношению, и наоборот (так как в данном случае существенным является порядок предметов, входящих в данное отношение). Эти понятия будут разобщенными. Графически отношения между этими понятиями можно изобразить следующим образом (рис. 2):

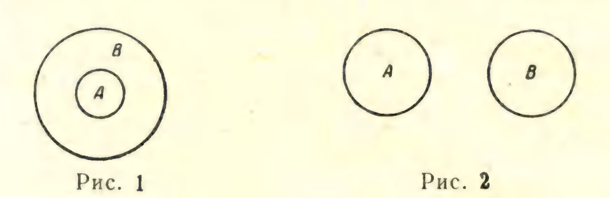

Рис. 1 Рис. 2

В заключении этого параграфа остановимся на вопросе о значении объемного истолкования отношения в науке. Объемное истолкование отношения, как уже было сказано выше, имеет большое значение в науке и в повседневной жизни. С одной стороны, содержание отношения определяет совокупность пар (троек, четверок и т. д.) предметов, удовлетворяющих данному отношению, с другой — изучая пары (тройки, четверки и т. д.) предметов, мы получаем возможность выделить то общее, что принадлежит этим парам (тройкам, четверкам и т. д.) предметов, т. е. получаем возможность выявить то отношение, которое связывает эти предметы. Выявление объема отношения и его исследование помогает:

1. Уточнять, подтверждать всеобщность характера того или иного отношения, той или иной зависимости для определенной совокупности пар (троек, четверок и т. д.) предметов, дает нам возможность показать, что любая пара (тройка, четверка и т. д.) предметов определенного вида и качества удовлетворяет данному отношению. Благодаря такой проверке мы устанавливаем, имеет это отношение всеобщий характер для совокупности пар предметов данного качества или не имеет. Особенно ярко это можно проследить для случая функциональных отношений. Рассмотрим пример.

Д. И. Менделеев, исследуя свойства элементов, установил, что между этими свойствами и атомным весом элемента существует определенное отношение, определенная зависимость, имеющая характер закона. Д. И. Менделеев по этому поводу писал, что закон периодичности можно формулировать следующим образом: свойства элементов, а потому и свойства образуемых ими простых и сложных тел *стоят в периодической зависимости* (то есть правильно повторяются) *от их атомного веса*. Данное отношение функциональное: каждому характеризующемуся определенными свойствами элементу может быть поставлен в соответствие определенный, один единственный атомный вес. При этом среди элементов, расположенных в ряде по возрастанию атомного веса, встретилась известная повторяемость свойств среди отдельных групп данных элементов (большие и малые периоды). В отличие от зарубежных ученых,

пытавшихся составить системы элементов чисто искусственным путем (Шанкуртуа, Ньюландс, Л. Мейер), Менделеев считал атомный вес (масса атома) и свойства элементов основными характеристиками элементов. По этому поводу он писал, что в веществе он видит два таких признака или свойства: *массу,* занимающую пространство и проявляющуюся в притяжении, а яснее или реальнее всего в весе, и *индивидуальность,* выраженную в химических превращениях, а яснее всего фомулированную в представлении о химических элементах. Итак, изучая элементы, Менделеев пришел к мысли о существовании закономерной связи между атомным весом элемента и его свойствами. Это была гипотеза. Нужно было ее доказать. Для обоснования указанного отношения между изменением атомного веса и свойствами элементов необходимо было установить известное отношение соответствия между парами таких «предметов» и расположить эти пары в порядке возрастания атомных весов, а затем уже производить дальнейшее исследование.

Итак, для проверки и установления характера зависимости свойств элементов от атомного веса необходимо было исследовать объемно данное отношение: поставить в соответствие каждому элементу атомный вес, расположить эти пары «предметов» в порядке возрастания их атомного веса (упорядочить получившийся ряд), а затем уже сопоставлять между собой его известные части. Это значит, что одним из этапов исследования всеобщности данной зависимости (отношения) является выявление и анализ объема этого отношения.

Отметим, что в той мере, в какой рассмотрение объема отношения помогает уточнить, обосновать общность отношения, его содержание, в такой же мере в свою очередь помогает выяснить, уточнить его объем.

Возвратимся к тому же примеру. При доказательстве той или иной гипотезы мы часто выводим из научного предположения следствия: если эти следствия подтверждаются на практике, то достоверность предположения возрастает и в конце концов данная гипотеза может приобрести характер доказанного научного положения, превратиться в научную теорию. При доказательстве своего научного предположения Д. И. Менделеев вывел из него ряд следствий, еще не доказанных в науке. В частности, он указал, что прежние атомные веса урана, индия, церия и др. вычислены неверно. Проверка их на опыте еще раз показала, что Менделеев прав. Далее были выведены такие следствия: Д. И. Менделеев показал, что должны существовать в природе еще три элемента с определенными атомными весами; эти три элемента (галлий, скандий и германий) вскоре были открыты учеными.

Итак, следствия, выведенные из самого содержания отношения, дали возможность уточнить его объем, т. е. определить ряд элементов, которым соответствуют определенные атомные веса.

Это доказывало, что открытая Д. И. Менделеевым зависимость имеет характер естественно-научного закона.

2. Фиксировать то или иное объективно существующее отношение. Это фиксирование производится с помощью таблиц, графиков, списков и т. д.

Такое отношение, как отношение между определенным человеком и временем его рождения, местом его рождения, его именем и его родителями, фиксируется объемно в виде особых списков, где указываются конкретные данные по перечисленным выше показателям.

Это отношение функциональное, так как определенное время и место рождения, имя человека и его родителей ставится в соответствие одному определенному человеку (при этом допускается, что не может быть двух

людей, родившихся в одно и то же время, в одном и том же месте, с одним и тем же именем и с одинаковыми именами родителей). Фиксирование отношений объемным путем необходимо всегда в тех случаях, когда это отношение не выражает общей зависимости.

С этой же целью и по такому же принципу составляются домовые книги, списки избирателей и т. д.

3. Раскрывать содержание данного отношения применительно к совокупности конкретных случаев. Это требуется проделывать в тех случаях, когда конкретные проявления в каждом случае бывают различными. В этих случаях мы также строим графики, таблицы, иллюстрирующие объем того или иного отношения. Примерами такого рода объемных отображений отношений могут быть таблицы тригонометрических функций, таблицы логарифмов и антилогарифмов, кривые растворимости различных веществ в зависимости от изменения температуры и т. д.

Например, из анализа отношения между изменением температуры и растворимостью нам известно, что при повышении температуры до известного предела растворимость вещества обычно повышается (это нам удалось выяснить в результате анализа объема этого отношения, т. е. в результате анализа конкретных случаев растворимости при тех или иных температурных условиях). Но в разных интервалах растворимость изменяется различным образом (она может возрастать то сильнее, то слабее). Чтобы отобразить все эти случаи, мы составляем соответствующую таблицу или вычерчиваем соответствующий график.

Наконец, зная объем отношения и ту зависимость, которой он соответствует, мы можем в некоторых случаях объем рассматриваемого отношения изобразить наиболее наглядным образом. С этой целью составляются, например, соответствующие диаграммы или графики, например, номограммы.

Заметим, что в связи с объемом отношений появляется ряд таких проблем, которые еще не существуют для объема свойств. Одной из таких проблем, играющей очень существенную роль в практике вычислений, является задача о замене данного отношения, зависящего от большого числа аргументов (троек, четверок и т. д.), эквивалентным ему отношением (или системой отношений), зависящих только от двух параметров (двучленных отношений) и допускающих поэтому простое изображение в виде таблицы. К области проблем этого рода относится, например, так называемая проблема резольвент в алгебре[1]. Работы Н. Г. Чеботарева о резольвентах характеризуются математиками как принадлежащие к числу наиболее выдающихся работ последних десятилетий. Но поскольку рассмотрение этого круга вопросов требует привлечения специально математических средств анализа, мы его в данной работе рассматривать не будем.

Отношение и вопросы абстракции

Введение понятия отношения в логику и выяснение общих логических свойств отношений необходимы не только потому, что эти общие свойства отношений являются логическим основанием ряда умозаключений и тем самым расширяют средства дедуктивного доказательства, но и потому, что понятие отношения помогает глубже раскрыть процесс абстракции, процесс отвлечения того или иного общего признака (свой-

---

[1] См. Н. Г. Чеботарев. Собрание сочинений, т. I, Статья «Проблема резольвент».

ства). Отвлечение общего свойства лежит в основе образования многих понятий.

Впервые вопросы абстракции были решены марксизмом, благодаря диалектическому подходу к вопросам познания, благодаря введению критерия практики в теорию познания.

Передовые для своего времени теории абстракции Д. Локка и французских материалистов опирались на метафизический метод познаний, не учитывали совершенно роли общественно-производственной практики и языка в процессе познания, а потому, естественно, были крайне ограниченными.

Ограниченность их теории, обусловленная указанными основными методологическими установками, проявилась конкретно в следующем:

1. Все материалистические теории абстракции, исходившие из сенсуализма, даже не ставят вопроса о том, *как* абстрагируется (выделяется) общее, как абстрагируются общие признаки от ряда индивидуальных вещей. Так, например, Локк (и его последователи в этом вопросе) понимали процесс абстракции следующим образом. Допустим, даны предметы X_1, X_2, X_3, X_4 и т. д., каждый из которых обладает рядом признаков. Пусть X_1 имеет признаки $abcde$, X_2 — признаки $ab_1c_1d_1e_1$, X_3 — признаки $ab_2c_2d_2e_2$, X_4 — признаки $ab_3c_3d_3e_3$ и т. д.

Анализируя эти признаки, мы отбрасываем те признаки, которые принадлежат не всем рассматриваемым предметам, и выделяем те признаки, которые принадлежат каждому из рассматриваемых предметов. В данном случае таким общим признаком будет признак «*a*». Этот признак и войдет в содержание общего понятия об этих предметах. В связи с этим Локк пишет: «Устраняют из своей сложной идеи Петра и Якова, Марии и Анны то, что было своеобразного в каждом лице, и удерживают только то, что у них всех есть общего» — так получают идею человека [1]. И далее: «Если из сложных идей, означаемых именами «человек» и «лошадь», устранить те особенности, которыми они различаются, удержать только то, в чем они сходятся, образовать из этого новую, особую сложную идею и дать ей имя «животное», то получается более общий термин, обнимающий вместе с человеком различные другие существа» [2]. Из приведенных примеров Локка явствует, что «удержание общего» и «отбрасывание своеобразного» возможно лишь тогда, когда мы уже решили вопрос о том, какие свойства принадлежат всем предметам данной совокупности и какие принадлежат лишь некоторым из этих предметов. Локковская теория абстракции, таким образом, обходит вопрос о том, *как* происходит выделение общего свойства. Локковская теория абстракции лишь констатирует следующее: когда в ходе процесса познания уже произошло выделение общего свойства, когда мы уже сумели отличать общие свойства от необщих, мы подразделяем все свойства на два класса — класс общих свойств (присущих каждому предмету изучаемой группы) и класс необщих свойств (присущих лишь некоторым предметам изучаемой группы); затем общие свойства включаются в состав содержания понятия об изучаемой группе предметов, а необщие — исключаются. Другими словами, локковская теория абстракции (как и описание процесса абстракции, вошедшие в учебники формальной логики, будь то абстракция изолирующая или обобщающая) исходят из того, что свойство, выделяемое нами и включаемое в состав содержания соответствующего понятия, нам уже известно: мы умеем выделять его среди других свойств

---

[1] Д. Локк. Опыт о человеческом разуме, 1898, стр. 406.

[2] Там же, стр. 406—407.

предмета, мы знаем его *имя* (слово, его обозначающее) и знаем то содержание, которое этому имени соответствует (т. е. знаем его значение).

Но ни одна домарксистская теория абстракции не могла даже подойти к решению вопроса о том, как выделяются (абстрагируются) свойства предметов, еще не познанные, не известные нам и которые, следовательно, не имеют еще имени.

2. Все, даже передовые домарксистские теории абстракции не могли решить вопроса о сложных взаимоотношениях ощущений и восприятий, с одной стороны, и мышления — с другой. Вопрос этот может быть решен лишь на основе диалектического материализма, диалектического метода.

Домарксистские материалисты, рассматривавшие все явления с точки зрения метафизического метода, или отрывали ощущения от мышления, чувственное от рационального (например, Гоббс), или по существу отождествляли их, например, французские материалисты, которые мышление рассматривали как своеобразное «универсальное чувство». Так, например, Гельвеций писал о том, что «знания человека никогда не достигают большего, чем дают его чувства. Все, что недоступно чувствам, недостижимо и для ума» [1].

В данном случае они вступали в противоречия с очевидными фактами: в науке часто приходится доказывать истины, которые не даны нам непосредственно в восприятии. Они не понимали, что ощущения и восприятия, с одной стороны, и мышление — с другой, тесно связаны друг с другом и вместе с тем существенно отличаются друг от друга. Они не понимали того, что эти две ступени познания находятся в неразрывном диалектическом единстве. Только диалектический материализм способен объяснить, каким образом мышление, имея своей основой ощущения и восприятия, способно выходить за пределы ощущений и восприятий, за пределы непосредственно данного, проникать в сущность предметов, открывать законы окружающей действительности.

3. Указанные теории абстракции исходили из того, что сопоставляемые между собой в процессе абстракции свойства должны носить чувственный (наглядный, осязаемый и т. п.) характер. Процесс абстракции они исследовали на примере таких свойств, как «быть белым», «быть громким», «быть вкусным», «быть крупным», «иметь зеленые листья» и т. п. Локк, например, чувствовал ограниченность своей теории абстракции в этом отношении. Он ставит вопрос о том, как из сопоставления красного и белого цветов можно получить идею цвета вообще, и не может его решить. Согласно его теории абстракции, общее свойство можно выделить из сравниваемых предметов лишь путем отбрасывания различных признаков и удержания общих. В данном же случае нашему чувственному восприятию даются лишь различные цвета (красное и белое). Отбрасывая это различное (красное и белое), мы никогда не «увидим» идеи «цвета вообще». Ни Локк, ни позднейшие сенсуалисты-материалисты не смогли даже подойти к постановке вопроса об отвлечении «абстрактного свойства», т. е. такого свойства, которое не может стать предметом чувственного восприятия (например, свойства «быть числом», «иметь цвет», «иметь стоимость» и т. п.). Этот вопрос ими обычно старательно обходился.

4. Все указанные выше теории абстракции, ограничиваясь рассмотрением вопросов об отвлечении общего чувственно воспринимаемого свойства, не ставят даже вопроса об отвлечении общего отношения, общей зависимости, закона.

---

[1] Гельвеций. О человеке, 1938, стр. 441.

Эти недостатки указанных теорий абстракции были использованы идеалистами всех мастей и толков в их борьбе против материализма.

Так, например, с критикой, направленной против материализма, против материалистических теорий абстракции, выступали кантианцы. Кассирер и Гуссерль, например, указывали, что процесс абстракции, процесс восхождения от отдельного к общему, от конкретного к абстрактному, невозможен без наличия доопытных, общих понятий. Они считали, что для того, чтобы иметь возможность сравнивать единичные предметы между собой, нужно до всякого сравнения знать, что значит «сходное», «различное» и т. п., т. е. иметь в голове идеи сходства и различия. Для того же, чтобы, например, объединить предметы в классы по какому-либо общему признаку, нужно заранее в голове иметь идеи «единство», «множество» и т. п. Кассирер, рассматривая роль отношения *необходимой связи* между признаками и ряд других отношений, приходит к следующему выводу: «...таким образом, — пишет он, — «понятие» не выводится, а предполагается наперед: ведь приписывая некоторому многообразию порядок и связь его элементов, мы тем самым предполагаем уже наличность понятия, если и не в его окончательной форме, то в его кардинальной функции» [1].

К аналогичному же выводу приходит и идеалист Гуссерль в своей «новой» теории абстракции. Он указывает, что «смысл» познавательного содержания необходимо четко отличать от всех видов психических переживаний, которые множественны в каждом отдельном случае, а смысл един; этот смысл объединяет множественное в сознании в некоторое идеальное единство и является не чем иным, как общим понятием. Наличие этого общего понятия, согласно Гуссерлю, является необходимым условием единства опыта и науки.

С подобного рода идеалистическими спекуляциями, связанными с теорией абстракции, мы встречаемся очень часто.

Опираясь на диалектический материализм — единственно научную философию, нетрудно показать полную научную несостоятельность и реакционность этих теорий. Все подобные идеалистические теории абстракции исходят из метафизического противопоставления чувственной и рациональной ступеней в познании, конкретного и абстрактного, единичного и общего, они совершенно игнорируют роль практики и языка в процессе познания, посредством которых и осуществляется единство указанных моментов. Все эти теории основываются на извращении действительного познания человеком окружающего мира.

В эпоху империализма, когда фальсификация данных науки становится неотъемлемой потребностью буржуазии, философы-идеалисты возрождают давным-давно опровергнутые всем ходом развития науки и практики теории по вопросу о происхождении и характере общего в познании.

Эти вопросы большинством представителей современного логического позитивизма решаются в духе средневекового номинализма.

Диалектический материализм впервые в истории философии дает научное и до конца последовательное решение этих вопросов. В настоящей работе мы затронем лишь один вопрос из всего компекса вопросов, связанных с теорией абстракции.

Мы остановимся только на вопросе о том, какую роль играет отношение в ходе выделения, абстрагирования того или иного не познанного

---

[1] Э. Кассирер. Познание и действительность, 1912, стр. 29.

еще нами свойства, познание и выделение которого играет существенную роль в формировании соответствующего понятия.

Мы постараемся показать, что выделение общего — гораздо более сложный процесс, чем это представлялось в сенсуалистических теориях абстракции. С этой целью мы остановимся на анализе формирования понятия стоимости.

К. Маркс анализ понятия стоимости начинает с рассмотрения обмена товаров. К. Маркс показывает, что свойство стоимости можно выделить, лишь исследовав отношения между товарами, в которые они вступают при их взаимном обмене. Товары в процессе обмена приравниваются друг другу, несмотря на их различный качественный характер. Возникает вопрос, что представляет собой то общее, что позволяет устанавливать отношение равенства, отношение сравнения между двумя совершенно различными в качественном отношении товарами?

К. Маркс подробно рассматривает этот вопрос. «Возьмем, — пишет Маркс, — два товара, напр., пшеницу и железо. Каково бы ни было их меновое отношение, его всегда можно выразить уравнением, в котором данное количество пшеницы приравнивается известному количеству железа, напр.: 1 квартер пшеницы $= a$ центнерам железа. Что говорит нам это уравнение? Что в двух различных вещах—в 1 квартере пшеницы и в a центнерах железа — существует нечто общее равной величины. Следовательно, обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не есть ни первая, ни вторая из них» [1].

Так же «1 том Проперция и 8 унций нюхательного табаку могут быть одинаковой меновой стоимостью, несмотря на различие потребительных стоимостей табака и элегии. Как меновая стоимость, одна потребительная стоимость стоит ровно столько, сколько и другая, если только они взяты в правильной пропорции. Меновая стоимость дворца может быть выражена в определенном количестве коробок сапожной ваксы. Наоборот, лондонские фабриканты сапожной ваксы выразили стоимость множества коробок ваксы в своих дворцах» [2].

Далее Маркс выясняет, что представляет собой это третье, общее двум различным обмениваемым друг на друга потребительным стоимостям. Это общее оказывается стоимостью товаров.

«Таким образом, — пишет Маркс, — то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость» [3].

Итак, выделение стоимости как общего свойства различных обмениваемых друг на друга товаров стало возможным посредством анализа отношений сравнения между двумя товарами, в которые вступали обмениваемые друг на друга товары.

Анализ отношений между предметами, следовательно, предшествует выделению того общего, не познанного еще нами свойства, которое лежит в основе образования научного понятия стоимости.

Маркс подробно останавливается на вопросе об абстракции, выясняя условия, при которых то или иное свойство может быть отвлечено от своего носителя. Рассмотрим еще пример, который приводит Маркс. Допустим, нам требуется определить вес головы сахара. Для этого нам необходимо отвлечься от всех прочих свойств, кроме свойства тяжести. Как же произвести абстрагирование этого свойства? «Голова сахара, —

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 43.
[2] К. Маркс. К критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 13.
[3] К. Маркс. Капитал, т. I, 1949, стр. 45.

пишет Маркс, — как физическое тело имеет определенную тяжесть, вес, но ни одна голова сахара не дает возможности непосредственно увидеть или почувствовать ее вес. Мы берем поэтому несколько кусков железа, вес которых заранее определен. Телесная форма железа, рассматриваемая сама по себе, столь же мало является формой проявления тяжести, как и голова сахара. Тем не менее, чтобы выразить голову сахара как тяжесть, мы приводим ее в весовое отношение к железу. В этом соотношении железо является телом, в котором нет ничего, кроме тяжести. Количества железа служат поэтому мерой веса сахара и по отношению к физическому телу сахара представляют лишь воплощение тяжести, или форму проявления тяжести. Эту роль железо играет только в пределах того отношения, в которое к нему вступает сахар или другое какое-либо тело, когда отыскивается вес последнего. Если бы оба тела не обладали тяжестью, они не могли бы вступить в это отношение, и одно из них не могло бы стать выражением тяжести другого» [1].

Таким образом, общее, существующее объективно в конкретных телах (сахаре и железе), проявляется через их отношение друг к другу, через взаимосвязи самих исследуемых предметов. При этом для процесса абстракции, процесса выделения не познанного еще нами свойства (как и вообще в ходе познания) существенную роль играют те отношения, в осуществлении которых *практика* человека играет решающую роль. И действительно, выделение свойства стоимости происходит через анализ отношения обмениваемости товаров друг на друга, которая и может осуществляться лишь через посредство человеческой практики; аналогично свойство веса выделяется нами через отношение, которое и осуществляется через посредство практики человека. Это означает, что сначала человек должен научиться оперировать практически с предметами, а затем уже он может переходить к изучению тех отношений, взаимосвязей между предметами, в осуществлении которых существенную роль играет практика, а затем уже человек познает общие свойства этих предметов, раскрывая при этом их сущность.

Способ выделения общего свойства, способ образования понятия, описанный Марксом, носит весьма общий характер. Об этом свидетельствует следующее высказывание Маркса.

«В некоторых отношениях, — пишет Маркс, — человек напоминает товар. Так как он родится без зеркала в руках и не в качестве фихтеанского философа: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, только в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек»[2].

Человек, таким образом, образует понятие о самом себе через сравнение себя с другими людьми.

Итак, для выделения общего, которое «существует лишь в отдельном, через отдельное»[3], необходимо активное отношение к этому отдельному, необходимо сопоставлять, сравнивать данное отдельное с другими отдельными, необходимо выяснить, в какого рода отношения вступают предметы друг с другом. Если между сравниваемыми предметами существует нечто общее, то предметы могут вступить в такое отношение, которое будет обладать тремя следующими логическими свойствами:

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, 1949, стр. 63.
[2] Там же, стр. 59.
[3] В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 329.

1. Отношение *R* должно быть такое, чтобы для всякого предмета *X*, рассматриваемой области, существовал предмет *Y*, находящийся к предмету *X* в отношении *R*.

Если речь идет о товарах и между ними установилось отношение «обмениваться друг на друга», то для каждого товара существует известное количество другого такого товара, на который он обменивается.

2. Отношение *R* должно быть симметричным. Если речь идет о товарах и между ними установилось отношение «обмениваться друг на друга», то если один товар обменивается на другой, то и другой обменивается на первый.

3. Отношение *R* должно быть транзитивным. Если речь идет о товарах и между ними установилось отношение «обмениваться друг на друга», то если один товар обменивается на второй, а второй на третий, то первый обменивается на третий.

И, наоборот, если мы обнаруживаем, что между данными предметами существует отношение, обладающее указанными тремя свойствами, то это значит, что между ними существует нечто общее. Это отношения типа равенства. Примерами их могут служить следующие: «быть равночисленным», «быть равновеликим», «быть параллельным», «находиться в состоянии равновесия с» и т. п.

Именно в отношении взаимного обмена между товарами Маркс обнаруживает то общее, что существует между ними, невзирая на различие их качественных и количественных характеристик (у элегии и табака, банок ваксы и дворцов). Этим общим оказывается стоимость товара, как то, «что выражается в меновом отношении или меновой стоимости товара».

Для того чтобы выделить это общее, Маркс исследует отношение обмениваемости между товарами в плане анализа различных форм стоимости (случайной, развернутой и всеобщей) и показывает, что подлинное отношение товаров в условиях развитого рынка — это отношение взаимообмениваемости или отношение «обмениваться друг на друга». Последнее становится очевидным лишь на основе исследования всеобщей формы стоимости, так как именно тогда становится очевидным, что не только каждый товар может обмениваться на определенные количества любого товара (развернутая форма стоимости), но что все обмениваемые товары на какой-либо определенный товар могут обмениваться друг на друга (выявлено свойство транзитивности рассматриваемого отношения).

В том случае, когда в том или ином отношении мы находим три указанные выше свойства, это отношение разбивает рассматриваемые предметы на классы, не имеющие общих элементов, и при этом каждый предмет может быть эквивалентом (представителем) всего класса. Так, выделив стоимость, как то общее, что существует среди обмениваемых друг на друга товаров, мы можем с точки зрения свойства стоимости разбить все товары на исключающие друг друга классы равностоящих товаров и при этом каждый товар, взятый из одного класса, с точки зрения свойства стоимости, может быть представителем всех других товаров, входящих в этот класс.

При этом необходимо иметь в виду, что свойство не создается отношением — оно существует в самом предмете объективно, как проявление качественной определенности предмета. В этом смысле свойство предшествует тем отношениям, в которые данный предмет может вступить с другими предметами. Более того, сам характер отношений, в которые вступают вещи между собой, определяется свойствами этих вещей.

Маркс замечает, что «свойства данной вещи не создаются ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении» [1].

Маркс не останавливается на констатировании того общего, что существует между обмениваемыми друг на друга товарами. Маркс переходит к определению данного понятия (стоимости), к раскрытию его содержания. Маркс показывает, что это общее (стоимость) представляет собой «абстрактно человеческий труд», количество которого «измеряется его продолжительностью, рабочим временем» [2].

Выделив «общее», Маркс раскрывает содержание этого общего, образуя научное понятие стоимости. Таким образом, понятие отношения играет существенную роль при рассмотрении вопросов абстракции. Подробнее этот вопрос рассматривается в статье проф. С. А. Яновской «Об определении через абстракцию» («Сборник статей по философии математики», Учпедгиз, 1936).

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 64.
[2] Там же, стр. 45.

Е. Н. СОКОЛОВ

РЕЦЕПЦИЯ КАК РЕФЛЕКТОРНЫЙ ПРОЦЕСС

Объективное изучение органов чувств как анализаторов внешней и внутренней среды организма открывает новые пути экспериментального исследования и, давая ценные данные для философского обобщения, служит делу развития диалектико-материалистической теории познания. В допавловской физиологии представление об органах чувств складывалось преимущественно на основании изучения их периферических отделов. Последние рассматривались в отрыве от деятельности мозга, а процессы, происходящие в них, прямо соотносились с непространственными понятиями идеалистической психологии. Ярким примером этого служит учение Гельмгольца о «бессознательных умозаключениях» при восприятии величины, цвета и формы, а также теория цветового зрения Геринга, выводящая все богатства цветных ощущений из ассимиляций и диссимиляций трех гипотетических веществ сетчатки.

Русская научная мысль, воспитанная на передовой материалистической классической философии революционных демократов, пошла по другому пути. Трудами И. М. Сеченова была создана теория «чувствующих снарядов», работающих как единое целое с мозгом. И. П. Павлов, развивая идеи И. М. Сеченова, рассматривал анализатор как органическое единство периферического прибора (рецептора), проводящих путей и сложной системы клеток, расположенных на разных уровнях центральной нервной системы, в которой ведущее значение принадлежит коре. Тонкое различение свойств объектов связано, согласно учению И. П. Павлова, с аналитико-синтетической функцией коры и специально с ядром корковой части анализатора.

Учение об анализаторах как аппаратах, включающих «мозговые концы», похоронило попытки объяснять ощущения свойствами периферического приемника, показало научную несостоятельность аргументов физиологического идеализма, дополнив новыми конкретными данными положение В. И. Ленина о том, что ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания.

Вопреки физиологическому идеализму, рассматривавшему специфику органов чувств как нечто внутреннее, целиком предопределенное их «специфической энергией», научные факты показывают, что анализаторы являются продуктом внешних воздействий, возникших в результате многовековой эволюции. Специфика анализатора, выражающаяся в снижении порога раздражения по отношению к действию адэкватного раздражителя, есть частный случай приспособления организма к важным для него

видам внешней энергии. Специализация анализаторов является продуктом воздействия внешней среды, поэтому и особенности устройства анализаторов зависят от свойств внешнего мира.

Отчетливее всего это можно показать в отношении глаза — ведущего анализатора высших млекопитающих. Возникновение глаза психолог-идеалист Пьер Жанэ, последователь реакционного философа Бергсона, необоснованно рассматривает как продукт идеального стремления, когда «желание организовалось в глаз». Противопоставляя этим взглядам материалистическую точку зрения, И. П. Павлов говорит: «Он считает, что представление—это есть частичка той творящей силы, которая составила мой глаз». «Можем мы с ним сговориться или нет?» — спрашивает Павлов и отвечает, — «Конечно, нет» [1].

Важные и чрезвычайно перспективные исследования органов чувств в духе мичуринской биологии и павловского учения были проведены С. И. Вавиловым. Они показали зависимость устройства зрительного анализатора от световых свойств внешней среды (палочки и колбочки, приспособленные к чередованию дня и ночи, избирательная чувствительность глаза к разным участкам электромагнитного спектра, адаптация глаза к уровню интенсивности действующего света и др.).

Важнейший вывод из исследований С. И. Вавилова состоит в установлении того, что физические свойства излучений Солнца на поверхности Земли создают специальное устройство прибора — зрительного анализатора, предназначенного для их адэкватного восприятия.

То, что глаз реагирует только на сравнительно узкий диапазон электромагнитных излучений, не является недостатком органа зрения, а составляет условие его работы, как анализатора воздействий внешней среды. Так, при расширении диапазона воспринимаемых лучей в сторону инфракрасной части спектра зрению препятствовали бы тепловые излучения самих тканей глаза [2]. Мысль о роли избирательной реакции глаза на свет как условии зрения была высказана еще Ф. Энгельсом, который, критикуя Гельмгольца, ссылавшегося на избирательную чувствительность органа зрения как доказательство ограниченности его познавательных возможностей, указывал, что «глаз, который видел бы *все* лучи, именно поэтому не видел бы *ровно ничего*» [3].

Исследование анализаторов как аппаратов, возникших под влиянием внешней среды в процессе эволюции организмов, обогащает новыми данными положение диалектического материализма о формировании отражательной деятельности в длительном процессе развития органической жизни.

Развитие аппаратов рецепции, избирательно реагирующих на воздействия внешней среды, происходит как результат внешних воздействий.

С эволюционной точки зрения повреждения и возбуждения являются родственными процессами. Если простейшие белковые тела разрушались под влиянием того или иного сильного внешнего воздействия, то с возникновением систем, обладающих для определенных воздействий низким порогом раздражения, разрушение всего организма стало заменяться обратимым разрушением нервных образований. Внешнее воздействие, являясь безусловным раздражителем в отношении данного органа чувств, становится сигналом в отношении других деятельностей организма.

---

[1] «Павловские среды», т. III, М.—Л., 1949, стр. 98.
[2] См. С. И. Вавилов. Глаз и солнце, 1950, стр. 108.
[3] Ф. Энгельс. Диалектика природы, Госполитиздат, 1953, стр. 191.

На низших ступенях развития действие раздражителя приводило в деятельность весь организм животного. Однако во многих случаях реакции всего организма были преждевременными. Для определенной интенсивности раздражителя движение всего тела редуцировалось до изолированной реакции самого воспринимающего органа, движение, установка и настройка которого заменили движения всего тела до выяснения свойств вновь появившегося агента.

Рефлекторные реакции, где рецептор в то же время выступает как эффектор (ориентировочные рефлексы), служат приспособлению организма к внешней среде. Они направлены на лучшее восприятие раздражителя и позволяют высшим животным отсрочить деятельность всего организма до выявления существенных свойств объекта.

Так, зрительный анализатор в ходе эволюции приобрел особую подвижность, обеспечивающую «ощупывание» объекта задолго до непосредственного соприкосновения с ним организма.

У высших животных сложные системы условных фазических рефлексов позволяют отражать связи между отдельными свойствами объекта и реагировать на совокупность этих свойств. У антропоидов ориентировочный рефлекс в качестве исследовательского рефлекса выделяется в специальную деятельность, которая превращается у человека в познавательную деятельность.

Ориентировочная деятельность представляет собой ряд рефлексов, возникающих в ответ на изменение интенсивности, или качества действующего раздражителя, в процессе которой организм не только различает мельчайшие воздействия внешней среды, но, связывая раздражения в сложные комплексы, дифференцирует их один от другого.

Анализатор представляет собой «синтез-анализатор», в котором функции анализа и синтеза неразрывно связаны друг с другом [1]. В результате одновременных и последовательных воздействий на разные органы чувств ориентировочные рефлексы вступают между собой в связь, которая расширяет познавательные возможности органов чувств, составляет основу сложных форм восприятия. Критикуя агностицизм Гельмгольца, Ф. Энгельс указывал, что к показаниям одного органа чувств прибавляются данные других органов чувств и деятельность мышления [2].

Рефлекторный анализ взаимосвязи анализаторов принципиально отличается от идеалистических теорий восприятия, например, теории «сенсорной интеграции», развиваемой Эдрианом, который рекомендует отказаться от исследования «таинственной связи между мозгом и умом», ограничиваясь констатацией наблюдаемых фактов.

Образование связи между двумя «индифферентными» раздражениями, каждое из которых вызывает ориентировочный рефлекс, происходит по законам образования условного рефлекса. Этот вывод следует из опытов Подкопаева и Нарбутовича, предпринявших попытку ассоциировать два таких индифферентных раздражения, как шум и вертушка, ориентировочный рефлекс на которые медленно угасает. Оба эти раздражения, начиная с шума, к которому затем присоединялась и вертушка, действовали вместе. После этого вертушку начинали подкреплять слабым электрическим током, применение которого вызвало у собаки поднятие лапы. Применение в качестве условного раздражителя прежде нейтрального шума также стало вызывать поднятие лапы. «Следовательно, — указывал

---

[1] См. А. Г. Иванов-Смоленский. Очерки патофизиологии высшей нервной деятельности мозга, 1949, стр. 27.

[2] См. Ф. Энгельс. Диалектика природы, М., 1950, стр. 193.

И. П. Павлов, — два индифферентных раздражителя соединились вследствие одного только совпадения во времени»[1].

Эти данные подтвердились и при действии нескольких индифферентных раздражителей[2].

Итак, при условии достаточной новизны и силы раздражителей, вызывающих ориентировочные реакции, между анализаторами устанавливается условнорефлекторная связь, отражающая объективную связь этих раздражителей.

Роль ориентировочного рефлекса в образовании связей анализаторов чрезвычайно отчетливо выступала в опытах Э. А. Асратяна, выдвинувшего представление, согласно которому «условный рефлекс первого порядка есть синтез двух или большего числа разных безусловных рефлексов, осуществленный высшим отделом центральной нервной системы»[3].

При действии раздражителей, адресованных одновременно к разным анализаторам, происходит замыкание связи между корковыми представительствами соответствующих безусловных ориентировочных рефлексов. Так, при одновременном действии слухового и зрительного раздражителей, каждый из которых может быть индифферентным в отношении пищевой или оборонительной реакции, но безусловным в отношении органов слуха и зрения, образуется комплексное раздражение, адэкватное действующему комплексному раздражителю.

Разбирая опыты А. Г. Иванова-Смоленского с дифференцировкой комплексных раздражителей, состоящих из четырех одинаковых элементов, отличающихся только порядком, И. П. Павлов указывал: «Клетки при данном условии должны были связаться, образовать сложную единицу, как это мы видим на постоянном факте образования условных рефлексов»[4].

Постоянная объективная связь определенных свойств предметов и явлений внешнего мира в процессе фило- и онтогенеза вызывает образование систем рефлекторных связей анализаторов, отражающих эту устойчивую связь свойств внешнего мира.

В процессе филогенеза это приводит к возникновению комплексных анализаторов. Таким комплексным анализатором является глаз со сложной сетчаткой, включающей палочковый и колбочковый аппарат, и рецепторы глазодвигательного аппарата, участвующие в акте зрения. У человека комплексным анализатором является и орган осязания — рука, включающая целую систему взаимодействующих анализаторов: двигательного, тактильного, температурного, болевого. Кроме образования комплексных анализаторов, в процессе развития сложились целые системы органов чувств, возникновение которых также обусловлено взаимосвязанными внешними воздействиями. Такова система зрительного, слухового, двигательного и вестибулярного анализаторов, взаимодействие которых обеспечивает организму ориентировку в пространстве.

Образование связей при реакции организма на комплексные раздражители, так же как и более прочно закрепленная связь отдельных частей в комплексных анализаторах или системах анализаторов, имеет своим

---

[1] «Павловские среды», т. I, 1949, стр. 263.

[2] См. Н. А. Рокотова. Образование временных связей в коре головного мозга собак при действии нескольких индифферентных раздражителей, «Журнал высшей нервной деятельности», т. II, вып. 5, 1952, стр. 753.

[3] Э. А. Асратян. К физиологии временной связи, Сборник «50 лет учения академика И. П. Павлова об условных рефлексах», 1952, стр. 81.

[4] И. П. Павлов. Полн. собр. трудов, т. IV, стр. 127—128.

источником объективные связи свойств предметов и процессов внешнего мира.

Как на основании свойств солнечного света можно предсказать свойства оптического анализатора, так на основании знания объективных связей свойств внешнего мира можно предсказать общую схему взаимодействия анализаторов, ибо свойства объективного мира формируют связи анализаторов как органов его восприятия.

С позиций рефлекторной теории взаимосвязь анализаторов впервые подверглась изучению в русской науке И. М. Сеченовым. Рассматривая процесс формирования чувствующих снарядов, как результат с одной стороны непрерывной их дифференциации, с другой — объединения в «сочетанную или координированную деятельность специальных форм чувствования между собой и с двигательными реакциями тела» [1], он придавал внешней среде в этом процессе ведущее значение.

Взаимодействие органов чувств исследовалось А. А. Ухтомским, уделявшим специально внимание вопросу о роли «комплексных рецепторов» в отражении объективного мира [2].

Условнорефлекторные связи анализаторов у человека изучались С. В. Кравковым, показавшим закономерное изменение чувствительности, вызванное действием условного агента [3].

Начало объективному изучению этой группы фактов из сложной деятельности анализаторов, которые прежде целиком относились к компетенции так называемой психологической части физиологии органов чувств, положили труды И. П. Павлова.

На примере анализа восприятия величины предмета И. П. Павлов уже в 1909 году наметил новую область плодотворного изучения процесса рецепции с позицией рефлекторной теории: «Когда физиолог убеждается, например, — указывал И. П. Павлов, — что для выработки представления о действительной величине предмета требуется известная величина изображения на сетчатке и вместе известная работа наружных и внутренних мышц глаза, он констатирует механизм условного рефлекса. Известная комбинация раздражений, идущих из сетчатки и из этих мышц, совпавшая несколько раз с осязательным раздражением от предмета известной величины, является сигналом, становится условным раздражением от действительной величины предмета. С этой точки зрения, едва ли оспоримой, основные факты психологической части физиологической оптики есть физиологически не что иное, как ряд условных рефлексов, т. е. элементарных фактов из сложной деятельности глазного анализатора» [4].

Аналогичным образом И. П. Павлов подходит к явлению восприятия рельефа на рисунке, кажущемуся на первый взгляд «чисто психологическим», и раскрывает его условнорефлекторную природу: «Возьмем простой случай хорошо переданного рисунком рельефа. Кожно-механические и двигательные раздражения, идущие от рельефа, суть первоначальные и основные раздражения, а световые раздражения от его более или менее освещенных и от более или менее затемненных мест представляют собой сигнальные условные раздражения, получившие свое жизненное значение лишь впоследствии в силу совпадения их во времени с первыми» [5].

Наши исследования на экспериментальном материале подтвердили рефлекторную природу, восприятия величины и удаления, а также пока-

---

[1] И. М. Сеченов. Избранные произведения, т. I, 1952, стр. 291.
[2] См. А. А. Ухтомский. Соч., т. IV, 1945, стр. 176.
[3] См. С. В. Кравков. Взаимодействие органов чувств, М., 1948, стр. 85.
[4] И. П. Павлов. Полн. собр. трудов, т. III, стр. 101.
[5] И. П. Павлов. Полн. собр. трудов, т. IV, стр. 130.

зали, что восприятие направления, величины предмета и другие восприятия основаны на образовании системы условнорефлекторных связей разных анализаторов[1].

Экспериментальные данные позволяют сделать вывод, что основным фактором взаимодействия органов чувств является внешняя среда, а связь органов чувств лишь отражает рефлекторно объективные связи воздействующих на организм агентов. В этом взаимодействии организма и среды, по выражению Т. Д. Лысенко, *«формой* нужно считать *тело*, а условия жизни тела — *содержанием»*[2].

Рефлекторный анализ процесса рецепции справедлив не только тогда, когда в нем участвуют разные анализаторы, но и для деятельности одного анализатора.

Орган чувств с его рецепторными клетками, как всякая часть организма, находится под регулирующим влиянием высших отделов центральной нервной системы. Сами рецепторные клетки, дающие начало афферентному пути, могут выступать в качестве эффекторного конца в процессе рефлекторной настройки органов чувств. Поэтому процесс действия раздражителя на анализатор, процесс его рецепции есть рефлекторный процесс. Павловское учение охватило понятием анализатора все те аппараты внутренней среды организма, которые прежде рассматривались вне их афферентной функции. Наиболее полно И. П. Павловым была исследована афферентная функция мышечного аппарата.

Опытами Н. И. Красногорского экспериментально была доказана афферентная природа двигательной области коры, где расположены афферентные клетки двигательного анализатора, вступающие в связь с клетками других анализаторов для осуществления детерминированных актов поведения. Раздражение рецепторных клеток, заложенных в мышцах, составляет лишь первое звено в процессе тончайшего коркового анализа и синтеза раздражений, возникающих при движении организма.

Дальнейшими исследованиями К. М. Быкова было доказано существование анализаторов внутренней среды организма, анализирующих раздражения, возникающие при изменении кровяного давления, химического состава крови, пищи и др., что подтвердило гениальный вывод И. П. Павлова о коре как совокупности корковых частей анализаторов, всем частям которой присущи функции дифференциации раздражений и замыкания связей.

Но если до Павлова органы движения и внутренние органы рассматривались преимущественно как эффекторы, то деятельность внешних органов чувств, наоборот, рассматривалась преимущественно психологически как чисто сенсорная функция. Эффекторная функция экстерецепторов исследовалась Л. А. Орбели. Однако, приписывая вегетативной нервной системе независимую от коры адаптационно-трофическую функцию, Л. А. Орбели по вопросу о механизме эфферентных влияний отошел от учения И. П. Павлова, который принимал возможность непосредственно из коры управлять не только скелетными движениями, но другими органами и даже отдельными тканями.

Современные данные уничтожают представление о противоположности соматической и вегетативной нервной системы. С одной стороны, все более накапливаются данные об афферентной функции вегетативной нервной системы. Так, обнаруженные Н. Г. Колосовым чувствительные

---

[1] См. Е. Н. Соколов. Взаимосвязь анализаторов в отражении внешнего мира, сб. «Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии», М., 1952, стр. 253.
[2] Т. Д. Лысенко. Агробиология, 1949, стр. 600.

окончания в ганглиях внутренних органов, солнечного сплетения, пограничного симпатического ствола показывают, что и старое представление о вегетативной нервной системе как об эфферентной нервной системе не соответствует действительности. С другой стороны, клинические и экспериментальные данные говорят о трофической функции соматической нервной системы, ибо повреждения двигательных нейронов вызывают не только нарушение двигательной функции, но и атрофию скелетных мышц.

Итак, анализатором внешней среды организма, двигательному аппарату и внутренним органам присущи как афферентные, так и эфферентные функции. Это согласуется с представлением И. П. Павлова о наличии в коре двух слоев клеток: верхних слоев афферентных клеток, воспринимающих поступающие импульсы и вступающих в связь друг с другом и с афферентными клетками других анализаторов, и нижних слоев эфферентных клеток, через которые кора управляет деятельностью органов. Рецептор анализатора внешней среды, будучи преемником внешней энергии, является частью целого организма и, как каждый его орган, определенным образом изменяется под влиянием корковых воздействий. Являясь началом афферентной части рефлекторной дуги при замыкании связи, рецептор сам является эффектором, который рефлекторно регулируется корой. Это отчетливо выступает в работе двигательного анализатора, где управление движением и рецепция, контролирующая его, неразрывно взаимосвязаны.

Нервная регуляция состояния анализатора, и специально его рецепторной части, происходит путем передачи корковых импульсов на эффектор как по соматическим, так и по вегетативным проводникам. Под их влиянием изменяется способность клеток рецептора реагировать на приложенное к ней воздействие. Настройка рецептора, таким образом, может быть обусловлена рефлекторными раздражениями, идущими из внешней и внутренней среды организма. Влияние коры на рецептор является частным случаем трофического влияния, которое состоит в изменении обмена веществ всех тканей тела, включая и саму нервную ткань, посредством нервной системы. Учет этих корковых стимуляций в микроинтервалах времени приводит к сложной схеме рецепции как рефлекторного процесса, в ходе которого кора регулирует трофику самих нервных образований [1].

Единство афферентной и эфферентной стороны в деятельности анализаторов иллюстрируют опыты А. Т. Пшоника. Сочетая действие условного раздражителя (звонка) с температурным воздействием, он получил изменение сосудистой реакции и возникновение соответствующих температурных ощущений под влиянием акустического условного раздражителя [2]. Кора головного мозга рефлекторно организует деятельность периферических аппаратов: «Связь кожной рецепции с корой, таким образом, — не простая односторонняя центростремительная связь, а многосторонняя взаимосвязь» [3].

До сих пор, однако, зрительный и слуховой анализаторы — важнейшие для ориентировки человека во внешней среде — рассматривают часто лишь как арифметическую сумму периферических и центральных частей, а не рефлекторно, не как целый прибор, в котором настройка периферического прибора (рецептора) включает механизм рефлекторного

---

[1] См. К. М. Быков. Учение И. П. Павлова и современное естествознание, сб. «50 лет учения акад. И. П. Павлова об условных рефлексах», АН СССР, 1952, стр. 19.
[2] См. А. Т. Пшоник. Роль коры в рецепторной функции организма, 1952, стр. 31.
[3] К. М. Быков. Кора головного мозга и внутренние органы, 1947, стр. 234.

приспособления под влиянием корковых импульсов. Даже подробно разработанная П. П. Лазаревым фотохимическая теория зрения, исходящая из представления о том, что чувствительность зрения зависит, с одной стороны, от концентрации фотореагента сетчатки, с другой — от чувствительности нервных центров, специально не учитывает рефлекторную регуляцию деятельности сетчатки, изменяющую уровень концентрации зрительного пурпура [1].

Однако действие света на глаз рефлекторно перестраивает все состояние анализатора: изменяется величина зрачка, глаз поворачивается в направлении источника света, кривизна хрусталика устанавливается для получения четкого изображения источника света на сетчатке, возникают ретино-моторные движения, происходит перемещение пигмента.

Наконец, есть данные, что и такие реакции периферического отдела оптического анализатора, как разложение и восстановление зрительного пурпура, регулируются рефлекторно.

Применение условнорефлекторной методики показывает, что корковым влияниям принадлежит важное значение в перестройке фотохимических процессов сетчатки. Так, в опытах А. О. Долина изменения темновой адаптации происходили при действии условного раздражителя (метронома), сочетаемого прежде с действием света [2]. Обсуждая эти опыты, И. П. Павлов указывал: «Действует свет, значит внешний агент, безусловный раздражитель. Этот безусловный раздражитель разлагает пурпур и, следовательно, постепенно уничтожает чрезвычайную чувствительность... Затем, вместо света, как безусловного раздражителя, оказывается то же самое производит метроном и, очевидно, производит потому, что он заменяет собою свет... Вы прямо видите, как световая энергия обусловливает химическую реакцию, а потом звуковая, отдаленная энергия, обусловливает ту же реакцию» [3].

Продолжение этих опытов С. В. Кравковым с применением искусственного зрачка и одновременной регистрацией электрической чувствительности глаза, а также наши опыты в этом направлении показали, что условнорефлекторное снижение световой чувствительности происходит одновременным повышением электрической чувствительности, специально характеризующей состояние нервных клеток зрительного анализатора, лежащих выше абсорбирующего свет пурпура палочек. Следовательно, условнорефлекторное понижение световой чувствительности не есть результат понижения чувствительности центров, а связано с рефлекторной дезадаптацией клеток рецептора. Эффекторные влияния, идущие к периферии зрительного анализатора, существенно изменяют и биоэлектрические явления, возникающие при действии света на сетчатку. Очаг застойного возбуждения в зрительном нерве вызывает изменения электрических эффектов на включение света, появление ритмической электрической активности сетчатки и в отсутствие света и, наконец, полное прекращение биоэлектрической активности [4].

Следует считать поэтому, что собственно физико-химическая модель процесса действия света на фотореагент сетчатки справедлива лишь для

---

[1] См. П. П. Лазарев. Соч., т. II, 1950, стр. 301.

[2] См. А. О. Долин. Новые факты к физиологическому пониманию ассоциации у человека, Архив биолог. наук, 1936.

[3] «Павловские среды», т. III, 1949, стр. 263.

[4] См. Д. А. Фарбер. Изменение электрической активности сетчатки под влиянием парабиотического очага в зрительном нерве, «Физиологический журнал» № 3, 1952, стр. 304.

начального момента его действия, до начала рефлекторных изменений, происходящих под влиянием центров.

Анализатор является, таким образом, не простой суммой периферических органов, проводящих путей и мозговых клеток, это — единый аппарат, где периферический конец анализатора не есть лишь пассивный приемник, а представляет собой орган, рефлекторно перестраивающий свои функции с начала действия на него раздражителя.

В рефлекторном процессе рецепции у человека, как показали исследования А. Г. Иванова-Смоленского, участвует вторая сигнальная система: «Зрачковая, дыхательная или сердечно-сосудистая условная реакция, выработанная на звонок, получается и в том случае, если этот условный раздражитель заменяется его словесным обозначением» [1].

Таким образом, весь процесс рецепции, который в допавловской физиологии органов чувств рассматривался вне рефлекторной теории — субъективно, становится объектом изучения физиологии высшей нервной деятельности.

Представление о рецепции как рефлекторной деятельности мозга, детерминированной внешними воздействиями, свидетельствует против физиологического идеализма, рассматривающего процесс рецепции как высвобождение «специфических энергий» органов чувств, и открывает новые пути исследования анализаторов как органов адэкватного отражения внешнего мира, без которого невозможно приспособление организма к окружающей среде.

---

[1] А. Г. Иванов-Смоленский. Об изучении совместной работы первой и второй сигнальных систем мозговой коры, «Журнал высшей нервной деятельности», т. I, вып. 1, 1951, стр. 60.

СОДЕРЖАНИЕ

Ученые записки, выпуск 169
Труды Философского факультета
* * *
Редактор *Н. Н. Козюра*
Технич. редактор *В. В. Мезьер*
* * *
Сдано в набор 15|III 1954 г.
Подписано в печать 28|X 1954 г.
Формат бум. 70×108 1/16. 14,73 печ. лист.
Бум. лист. 5³/₈. Уч-изд. лист. 14,75

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
5	15-я снизу	вскрывающих	вскрывающий
16	9-я сверху	в 1953 году	в 1954 году
16	9-я сверху	свыше 13 миллионов	свыше 17 миллионов
54	11-я снизу	Готтской	Готской
57	29-я сверху	Готтской	Готской
83	21-я сверху	Кренповецкого	Кремповецкого

Зак. 592

СОДЕРЖАНИЕ

Ф.

фил

нов

чен

Ученые записки, выпуск 169
Труды Философского факультета

* * *

Редактор *Н. Н. Козюра*
Технич. редактор *В. В. Мезьер*

* * *

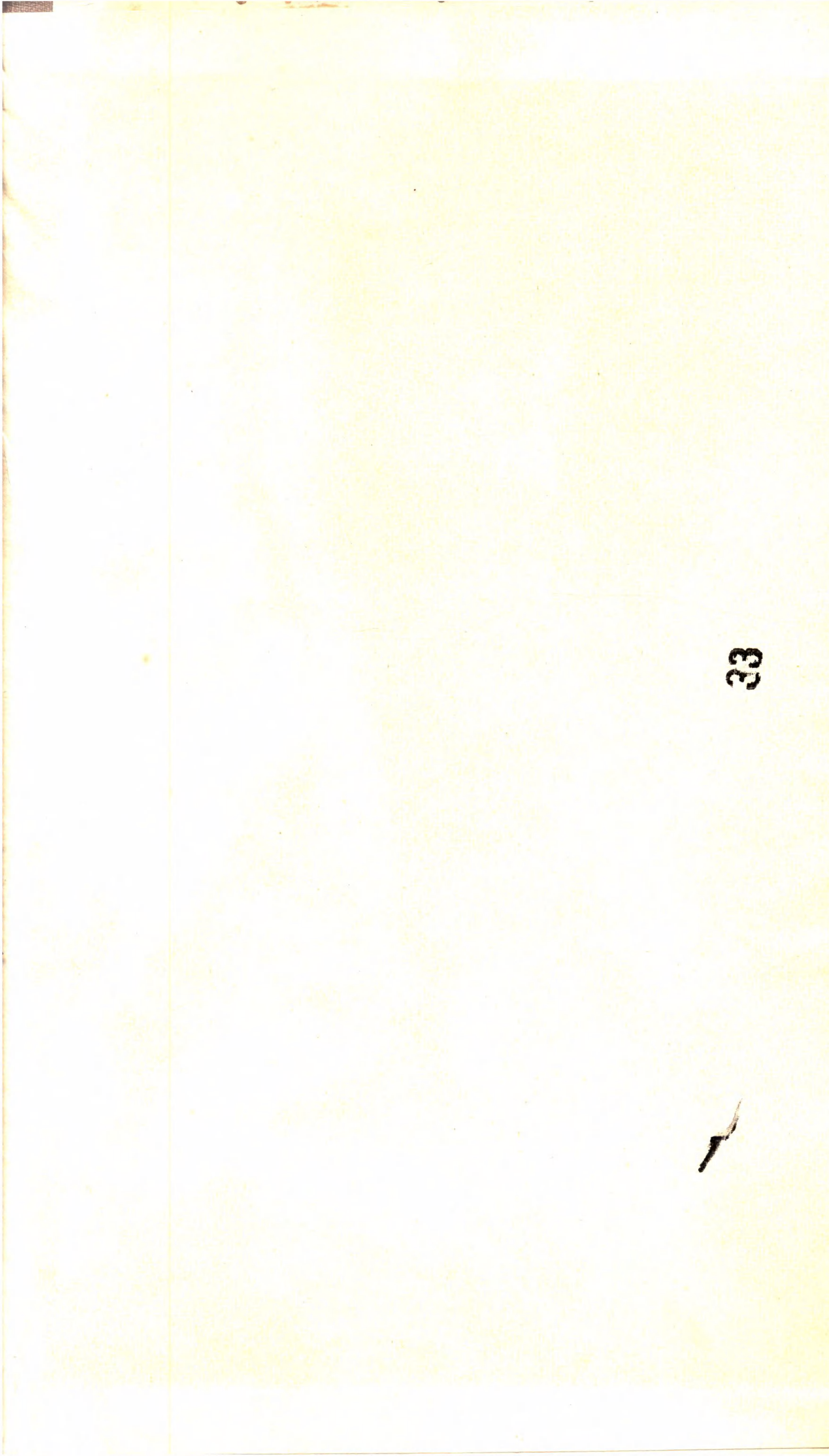
Сдано в набор 15|III 1954 г.
Подписано в печать 28|X 1954 г.
Формат бум. 70×108 1|16. 14,73 печ. лист.
Бум. лист. 5 3/8. Уч-изд. лист. 14,75
Тираж 3000. Т-07763 Изд. № 374.
Цена 9 руб. 85 коп.

* * *

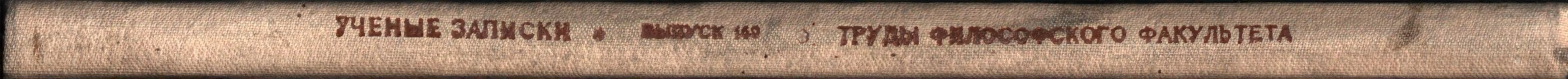
Издательство
Московского университета

* * *

1-я тип. Профиздата.
Москва. Крутицкий вал, 18. Заказ 592.

33

Цена 9 р. 85 к.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ • ВЫПУСК 149 • ТРУДЫ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА